ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 3 (94) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.
Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru
© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:
П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:
О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России
Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России
А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области
А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета
Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета
И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия
С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России
З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казахстанской академии
Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)
В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета
А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.
Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30 сентября 2020 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2020 г.
Цена свободная
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 34,4.
Тираж 1000 экз.
Первый завод 60 экз. Заказ № 35.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF EAST SIBERIAN INSTITUTE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (94) 2020

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2020

Editors

Chief Editor
P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Editorial team
O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation
B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation
A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region
A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation
V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University
D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University
I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, head of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia
I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia
V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice
S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy
N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University
A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation
V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.
Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.
The republication is allowed after the Editorial board permission only.
Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 30th September 2020. Publication date 30th September 2020.
Price: free
Format 60 × 84/8
Conventional printed sheets 34,4. Issue 1000 copies
Fist issue 60 copies. Order No 35.
Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Авдеева О. А., Степанова Е. Е. Теоретико-методологические аспекты реализации правовой политики в сфере территориальной организации государственной власти в условиях колонизации северо-западных территорий Северной Америки 9
Парфенова Т. А. Абсолютна ли монархия? Правотворческий аспект 18
Репьев А. Г. «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты 34

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Гусева И. А., Курышева И. А. К вопросу о мерах конституционно-правовой ответственности органов публичной власти (на примере Иркутской области) 47

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Балобеев А. В. Совершенствование мер предупреждения преступных деяний, загрязняющих природную среду и ее компоненты 56
Босхолов С. С., Сидорова Е. З. Понятие системы обеспечения криминологической безопасности образования 66
Гаврилов Б. Я. Российское законодательство уголовно-правового комплекса: современное состояние и пути развития 74
Ермаков С. В. Особенности квалификации по статьям 286, 303 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию 83
Зарубин А. В., Федышина П. В. К вопросу о понятии источника повышенной опасности при уничтожении или повреждении лесных и иных насаждений в уголовном законодательстве зарубежных государств .. 91
Зубкова А. В. Об эффективности мер по предупреждению незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов 100
Тулеубекова М. М. Освобождение от уголовной ответственности (наказания) по законодательству дореволюционной России 109
Цветков П. В. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат спортивного соревнования 121

Уголовный процесс

Грачев С. А. Конституционные права личности при осмотре мобильного устройства: коллизия толкований в правовых позициях высших судебных инстанций России требует законодательного разрешения 134
Загорьян С. Г. Некоторые проблемные вопросы уголовно-процессуального задержания 146
Павлов А. В., Чемерилова Е. Н. Заочный арест обвиняемого, объявленного в межгосударственный розыск 157

Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

Слышалов И. В., Огородников М. А. О понятии, правовом регулировании и тенденциях обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел 169

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Васильченко А. В., Нугаева Э. Д. К вопросу об оценке результатов судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам, связанным с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей 176
Карпенко Ю. А. Специалист и эксперт — обязательные участники расследования незаконного оборота наркотических средств 187
Колесникова Е. Н. Особенности применения специальных бухгалтерских познаний в целях выявления и документирования признаков совершения мошеннических действий в агропромышленном комплексе 199
Смолькова И. В. Проблемы использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений 210
Степаненко Д. А. К вопросу о языке науки криминалистики 223

Административное право; административный процесс

Ефремова М. А., Шутова А. А., Никифорова А. А. Трансформация российского административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) 232
Коврова В. Г. Дисциплинарное принуждение в системе административно-правовых средств противодействия коррупции 249
Лянной Г. Г. О необходимости проведения выездного заседания при производстве по делу об административном правонарушении 256
Такмакова Ю. В. Комплексная схема организации дорожного движения как перспективный метод обеспечения его безопасности 264
Информация для авторов 271

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Avdeeva O. A., Stepanova E. E. The theoretical and methodological aspects of the implementation of legal policy in the sphere of territorial organization of state power in terms of colonization of the north-western territories of North America.....9
Parfenova T. A. Is an absolute monarchy absolute? Law-making aspects 18
Repyev A. G. "Quota" as a legal category: definitive and substantive aspects.....34

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Guseva I. A. On the issue of measures of constitutional and legal responsibility of public authorities (on the example of the Irkutsk region) 47

Criminal law and criminology; criminal executive law

Balobeyev A. V. Improvement measures to prevent criminal acts, polluting the natural environment and its components.....56
Boskholov S. S., Sidorova E. Z. Concept of the system of ensuring criminological security of education 66
Gavrilov B. Ya. Russian legislation of criminal and legal complex: modern condition and ways of development.....74
Ermakov S. V. Peculiarities in qualifications under articles 286, 303 of the Russian Federation criminal code of action of operative departments employees, allowing provocation 83
Sarubin A. V., Fedyshina P. V. On the issue of the concept of a source of increased danger in the destruction or damage of forest and other plantings in the criminal legislation of foreign states 91
Zubkova A. V. On the effectiveness of measures to prevent illegal harvest (catch) of aquatic biological resources.....100
Tuleubekova M. M. Exemption from criminal responsibility (punishment) on legislation of pre-revolutionary Russi 109
Tsvetkov P. V. Criminal liability for match fixing — legislative regullation challenges.....121

Criminal proceeding

Grachev S. A. Constitutional rights of the individual when inspecting a mobile device: conflict of interpretations in the legal positions of the highest courts of Russia requires legislative permission.....134
Zagoryan S. G. Several issues of criminal procedure detention.....146
Pavlov A. V., Chemerilova E. N. Arrest in absentia of the accused, declared on the interstate wanted list 157

Judicial activity; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

Slyshalov I. V., Ogorodnikov M. A. On the concept, legal regulation and trends ensuring personal security of employees of internal affairs bodies 169

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Vasilchenko A. V., Nugaeva E. D. On the issue of evaluating the results of forensic medical examination on criminal cases related to inappropriate implementation of medical workers of their professional project 176
Karpenko Y. A. Fornsic specialist and expert as mandatory participants in the investigation of illicit drug trafficking 187
Kolesnikova E. N. Features of application of the special accounting knowledge for the purpose of identification and documentation of signs of performance of fraudal actions in the agricultural complex 199
Smolkova I. V. Problems of using hypnosis during detection and investigation of crimes 210
Stepanenko D. A. On the issue of the language of the science of criminalistics 223

Administrative law; administrative process

Efremova M. A., Shutova A. A., Nikiforova A. A. Transformation of Russian administrative and criminal legislation in the context of the novel coronavirus (covid-19) outbreak 232
Kovrova V. G. Disciplinary coercion in the system of administrative and legal means of combating corruption 249
Lyannoy G. G. On the need for a retreat in the proceedings on an administrative offense 256
Takmakova Y. V. Integrated road organization diagram as a prospective method of providing its safety 264

Information for authors 271

УДК: 340: 342.15
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10051

Авдеева Ольга Анатольевн
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института
МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: avdeevaoa@mail.ru

Avdeeva Olga Anatolevna
professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal
Affairs of Russia, Doctor of Law,
Associate Professor
E-mail: avdeevaoa@mail.ru

Степанова Елена Евгеньевна
адъюнкт Восточно-Сибирского
института МВД России
E-mail: kanuzelelena@inbox.ru

Stepanova Elena Evgenievna
adjunct, East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia
E-mail: kanuzelelena@inbox.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Введение: Статья посвящена реализации правовой политике Российского государства на колонизируемых северо-западных территориях Северной Америки. Показана зависимость методов и средств правового воздействия от экономических, финансовых, культурных и географических условий данной территории. Отмечены геополитические особенности северо-западных территорий Северной Америки, сопряженные со стратегическим значением правовой политики по обеспечению обороноспособности государства на восточных рубежах. Определены ключевые принципы реализации

Материалы и методы: источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты, регламентирующие правовую политику по колонизации северо-западных территорий Северной Америки, доктринальные разработки по теории государства и права в области государственного устройства, организации государственной власти. При подготовке статьи использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования, в том числе диалектический, антропологический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования: сформулированы выводы о принципах, методах и средствах реализации правовой политики России по освоению северо-западных территорий Северной Америки, определены особенности территориальной организации государственной власти.

Выводы и заключения: авторами обосновывается вывод о том, что правовая политика Российской империи, проводимая в отношении северо-западных территорий Северной Америки, отличалась сочетанием таких ведущих принципов, как целесообразность, системность и гуманизм. В процессе колонизации новооткрытых территорий ведущую роль играли военно-стратегические цеди и фискальные интересы государства, обусловливающие в условиях географической отдаленности и территориальной обособленности специфику реализации финансово-податных функций.

Ключевые слова: правовая политика, правовое воздействие, колонизация, Северная Америка, Аляска, Российско-американская компания, туземцы, реализация права, Русская Америка.

THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF STATE POWER IN TERMS OF COLONIZATION OF THE NORTH-WESTERN TERRITORIES OF NORTH AMERICA

Introduction: The article is devoted to the implementation of the legal policy of the Russian state in the colonized Northwest territories of North America. The dependence of methods and means of legal influence on the economic, financial, cultural and geographical conditions of a given territory is shown. The author notes the geopolitical features of the North-Western territories of North America, which are associated with the strategic significance of the legal policy to ensure the state's defense capability on the Eastern borders. Key implementation principles are defined

Materials and Methods: the Source base of the research was made up of normative legal acts regulating the legal policy of colonization of the North-Western territories of North America, doctrinal developments on the theory of state and law in the field of state structure, organization of state power. In preparing the article, general scientific and private scientific research methods were used, including dialectical, anthropological, formal-legal, system-structural, and comparative-legal methods.

Results of the Study: conclusions are formulated about the principles, methods and means of implementing the legal policy of Russia for the development of North-Western ter-

ritories of North America, and the features of the territorial organization of state power are defined.

Findings and Conclusions: the authors substantiate the conclusion that the legal policy of the Russian Empire, conducted in relation to the North-Western territories of North America, was characterized by a combination of such leading principles as expediency, consistency and humanism. In the process of colonization of newly discovered territories, the leading role was played by military-strategic goals and fiscal interests of the state, which determine the specifics of the implementation of financial and tax functions in the conditions of geographical remoteness and territorial isolation.

Keywords: legal policy, legal impact, colonization, North America, Alaska, Russian-American company, natives, implementation of law, Russian America.

Исходя из тенденций современного государственно-правового развития Российской Федерации, одним из стратегических направлений повышения эффективности механизма правового воздействия следует признать совершенствование правовой политики. Определение мер по оптимизации правовой политики в сфере территориальной организации государственной власти, в том числе правового статуса субъектов, образующих состав государства, принципов организации и функционирования органов государственной власти субъектов, принципов их взаимодействия с федеральными органами государственной власти, закономерно детерминирует необходимость учета теоретико-методологических основ и национального правового опыта.

Анализируя место, роль и значение правовой политики при определении основных направлений государственно-правового строительства, принципов и методов территориальной организации власти, необходимо отметить, что достижение целей социального воздействия на общественные отношения с помощью права осуществляется в трех формах, в частности, посредством правового регулирования, информационного и ориентационного воздействия. Правовое регулирование предусматривает формирование механизма, регламентирующего процесс использования (соблюдения) и реализации (исполнения) предусмотренных законом субъективных юридических прав (обязанностей), нарушение которого влечет правоприменительную деятельность, сопряженную, с одной стороны, с восстановлением нарушенных прав и свобод, а с другой, — наложением мер государственного принуждения. Информационная составляющая правового воздействия предполагает доведение до субъекта права информации, способствующей правовому просвещению и избранию социально-полезной линии поведения. Ориентационная составляющая правового воздействия направлена на формирование отвечающего формализованным правилам, установленным государством, правового поведения в силу воздействия стимулирующих факторов либо под угрозой применения мер государственного принуждения, влекущих ограничение или лишение прав и свобод.

Что касается инструментальной сущности правового воздействия, то следует подчеркнуть влияние процесса эволюции общественных отношений, в ходе которой

происходит трансформация применяемых средств и ресурсов. Воздействие права на общественные отношения характеризуется последовательной модификацией в процессе эволюции форм социальной организации общества. Развитие политической, экономической и социальной систем влечет необходимость совершенствования механизма правового воздействия, поиск наиболее приемлемых методов и средств. Степень и характер правового воздействия обусловливаются историко-правовыми, экономическими и идеологическими факторами, а также уровнем юридической техники и информационной составляющей общества [5, с. 27].

Главенствующую роль в обеспечении правового воздействия играет правовая политика. В современном понимании правовую политику следует рассматривать как правовую категорию, сочетающую формальный и материальный аспекты. Материальный подход к пониманию правовой политики означает деятельность государства, направленную на формирование правовых целей и правовых средств для их достижения. По мнению Малько А. В. и Шундикова К. В., правовая политика представляет собой деятельность уполномоченных субъектов (прежде всего, государственных и муниципальных органов власти) по созданию эффективного механизма правового регулирования, которая носит научно обоснованный, последовательный и системный характер [5, с. 213]. В. В. Смирнов, детализируя понятие правовой политики, отмечает, что правовая политика представляет собой выражение политики государства, государственных и муниципальных институтов, должностных лиц и лидеров в сфере права и правовых учреждений, политику, осуществляемую посредством права и правовых инструментов [9, с. 119]. Следовательно, правовая политика служит обоснованием проводимых правовых реформ, устанавливает их характер, сроки и пределы.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, цель правовой политики и правового воздействия в целом стоит определять с учетом цели государства. Как отмечал Л. И. Петражицкий, «политика права» предполагает: 1) разработку путей по достижению «определенных желательных результатов»; 2) «научно обоснованное предвидение последствий» введения правовых предписаний.

Правовая политика обладает рядом свойств, отражающих её сущностные характеристики. Во-первых, правовая политика, выступая результатом деятельности компетентных органов государства, носит государственно-волевой и властно-императивный характер. Во-вторых, основными формами реализации правовой политики является правотворческая, правоприменительная, интерпретационная и доктринальная деятельность. В-третьих, осуществление правовой политики предусматривает применение технико-юридических методов, средств и приемов. К числу основных методов правовой политики относят убеждение в целесообразности и необходимости принятых государством правовых решений. Среди приемов реализации правовой политики стоит отметить осуществление правового воспитания, развитие правовой культуры и правосознания.

Эффективность правовой политики определяется степенью достижения поставленной цели, ценностью, качеством и полезностью достигнутых результатов [9,

с. 19]. Эффективность правовой политики зависит от правовых принципов, положенных в основу при определении стратегии реализации поставленной цели. Рассматривая базовые принципы правовой политики, стоит отметить особую значимость таких принципов, как целесообразность, системность и гуманизм.

Анализ принципов реализации правовой политики предполагает обращение внимания на онтологический подход к пониманию сущности правовой политики как правовой категории. В этой связи необходимо подчеркнуть, что главенствующую роль при определении государством правовой политики играет принцип целесообразности (необходимости). Так, в работах Аристотеля и Платона («Горгиас», «О государстве», «О законах» и т. д.) анализ принципа целесообразности (необходимости) правовой политики основывается на разграничении трех критериев, в частности: 1) «отыскание причин», обусловливающих необходимость создания закона; 2) составление законов «в пределах необходимости»; 3) целесообразное отправление законов [3, с. 114].

В трудах зарубежных правовых мыслителей Ч. Беккариа и Ш. Монтескье правовая политика как правовая категория рассматривается с позиции позитивистского типа понимания. Целесообразность правовой политики трактуется как необходимость «получения максимума общественной пользы». Развивая антропологический подход к пониманию правовой политики, зарубежные правовые мыслители XVIII в. акцентируют внимание на учете государством принципа целесообразности, который требует: 1) изучения «недостатков порядков и учреждений гражданского общества»; 2) исследования «человеческой природы в пределах времени и пространства»; 3) обоснования предполагаемых политико-правовых преобразований.

Идея «научного исследования» основ правовой политики промульгировалась в работах Дж. Локка, Т. Гоббса, Г. Гроция, Б. Спинозы, И. Канта. Для определения оптимальных направлений правовой политики требуется достижение принципа целесообразности, следовательно, возникает необходимость предоставления «широкой свободы» при проведении исследования её научных и практических основ.

В качестве второго ведущего принципа правовой политики был отмечен гуманизм. Примечательно, что в работах Ш. Монтескье значительная роль в правовой политике государства отводится принципу гуманизма, предусматривающему выдвижение на первый план идеи о соответствии законов государства «интересам человеческой личности». В результате гуманистический подход к правовой политике подразумевал наличие «духа законодателя», отличающегося умеренностью, осмотрительностью и осторожностью при принятии правовых решений.

По мнению российских правоведов конца XIX — начала XX вв. Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева, Л. И. Петражицкого, Г. Ф. Шершеневича, М. П. Чубинского, политика государства должна основываться на основе правовых средств воздействия. Правовая политика (политика права), в свою очередь, должна содержать «правовые идеалы» и «правовые пути», которые соответствуют «духу времени».

Третьим принципом правовой политики является принцип системности, заключающийся в разработке государством, исходя из преследуемой цели, системы последовательных мер, позволяющих воплотить намеченные планы в объективную реальность. М. П. Чубинский подчеркивал значимость в правовой политике процесса разработки правовых норм с учетом их «жизнепригодности». В этой связи при избрании государством правовой политики необходимо «смотреть в глубь прошлого, суть настоящего и вероятного будущего» [10, с. 32]. Согласно Каплеру, правовая политика обеспечивает «регуляцию вопроса», предполагающую рассмотрение вопроса о целесообразности принимаемого законодательства, учитывая «основы естественного права» и «состояние культуры, характер, нравами и прочие особенности народа».

Современный подход к определению принципов правовой политики позволил исходить из анализа сущности правовой политики, которая обусловлена сущностью государства и, как следствие, может носить классовый или общесоциальный характер. В современных условиях, по мнению Н. И. Матузова, основные принципы правовой политики должны включать: 1) соответствие правовой политики международным стандартам; 2) приоритетность прав человека; 3) легитимность (законность); 4) социальную обусловленность (целесообразность); 5) научную обоснованность; 6) устойчивость и предсказуемость (стабильность, системность); 7) гуманность; 8) сочетание интересов государства и личности; 9) гласность; 10) справедливость; 11) нравственность [6, с. 33].

В современных условиях демократизации политической системы в качестве приоритетных направлений выделяют признание прав и свобод человека как высшей ценности государства, развитие правовой государственности, развитие институтов гражданского общества. Стратегической целью государства является формирование правовой политики, направленной на правовое обеспечение универсальных международно-правовых норм с учетом социально-культурной, правовой, цивилизационной самобытности сложивших элементов социально-экономической и политико-правовой сфер жизнедеятельности российского общества.

Исследуя вопросы правовой политики в сфере территориальной организации государственной власти, необходимо исходить из следующих положений. Правовая политика детерминируется политикой государства. Правовая политика исходит из политики государства, способствует достижению «стратегических целей» и реализации «тактических задач». Правовая политика в формальном аспекте предусматривает разработку концепций и программ, реализуемых в процессе деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, граждан, политических партий и иных общественных объединений. Содержание правовой политики составляют способы и средства её осуществления.

Определение правовой политики предусматривает постановку целей, исходя из актуальных потребностей, назревших в результате модернизации социальной, экономической и политической систем общества. Согласно классификации формообразующих факторов правовой политики, предложенной М. Н. Марченко, первую группу

составляют внешнеотносимые по отношению к внутригосударственной жизни, вторую группу — «чисто внутренние» факторы [5, с. 27].

Таким образом, правовая политика в сфере территориальной организации государственной власти, являясь составной частью общегосударственной политики, предусматривает реализацию стратегических целей и тактических задач на общегосударственном, региональном и местном уровнях [1, с. 46]. Правовая политика в сфере территориальной организации государственной власти исходит из соотношения внешних и внутренних факторов. Внешнее направление правовой политики состоит в реализации стратегических целей и задач по обеспечению суверенитета и территориальной целостности государства. Главенствующим направлением правовой политики в пределах территории государства признаётся формирование и обеспечение функционирования на общегосударственном, региональном и местном уровнях органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В XVIII—XIX вв. наметилась активная внешнеполитическая деятельность России по расширению территориальных границ. Формирование и степень реализации намеченной правовой политики обусловливаются совокупностью факторов, среди которых первостепенное значение имеют внешнеполитические, экономические, идеологические, финансовые и иные факторы. Колонизация северо-западных территорий Северной Америки наметилась вслед за освоением Сибири и Дальнего Востока. Присоединение северо-западных территорий Северной Америки преследовало достижение целей, имеющих внутриполитическое и внешнеполитическое значение.

Прежде всего, актуальной проблемой являлось укрепление российской государственности на восточных рубежах путем продвижения на восток и расширения территориальных границ государства. Внешнеполитическая стратегия Российского государства детерминировалась необходимостью укрепления обороноспособности с учетом активизации деятельности в северных широтах Тихого океана Великобритании.

Особое значение имело достижение цели по решению фискальных вопросов и осуществлению финансово-податных функций. Основанием решения фискальных проблем стало наличие на северо-западных территориях Северной Америки пушнины, востребованной на внутреннем и внешних рынках. Колонизация северо-западных территорий Северной Америки носила промысловый характер, фискальный интерес представляла добыча ценного меха морского бобра (калана). Например, только в период с 1743—1799 гг. в ходе 89 экспедиций было добыто пушнины на сумму 7 млн 828 тыс. 647 рублей [1, с. 41]. Морское крейсирование отечественных судов в водах, сопредельных с Северной Америкой, содействовало экономическому развитию России, усилению экономического потенциала восточных регионов Российского государства, в том числе Сибири, Дальнего Востока, Камчатки и Сахалина.

Правовая политика по освоению северо-западных территорий Северной Америки носила системный характер и предусматривала с середины XVII в. проведение последовательных действий по освоению береговой части и изучению выхода к Тихому океану путем организации научно-исследовательских экспедиций [7, с. 607].

К середине 60-х годов XVIII в. русскими были открыты все Алеутские острова и полуостров Аляска.

Основополагающим принципом правовой политики по освоению северо-западных территорий Северной Америки следует признать принцип гуманизма. Туземные племена, населявшие северо-западные территории Северной Америки, находились на стадии родоплеменной организации. Правовые акты указывали на отыскание земель, неизведанных русскими, предоставление сведений о народах, проживающих на них, склонение туземцев «в ясак ласкою и приветом», освоение, не причиняя жестокости и «разграбления», «свирепства не показывая» [8, с. 1002].

Таким образом, правовая политика России в ходе колонизации северо-западных территорий Северной Америки исходила из политической стратегии государства, детерминируемой потребностями государства, нацеленных как на его развитие, так и укрепление. Правовая политика Российского государства, проводимая в отношении северо-западных территорий Северной Америки, отличалась рациональным характером и содействовала укреплению обороноспособности государства, предотвращению внешней агрессии, заселению неосвоенных островных территорий, хозяйственному освоению, развитию торгово-экономических связей с иностранными государствами.

В процессе освоения новооткрытых территорий учитывалась этнополитическая и этнокультурная специфика населения, территориальная протяженность, островная разобщенность, отдаленность от административных центров, низкая плотность населения, экономическая неразвитость и своеобразность культуры населяющих народов, устоявшиеся обычаи и традиции, повлёкшие правовую разобщенность населяющих данную территорию народов.

Особенность правовой политики России заключалась в мирном характере колонизации северо-западных территорий Северной Америки. Специфика геополитического, экономического, демографического, социального и военно-стратегического факторов послужили основой для избрания системных последовательных мер, позволивших ввести особый механизм территориальной организации власти, отличающийся от системы государственного управления, действовавшей на европейской части России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авдеева О. А. Основные направления новеллизации российского федерализма // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2013. — № 2. — С. 46—50.

2. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Правовое воздействие и правовая политика: вопросы институализации и инструментальной сущности // Юридический мир. — 2015. — № 11. — С. 19—23.

3. Антология мировой философии. В 4-х т. Философия древности и средневековья. — М.: Мысль, 1969. — Т. 1. Ч. 1. 316 с.; Антология мировой философии. В 4-х томах. Философия древности и средневековья. — М.: Мысль, 1969. — Т. 1. Ч. 2. — 576 с.

4. Макаров Р. В. Вопросы географии. История географических знаний. — М.: Географгиз. — 256 с. — С. 41.

5. Малько А. В., Шундиков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. — Саратов, 2003. — 294 с.

6. Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики / Н. И. Матузов // Правовая политика и правовая жизнь. — 2000. — № 8. — С. 33.

7. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. — СПб., 1719. Т. V. — № 3266. — С. 607.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. — СПб., 1732. Т. XVIII. — № 6291. — С. 1002.

9. Правовая политика в условиях модернизации (по материалам Всероссийской конференции в Институте государства и права РАН) // Государство и право. — 2011. — № 10. — С. 119.

10. Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. — М., 2014. — С. 32.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Avdeeva O. A. Main directions of novelization of Russian federalism // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2013. № 2. P. 46—50.

2. Avdeev V. A., Avdeeva O. A. Legal impact and legal policy: issues of institutionalization and instrumental essence // Legal World. 2015. № 11. P. 19—23.

3. Anthology of world philosophy. In 4 volumes. Philosophy of antiquity and the middle ages. Moscow: Thought, 1969. Vol. 1. Pt. 1. 316 p.; Anthology of world philosophy. In 4 volumes. Philosophy of antiquity and the middle ages. Moscow: Thought, 1969. Vol. 1. Pt. 2. 576 p.

4. Makarov R. V. Questions of geography. History of geographical knowledge. Moscow: Geografgiz. 256 p. P.41.

5. Malko A. V., Shundikov K. V. Goals and means in law and legal policy. Saratov, 2003. 294 p.

6. Matuzov N. I. General concept and main priorities of the Russian legal policy / № I. Matuzov // Legal Policy and Legal Life. 2000. № 8. P. 33.

7. Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. SPb., 1719. Vol. V. № 3266. P. 607.

8. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. SPb., 1732. Vol. XVIII. № 6291. P. 1002.

9. Legal policy in conditions of modernization (materials of all-Russian conference in the Institute of state and law RAS) // State and Law. 2011. № 10. P. 119.

10. Chubinsky M. P. Essays on criminal policy: concept, history and main problems of criminal policy as an integral element of the science of criminal law. Moscow, 2014. P. 32.

УДК:342.36
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10052

Парфенова Татьяна Андреевна
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО ВГУЮ
(РПА Минюста России)
Иркутский институт (филиал)
кандидат юридических наук
E-mail: Parfenovata@mail.ru

Parfenova Tatiana Andreevna
assistant Professor, Department of Theory and History of State and Law,
FGBOU VO VGUYu
(RPA of RF Ministry of Justice)
Irkutsk Branch
candidate of Law
E-mail: Parfenovata@mail.ru

АБСОЛЮТНА ЛИ МОНАРХИЯ? ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение: в статье рассматривается реальность существования абсолютной монархической формы правления в условиях современности. Анализируются основные законы государств, которые чаще всего в юридической и политологической литературе называются абсолютным монархиями: Оман, Саудовская Аравия, Бруней, Свазиленд (Эсватини), Объединенные Арабские Эмираты, Катар.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют действующие на данный момент Конституция Султаната Оман, Конституционные акты Королевства Саудовская Аравия, Конституция Государства Бруней-Даруссалам, Конституция Свазиленда, Конституция Объединенных Арабских Эмиратов, Конституция Катара. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, методы эмпирического и теоретического характера (описания, формализации, анализа, гипотезы), а также специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования: показана структура законодательной власти в выбранных государствах, а также влияние главы государства на процесс создания закона, в результате чего оспаривается характер абсолютной власти, ставится вопрос о понимании абсолютной монархии в теоретико-правовой науке и разработке актуальной классификации монархий с учетом современности.

Выводы и заключения: на основании анализа основных законов выбранных государств следует вывод о том, что ни одно из них нельзя относить к абсолютным монархиям. Вместе с тем, ввиду особого статуса глав государств, Оман и Саудовская Аравия не являются монархиями ограниченными. Свазиленд (Эсватини) и Бруней являются монархиями классической дуалистической модели. Объединенные Арабские Эмираты также тяготеют к дуалистической монархии, если не учитывать выборный характер главы государства. Катар невозможно отнести ни к одному из видов устоявшейся классификации.

Ключевые слова: абсолютная монархия, дуалистическая монархия, монарх, парламент, консультативный совет, законотворчество, закон, вето, Оман, Саудовская Аравия, Бруней, Свазиленд (Эсватини), Объединенные Арабские Эмираты, Катар.

IS AN ABSOLUTE MONARCHY ABSOLUTE? LAW-MAKING ASPECTS

Introduction: the paper discusses the viable possibilities for sustenance of absolute monarchy as a form of government in modern conditions. It analyzes basic laws of states, which are most often in legal and political science literature called absolute monarchies: Oman, Saudi Arabia, Brunei, Swaziland (Eswatini), United Arab Emirates, Qatar.

Materials and Methods: regulatory base of studies has been formed by the currently valid Constitution of the Sultanate of Oman, Constitutional Acts of the Kingdom of Saudi Arabia, Constitution of Brunei Darussalam, Constitution of the Kingdom of Swaziland, Constitution of the United Arab Emirates, Constitution of Qatar. Methodology of studies is based on a general dialectical method of scientific knowledge, methods of empirical and theoretical nature, i.e., descriptions, formalizations, analysis, hypotheses, and specific legal methods (technical, and comparative law research).

Results of the Studies: the paper presents the structure of the legislative power in the mentioned states, as well as the influence of the head of state on the process of law-making, as a result of which the nature of absolute monarchy power is disputed, and raise the issue of understanding the absolute monarchy in theoretical legal science and the development of a relevant classification of monarchies as a form of government in modern world.

Findings and Conclusions: analysis of the Basic Laws and Statutes of mentioned states allowed us to conclude that none of them can be classified as absolute monarchies. In addition, Oman and Saudi Arabia cannot be classified as limited monarchies due to the special status of the heads of state. Swaziland (Eswatini) and Brunei are the monarchies of the classical dualistic model. Form of government in United Arab Emirates also tends to dual monarchy, if not to take into account elective nature of appointment of the head of state. Qatar cannot be attributed to any of the types of established classification.

Keywords: absolute monarchy, dual monarchy, monarch, parliament, advisory council, legislation, law-making process, law, veto, Oman, Saudi Arabia, Brunei, Swaziland (Eswatini), United Arab Emirates, Qatar.

В современном мире нет единства мнений относительно численности существующих государств: по различным сведениям, таковых насчитывается порядка двухсот, и в это число не входят так называемые непризнанные государства и территории с неопределённым статусом. Среди всего этого множества государств с монархической формой правления насчитывается около тридцати, а государств, где власть монарха реальна, где он действительно влияет на государственно-правовую политику своей страны, и того меньше. Вместе с тем имеющиеся на сегодняшний день монархии очень сложно укладываются в устоявшуюся классификацию, разделяющую их на абсолютные и ограниченные, и одним из проблемных вопросов здесь является вопрос выделения монархий абсолютных.

Относительно существования этой разновидности монархии представляется целесообразным выделить два подхода. Первый касается того, что абсолютная монархия как форма правления осталась в прошлом и относится к числу сугубо исторических форм [9; 15]. Его представители характеризуют абсолютную монархию как фор-

му правления, где государственная власть полностью и безраздельно принадлежит монарху и не ограничена каким-либо представительным (законосовещательным или законодательным) органом [9]. В. Е. Чиркин писал: «В настоящее время таких монархий уже нет: в последней из них — султанате Омане в 1996 г. монарх даровал конституцию» [15, с. 141]. Таким образом, исходя из данной позиции, все имеющиеся современные монархии относятся к числу ограниченных, ведь нет ни одного государства на данный момент, где не было бы конституции или закона, её заменяющего.

Но здесь возникает закономерный вопрос, как быть с теми государствами, в которых власть монарха при наличии основного закона сложно признать ограниченной? По данному вопросу в литературе сложился второй, весьма стихийный и упрощенный, подход, который состоит в том, чтобы только называть такие государства абсолютными монархиями, не корректируя при этом представление о том, что есть эти современные абсолютные монархии как теоретическая категория. К числу таковых наиболее часто относят шесть государств: Оман, Саудовскую Аравию, Бруней, Свазиленд (Эсватини), Объединенные Арабские Эмираты, Катар [8, с. 1—2; 14, с. 36; 4, с. 90].

Но абсолютна ли монархия на самом деле? Если отодвинуть на задний план обязательное наличие конституции, можно ли назвать перечисленные государства абсолютными на данный момент? Абсолютизм — непростая и противоречивая конструкция, характеризуемая разными признаками, в числе которых отсутствие разделения властей, правовое закрепление монархического суверенитета, отсутствие каких-либо политико-правовых рамок деятельности монарха, наличие разветвленного бюрократического аппарата и пр. [8, с. 2—6]. Не умаляя значения всех перечисленных признаков, полагаем, что наиболее важные его особенности проявляются в связи с правотворчеством, и абсолютный характер власти главы государства в первую очередь означает особые его полномочия при формировании законодательства, исключающие чье-либо возможное вмешательство.

Вместе с тем, опираясь на тексты основных документов перечисленных выше государств, можно констатировать наличие в каждом из них органа законосовещательного или же органа законодательного характера, который в той или иной степени можно назвать парламентом (протопарламентом). Но насколько реальна его деятельность? В чем состоит в этой связи специфика принятия законов? Отвечая на эти вопросы, опираясь на исследования авторитетных ученых и тексты основных законов, можно будет в аспекте правотворчества понять степень абсолютного характера власти монарха в выбранных государствах.

Оман и Саудовская Аравия. Данные государства наиболее часто упоминаются в литературе в качестве абсолютных монархий. И действительно, наименьшее значение и, соответственно, наибольший законосовещательный характер парламента можно увидеть в Султанате Оман и Саудовской Аравии.

Сразу отметим, не претендуя на оригинальность трактовки, что в данной статье этот термин будет означать предусмотренный основным законом орган власти, частично формируемый монархом, а частично населением (или верхушкой общества) для участия в той или иной степени в процессе подготовки и принятия законов. Это

важно обозначить, поскольку ряд ученых склоняется к тому, чтобы не считать органами парламентского типа консультативные советы (советы шуры) [10, с. 84], формирование которых базируется на традиционном исламском принципе «консультации», т. е. «решения наиболее важных вопросов на коллегиальной основе путем обмена мнениями между представителями различных групп населения в целях достижения консенсуса» [10, с. 83].

Обстоятельно эту дискуссию между восточными и западными правоведами описала в своей статье М. А. Сапронова, придя к справедливому выводу о том, что консультативные советы арабских монархий в настоящее время всё больше приобретают сходство с учреждениями парламентского типа, и в перспективе они способны стать базой для создания парламентских учреждений [10, с. 104]. Не вступая в данную полемику, для удобства в настоящем исследовании такие советы названы обобщающим термином «парламент».

Оман и Саудовскую Аравию в первую очередь объединяет некое конституционное умолчание относительно парламента, а особенности его формирования и полномочий, связанных с законотворчеством, регулируются или специальным законом, или указом главы государства.

Султан Омана, согласно ст. 41 Конституции[1], является главой государства, решения которого окончательны, ст. 42 определяет перечень обязанностей султана, в числе которых принятие и утверждение законов. О двухпалатном Совете Омана (также именуется Маджлисс аш-шура, Совет Шуры), состоящем на данный момент из Консультативного совета и Государственного совета, говорится только в статье 58 Конституции, которая указывает также на то, что все вопросы, имеющие отношение к работе Советов, определяются законом.

В результате проведенной в 1996 году султаном Кабусом реформы Консультативный совет представляет нижнюю палату Совета Омана и является выборным: члены Консультативного совета (82 члена) избираются верхушкой оманского общества. Государственный совет (41 член), верхняя палата, назначается султаном из наиболее компетентных специалистов, вышедших в отставку: бывших министров и их заместителей, послов, судей, высших офицеров, представителей творческой интеллигенции, преподавателей университетов и других общественных и государственных деятелей [10, с. 98—99].

Функции между двумя палатами распределены следующим образом: в компетенцию Государственного совета входит обсуждение и вынесение решений по поправкам и предложениям, которые предлагает ему Консультативный совет. Предложения Государственного совета затем повторно обсуждаются в соответствующих комитетах Консультативного совета и только после согласования направляются главе государства и правительству [10, с. 92]. Налицо дублирование функций Государственного совета и Консультативного совета и наличие у них в равной степени ограниченных полномочий [2, с. 19].

[1] Конституция Султаната Оман, принята 6 нояб. 1996 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://worldconstitutions.ru/?p=88 (дата обращения: 23.06.2020).

Ограниченность прослеживается еще и в том, что в регламенте Совета Омана отсутствуют положения о его полномочиях по внесению новых законопроектов. Однако Совет фактически положил начало такой традиции и предложил правительству новые законопроекты в форме докладов по вопросам культуры, образования и воспитания. К настоящему моменту Совет рекомендовал к принятию следующие проекты законов: об охране и защите ребенка; о правилах принятия в университеты; об охране здоровья инвалидов и закон о недееспособности [1]. Можно сказать, что Совет присвоил себе такого рода полномочия с молчаливого согласия султана [2, с. 19].

Нельзя не отметить, что работа Совета Омана ведется под надзором мактаба — бюро в составе президента, назначаемого указом султана, и двух вице-президентов, которые избираются членами Совета. В состав входит еще пять сотрудников, избранных коллегами из членов Совета. Бюро и Совет министров (правительство) дважды в год проводят совместные заседания, в результате чего происходит координация деятельности власти исполнительной и законодательной (законосовещательной) [5, с. 62—63]. Здесь важно отметить, что равным образом проекты законов султану может предлагать и Совет министров (ст. 44 Конституции). Тем не менее Совет Омана функционирует, проводит четыре сессии в год, имеет собственный бюджет, утверждаемый султаном, и образует комитеты, количественный состав которых определяет мактаб.

По инициативе не менее чем пяти членов Совета могут быть организованы дебаты по вопросам, представляющим особую значимость. Чаще это касается проектов экономических и социальных законов, передаваемых правительством в Совет. Члены Совета могут предлагать поправки к ним путем голосования сначала в соответствующем комитете, а затем в Совете в целом — так реализуется возможность оказывать влияние на деятельность правительства и государства в целом [5, с. 63].

Таким образом, назвать Совет Омана законодательным органом в общепринятом значении нельзя. В первую очередь ввиду рекомендательного характера его инициативы, а во-вторых, по причине исключения из компетенции вопросов политического характера (такие стратегические темы, как нефть, внешняя политика, оборонные приоритеты не могут затрагиваться членами Совета) [5, с. 63—64]. Вместе с тем исследователи отмечают, что роль Совета Шуры в законодательной деятельности в Омане огромна. Деятельность Государственного совета и Совета Шуры способствует конкретизации и организационному оформлению мусульманской доктрины в части вопросов государственного управления. Так, в процессе деятельности этих совещательных органов принцип шуры (совещательности) приобретает всё большее значение в Омане, показывая свою эффективность и жизнеспособность в изменяющихся условиях общественной жизни. Это способствует повышению значения законосовещательных органов для государственной политики и участия населения в государственном управлении в Омане [2, с. 17—18].

Саудовская Аравия является тем классическим примером модели государства, где именно ислам определяет основы государственно-политического строя. Здесь даже для обозначения нормативно-правовых актов и принимающих их государственных органов официально не употребляются термины «законодательство» и «законодатель», поскольку единственным истинным законодателем считается Аллах, а законо-

дательством — шариат. По такой концепции считается, что Саудовское государство осуществляет не законодательную в общепринятом смысле власть, а обладает лишь регламентарными полномочиями в рамках шариата. Роль фактической конституции Саудовской Аравии отводится Основному Низаму о власти 1992 года[1] (одним из значений арабского слова «низам» является «регламент»), которая законом не называется. Термин «закон» не используется по той причине, что в арабском языке для его обозначения применяется заимствованное слово «канун», которое ассоциируется с чуждой западной правовой культурой [13, с. 207].

Согласно Основному Низаму глава государства Саудовской Аравии — король. Он традиционно воспринимается не как аналог европейского монарха, а в ином качестве — хранителя двух святых мест ислама, имама и шейха шейхов [16, с. 94]. Король олицетворяет собой законодательную, исполнительную и судебную власть, однако, согласно Основному Низаму (ст. 44), власть образуют три ветви, которые взаимодействуют друг с другом, а король является только высшей инстанцией всех видов власти, но не всей властью.

Согласно статье 67 Основного Низама, в компетенцию законодательной власти входит разработка правовых норм и правил, отвечающих общим интересам, препятствующим проникновению зла в дела государства и соответствующих исламскому шариату. Она проводит свою деятельность в соответствии с настоящим документом, Положением о Совете министров и Положением о Консультативном совете (Меджлисе Аль-Шура), которые, как видно, и составляют власть законодательную, высшей инстанцией которой является король.

Консультативный совет (Меджлис аль-Шура) осуществляет в Саудовской Аравии формально парламентские функции, выполняя, как указывает статья 1 Положения об учреждении Меджлиса аль-Шуры Королевства Саудовская Аравия [2], задачи, возложенные на него в соответствии с данным Положением и Основным Низамом о власти, опираясь на Книгу Всевышнего Аллаха и Сунну Его Пророка.

Меджлис аль-Шура состоит из председателя и 60 членов, отобранных королем среди ученых, компетентных и опытных людей, юристов. Обязанности членов Меджлиса аль-Шуры и все направления их деятельности также определяются указом короля. (ст. 3 Положения). Согласно статье 68 Основного Низама, король имеет право роспуска и реорганизации Меджлиса, срок полномочий которого составляет 4 года (ст. 13 Положения).

Полномочия Совета определены статьей 15 Положения, которая демонстрирует обязательное участие в процессе создания закона Совета министров: «Меджлис аль-

[1] Основной Низам о власти Королевства Саудовская Аравия от 1 марта 1992 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/-konstitutsionnyie-aktyi-korolevstva-saudovskaya-araviya-1992-1993-goda.html (дата обращения: 23.06.2020)

[2] Положение об учреждении Меджлиса аль-Шуры Королевства Саудовская Аравия от 1 марта 1992 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsionnyie-aktyi-korolevstva-saudovskaya-araviya-1992-1993-goda.html (дата обращения: 23.06.2020).

Шура выражает мнение относительно общей политики государства, представленной на его рассмотрение Советом министров». К числу полномочий Меджлис аль-Шуры относится право обсуждать генеральный план экономического и социального развития, толковать законы, обсуждать ежегодные доклады, представленные министрами и другими правительственными органами, делать соответствующие предложения. Кроме того, закреплено право изучать международные пакты, уставы, договоры и соглашения и делать соответствующие предложения относительно этих вопросов.

Вместе с тем статья 20 Положения о Совете министров[1] говорит о том, что статуты, международные договоры и соглашения будут опубликовываться и в них будут вноситься поправки в соответствии с указом короля только после их изучения Советом министров.

Важное положение содержит статья 23 Положения о Меджлисе: любая группа из десяти членов Меджлиса аль-Шуры имеет право предложить новый законопроект или дополнения к действующему закону и представить эти предложения председателю Меджлиса аль-Шуры, который передает их королю.

Таким образом, Меджлис аль-Шура также не является органом законодательным, его деятельность, аналогично Совету Омана, носит рекомендательный характер, и также тесно связана с деятельностью правительства и монарха, что указывает, казалось бы, на неограниченный характер его власти. Вместе с тем основанная на традиционности и религии необходимость консультирования главы государства с представителями общества для нахождения оптимальных решений и законодательное закрепление консультативных советов заставляет задуматься об определённом сдерживании власти монарха, что для исследуемых государств является весьма существенным обстоятельством ввиду исторических, политических, религиозных предпосылок. Здесь уместно привести высказывание А. И. Яковлева, который назвал Консультативный совет Саудовской Аравии атрибутом современной государственности, который, наравне с Основным Низамом, стал ответом на нарастающее давление времени [16, с. 96]. Король Фахд бен Абдель Азиз (создал в 1992 г. Консультативный совет) в интервью кувейтской газете «Ас-Сияса» говорил о том, что ислам «представляет собой завершенную и глубоко интегрированную систему», частью которой являются не «свободные выборы», а «принцип консультации (аш-шура) и открытость отношений между правителем и подданными», перед которыми правитель «несет полную ответственность» [3, с. 31].

На основании изложенного применительно к этим государствам следует говорить не об абсолютной монархии, но и не об ограниченной. А скорее о выделении абсолютной монархии нового типа, по предложению А. И. Яковлева — неоабсолютистской [16, с. 103], предполагающей наличие совещательного органа при отправлении законодательной власти монархом.

[1] Положение о Совете министров Королевства Саудовская Аравия от 20 августа 1993 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsionnyie-aktyi-korolevstva-saudovskaya-araviya-1992-1993-goda.html (дата обращения: 24.06.2020).

Значение парламента в государствах *Бруней и Свазиленд (Эсватини)* несколько отличается от рассмотренного выше. Конституции этих государств достаточно подробно регламентируют процедуру рассмотрения законопроекта в парламенте, что создает впечатление активной законотворческой деятельности, но на деле это не так. И ряд статей основных законов государств это доказывает.

Согласно статье 39 Конституции Брунея, султан имеет законное право издавать законы в целях укрепления мира, порядка и должного управления в Брунее[1]. В статье 84 (п. 2) уточняется, что «Ничто в настоящей конституции не может умалять прерогативы и полномочия Его Величества Султана и с целью избегания сомнений провозглашается, что Султан не может утратить права на законотворчество и может принимать любые нормы, которые сочтет целесообразным».

Законодательный Совет Брунея — Маджлис Месюарат Негара — рассматривается в части 6 Конституции как орган, к которому султан может обращаться в любое время и по любому вопросу, равно как и объявить перерыв в его работе или распустить. Законодательный Совет однопалатный и состоит из 45 членов, 30 из которых назначаются султаном и до 15-ти (а точное число определяет султан), избираются от каждого из 4 административных округов Брунея (второе приложение к Конституции).

В основном законе подробно описывается процесс внесения законопроекта в Совет. Так, согласно п. 1 ст. 40 каждый член Совета может внести на рассмотрение любой законопроект. Если того не требует срочность, то проекты публикуются в официальном СМИ, а после опубликования представляются в Законодательный совет в течение семи дней.

Однако законопроекты наибольшей важности (перечень в ст. 42) предварительно требуют одобрения их султаном: это все, что связано с эмиссией денег, бюджетом, налогами и сборами, обороной и пр. Одобрение может быть выражено в любое время в письменной форме или через любого министра, если дело происходит во время заседания совета.

Процедура обсуждения законопроекта в парламенте имеет некоторые особенности, указывающие на значительный контроль за его деятельностью со стороны главы государства. Так, согласно п. 4 ст. 42, председатель Совета по своему усмотрению вправе в любой момент объявить перерыв в заседании парламента или приостановить его, чтобы получить совет султана в отношении любого законопроекта или поправки к нему, или в целом одобрение султана. Статья 43 указывает на то, что голос председателя имеет решающее значение в случае разделения голосов поровну. При этом нужно иметь в виду, что согласно п. 1 ст. 37 именно султан назначает председателя Законодательного совета из числа его членов или из числа лиц, не являющихся членами Совета.

После парламента законопроект направляется главе государства, в результате выражения согласия которого и приложения в знак этого государственной печати, он

[1] Конституция Государства Бруней-Даруссалам от 29 сентября 1959 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://worldconstitutions.ru/?p=334 (дата обращения: 22.06.2020).

становится законом (ст. 45, п. 1). Показательно, что султан может по своему усмотрению внести изменения в такой законопроект, и он не потребует повторного возвращения в парламент (45, п. 2).

Право вето напрямую не прописывается, но о его абсолютном характере можно судить, проанализировав особенности так называемой негативной резолюции парламента Брунея. Пункт 4 ст. 43 предусматривает возможность отклонения законопроекта парламентом, в результате чего председатель в течение 14 дней должен составить отчет султану с указанием краткого содержания законопроекта и указанием причин отклонения. Султан может либо согласиться с решением парламента, либо, игнорируя неодобрение, опубликовать его и назначить дату вступления в силу. Согласно п. 1 ст. 47, если султан сочтет, что любой законопроект, направленный на рассмотрение Законодательного совета, целесообразно принять в интересах публичного порядка, а Совет отказывается его одобрить или не может принять это положение в срок, который султан сочтет целесообразным, то султан, невзирая ни на какое правило или положение Конституции, вправе ввести его в действие и опубликовать.

Конституция *Свазиленда (Государства Эсватини)* в статье 106 определяет, что верховная законодательная власть принадлежит королю и парламенту, однако в статье 134 указывается на право короля в любой момент распустить парламент или продлить его работу[1].

Парламент Свазиленда двухпалатный. Нижняя палата — Национальное собрание (ст. 95) состоит не более чем из 76 членов, из которых не более шестидесяти избираются и не более десяти членов назначаются королем, причем половина из них должны быть женщинами. Обязательны в составе четыре женщины, специально избранные из четырех регионов, и Генеральный прокурор.

Верхняя палата, Сенат (ст. 94), состоит не более чем из тридцати одного сенатора, из которых десять сенаторов (половина из которых должны быть женщинами), избираются из числа членов нижней палаты, а двадцать сенаторов, (восемь из которых должны быть женщинами), назначаются королем. Сенаторами являются лица, которые, по мнению короля, в силу своих специальных знаний или практического опыта могут представлять экономические, социальные, культурные, традиционные интересы или интересы меньшинства, которые еще недостаточно представлены в парламенте; или же в силу своей особой заслуги способны внести существенный вклад в управление и прогрессивное развитие Свазиленда.

Конституция Свазиленда статьей 107 указывает, что законопроекты должны быть приняты обеими палатами, подписаны королем и обнародованы Генеральным прокурором. Хотя есть и исключения: так, только нижней палатой принимаются законы, касающиеся бюджета и налогообложения, и только верхней палатой принимаются законы, затрагивающие статус, полномочия или привилегии монаршей власти, а также связанные с законами и обычаями свази.

[1] The Constitution of the Kingdom of Swaziland, July 28, 2005 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Swaziland_2005?lang=en (дата обращения: 22.06.2020).

Процедура принятия закона регулируется Конституцией Свазиленда и правилами, установленными самой палатой. Голосование обычно происходит простым большинством, но особые законы требуют большинства квалифицированного. Так, статья 115 Конституции Свазиленда указывает, что законопроект, который мог бы изменить или как-то повлиять на законы и обычаи свази, рассматривается только Сенатом и квалифицированным большинством голосов. При этом перед рассмотрением его копия должна быть направлена главой Сената в Совет вождей (Состоит из двенадцати вождей из четырех регионов королевства, назначаемых королем), после чего, по прошествии 60 дней, Сенат приступает к рассмотрению такого проекта.

Председательствующий на заседаниях как нижней, так и верхней палаты, в отличие от Брунея, не может иметь решающего голоса. А если голоса в палатах делятся поровну, то вопрос просто снимается. Генеральный прокурор, по должности входящий в состав нижней палаты и имеющий возможность присутствовать на заседании верхней палаты, не имеет права голоса. Также лишается голоса тот участник, который голосует по вопросу, в котором имеет прямую денежную заинтересованность.

Законопроект не становится законом, если король не дал на это своего согласия и не подписал его (ст. 108). Процедура преодоления вето со стороны короля не предусмотрена, что указывает на обширный характер его законодательной власти. При этом, учитывая, что все законы подлежат опубликованию, в соответствии со статьей 109 Конституции, они должны быть оформлены как «Акты Парламента», при обязательном указании, что они «Приняты Королем и Парламентом Свазиленда».

Резюмируя вышесказанное, абсолютными монархиями данные государства также назвать нельзя. Полагаем, что они более всего относимы к монархии классического дуалистического характера, сочетающей в себе черты как абсолютной, так и ограниченной монархии.

В диссертационном исследовании А. В. Серегин характеризует этот вид наиболее емко: «В дуалистической монархии глава государства обладает реальной властью, хотя и ограниченной в некоторой мере зачатками разделения властей, во всяком случае отделением законодательной власти от исполнительной. Законодательная власть разделяется между венценосцем и парламентом, который избирается подданными или их определенной частью, если избирательное право цензовое. Исполнительная власть принадлежит государю, осуществляющему её непосредственно или через назначаемое им правительство... Кроме того, „монарх является человеком, который законами страны призван быть верховным государственным органом“. Судебная власть, как правило, принадлежит государю, но она может быть и независимой. Однако разделение властей при данной форме правления обычно урезанное. Хотя законы принимаются депутатским корпусом, глава государства пользуется правом абсолютного veto, т. е. без его утверждения они не вступают в силу. Кроме того, монарх обычно обладает полномочиями издавать чрезвычайные указы, имеющие силу законов, а главное государь может распускать парламент, фактически заменяя дуалистическую монархию абсолютной» [12, с. 95].

Нельзя не отметить противоречие, которое наблюдается в литературе в связи с характеристикой дуалистической монархи: так, В. Е. Чиркин среди особенностей этой формы монархии называл право отлагательного вето, но не абсолютного [15, с. 143].

Объединенные Арабские Эмираты отличает от рассмотренных выше государств, в первую очередь статус его главы, не монарха, а президента ОАЭ, который является выборным de ure из числа одного из глав эмиратов, входящих в состав ОАЭ. Однако de facto в государстве, созданном в 1971 году и состоящем из семи отдельных эмиратов, бессменным (точнее постоянно переизбираемым) президентом является глава самого крупного и богатого эмирата — Абу-Даби, который, в свою очередь, является обычным наследуемым монархом. Кроме того, по утверждению С. А. Каминского, сами эмираты следует отнести к группе абсолютных монархий, «которые, хотя и не являются государствами в полном смысле, но обладают широкой самостоятельностью в вопросах внутреннего управления» [6, с. 9]. Таким образом, действительная выборность президента ОАЭ крайне сомнительна. Тем не менее, согласно Конституции ОАЭ, он избирается сроком на 5 лет и является главной Высшего совета, называемого Конституцией (ст. 46) высшим органом власти[1].

Высший совет состоит из правителей всех эмиратов, занимается выработкой общей политики во всех сферах, входящих в компетенцию федеральных органов; утверждает федеральные законы и назначение на должность председателя Совета министров (Правительство ОАЭ), а также снятие его с этой должности; утверждает председателя и членов Верховного суда и принимает их отставку (ст. 47).

Роль парламента осуществляет Федеральный национальный совет, формирование, деятельность и полномочия которого определяются главой 4 Конституции. В состав Совета входят представители от каждого эмирата, число которых закреплено в Конституции и определяется в зависимости от численности населения, политической и экономической ситуации в том или ином эмирате. Учитывая, что каждый эмират вправе определить собственный метод избрания представителей в Национальный совет, на данный момент половина его членов избирается коллегией выборщиков, а остальные назначаются правителями эмиратов. В настоящее время в состав Совета входят 40 депутатов, а срок членства составляет 2 года [11, с. 239]. Национальный совет может обсуждать любые вопросы, за исключением случаев, когда Совет министров информирует Собрание, что обсуждение противоречит высшим интересам государства.

Конституция наделяет Национальный совет консультативными функциями: он может согласиться с проектами, обсуждаемыми в Высшем совете, может вносить в них поправки или даже отклонить. Однако Высший совет при вынесении своего решения по тому или иному проекту может проигнорировать мнение Национального совета. Вместе с тем, если члены Национального совета высказывают какие-либо ре-

[1] Конституция Объединенных Арабских Эмиратов от 2 дек. 1971 г. (перевод К. М. Беликовой) [Электронный ресурс]. — URL: https://zakoniros.ru/?p=29600 (дата обращения: 21.06.2020).

комендации по проектам законов, то председатель правительства обязан довести их до сведения Высшего совета [11, с. 239].

В полной мере назвать законодательным органом Национальный совет нельзя еще и потому, что он не обладает возможностью законодательной инициативы, а проекты законов, согласно ст. 110, готовит Совет министров, который вносит их на рассмотрение Национального совета. Законопроекты здесь обсуждаются (могут быть приняты, изменены или отклонены, ст. 89), после чего проект Советом министров передается на одобрение президенту и Высшему совету. Президент Федерации подписывает проект закона после его утверждения Высшим советом Союза и обнародует его (ст. 110).

Далее Конституция (ст. 110, п. 6) содержит описание столкновения интересов и механизма их разрешения при принятии закона, а также демонстрирует полную «заменяемость» власти Национального совета.

Если Национальный Совет вносит в представленный на его рассмотрение проект закона изменения, которые не принимает президент или Высший совет, либо если Национальный совет отклоняет законопроект, то президент или Высший совет могут вернуть его на рассмотрение Национального совета. Если же Национальный совет повторно вносит в законопроект изменения или повторно его отклоняет, то президент вправе обнародовать законопроект как закон после утверждения его Высшим советом Федерации.

Кроме того, если ситуация требует обнародования федеральных законов в период, когда Национальный совет не находится на сессии, то Совет министров может издать их, минуя представление на рассмотрение Национального Совета посредством Высшего Совета и президента Федерации, при условии уведомления об этом членов Национального совета на его первом заседании в предстоящую сессию. Также ст. 113 говорит о том, что президент совместно с Советом министров в случае возникновения необходимости срочно обнародовать федеральные законы в период между сессиями Высшего Совета может обнародовать их в форме указов, обладающих юридической силой закона, при условии, что они соответствуют положениям Конституции. Правда, такие указы-законы должны быть не позднее недели представлены на рассмотрение Высшего совета для одобрения или отклонения. И если они отклоняются Верховным советом, то утрачивают юридическую силу, если же одобряются, то приобретают силу закона, а Национальный совет только уведомляется об этом на первом его заседании в предстоящую сессию.

На основании изложенного, применительно к ОАЭ следует говорить только как о монархии. Фактор избрания президента позволяет некоторым исследователям определить для этого государства смешанный тип формы правления — республиканскую монархию [9], или же особый вид монархии — коллегиальной [12, с. 96] или выборной монархии, которая тяготеет к абсолютной [11, с. 237]. Думается, что разновидность данной монархии, так же, как и у Брунея и Свазиленда, более всего напоминает дуалистическую (описанную выше, с законосовещательными функциями парламента и правом абсолютного вето главы государства), а элемент выборности ввиду своей

условности и предопределенности может не учитываться. К абсолютной монархии относить Объединенные Арабские Эмираты не представляется верным.

Катар характеризуется наибольшим весом парламента среди всех перечисленных выше государств, и этот парламент можно назвать скорее законодательным, чем законосовещательным.

Напрямую в Конституции Катара[1] нет указания на главу государства (эмира) как исключительного и полновластного субъекта законодательной власти. Статья 61 сообщает о том, что законодательная власть осуществляется парламентом — Советом Шуры. Эмир же (ст. 67) ратифицирует и промульгирует законы, но ни один закон не может быть издан, если он не ратифицирован эмиром. Однако, в случае роспуска Совета Шуры эмир с помощью правительства осуществляет полномочия в законодательной сфере (с. 104).

Совет Шуры — однопалатный парламент. Состоит из 45 членов, 30 из которых избираются путем прямого всеобщего тайного голосования, а 15 назначаются эмиром из состава министров или других лиц (ст. 77).

В отличие от ОАЭ, в Катаре каждый член Совета Шуры имеет право предлагать законопроекты, которые передаются в соответствующий комитет для изучения, формулирования рекомендаций и представления их в Совет Шуры. Если Совет Шуры принимает это предложение, он передает его в форме законопроекта в правительство для изучения и формулирования квалифицированного мнения. Этот законопроект возвращается в Совет Шуры в течение этой же или следующей сессии. Любой законопроект, отвергнутый Советом Шуры, не может быть снова внесен на рассмотрение этой же сессии (ст. 105).

Правом законодательной инициативы обладает также Совет министров (правительство Катара). Согласно статье 121, он разрабатывает законопроекты и декреты и передает их на обсуждение в Совет Шуры, что также является обязательным. Статья 98 определяет, что заседания Совета Шуры являются открытыми, но могут проводиться в закрытом порядке по требованию одной трети его членов или по требованию Совета министров.

Решения Совета Шуры принимаются большинством присутствующих членов (кроме случаев, когда требуется специальное большинство), а в случае равенства голосов голос председателя является решающим (ст. 100). Про специальное большинство голосов говорит статья 70. Эмир правомочен в исключительных ситуациях, требующих издания чрезвычайных законов, в период, когда Совет Шуры не заседает, издавать декреты, имеющие силу закона. Такие декреты-законы должны быть представлены на рассмотрение в Совет Шуры на его первом заседании. В течение 40 дней со дня представления такого декрета Совет Шуры большинством в две трети голосов его членов может отвергнуть такой декрет-закон или потребовать внесения в него изменений в установленный период времени. В этом случае декрет-закон теряет свою силу со дня его отклонения Советом Шуры.

[1] Конституция Катара от 9 апр. 2004 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https:// https://worldconstitutions.ru/?p=92 (дата обращения: 21.06.2020).

Статья 106 Конституции указывает, что любой законопроект, принятый Советом Шуры, передается эмиру для ратификации. Если эмир отказался одобрить законопроект, то он возвращает его с мотивированными причинами отказа в Совет Шуры в течение трех месяцев со дня его получения.

В случае, если законопроект возвращен в Совет Шуры в срок, указанный в предыдущем параграфе, а Совет Шуры одобрил его вторично большинством в две трети всех его членов, эмир обязан ратифицировать и промульгировать его. Однако в чрезвычайных обстоятельствах эмир может приостановить действие закона на период, который он считает необходимым для соблюдения высших интересов страны.

В данном случае нельзя говорить о вето абсолютного характера, что в принципе исключает абсолютный и даже дуалистический характер власти, а из устоявшейся в юридической науке классификации осталась только парламентарная монархия, которая предполагает формулу для монарха «царствует, но не правит», однако в отношении эмира Катара такого сказать нельзя. Получается, что для Катара исследователями не придуман еще вид монархии (если не учитывать иной трактовки дуалистической монархии, где предполагается возможность преодоления вето со стороны парламента). Можно, конечно, предполагать наличие полудуалистической, полуабсолютной, полупарламентарной монархии, но для чего тогда основные виды, если они не имеют отношения к реальным монархиям? Не слишком ли много противоречий для небольшого числа монархий? Не пора ли заняться серьезной переработкой устоявшейся классификации, которая совершенно не отвечает реалиям времени? Не пора ли перестать просто переписывать из источника в источник примеры монархий, не проверяя их обоснованность?

Представляется странным, что в современной юридической науке существует позиция, согласно которой устаревшая классификация признается вполне пригодной. Так, А. В. Нечкин полагает, что деление монархий на абсолютные и ограниченные исчерпывающим образом учитывает особенности формирования и деятельности парламента и правительства в абсолютном большинстве государств мира с монархической формой правления [7, с. 134]. В действительности такая классификация не просто не учитывает этих особенностей, но способствует заблуждению и искаженному пониманию понятий и категорий, широко используемых не только юридическими, но еще и историческими и политическими науками.

Первоначальной целью данного исследования была лишь обзорная характеристика называемых в литературе современных абсолютных монархий, а в итоге стала очевидна непригодность всей основной классификации монархических форм правления и её отстраненность от государственно-правовой действительности. Учитывая, что научная и учебная литература далека от реалий времени, назрела необходимость провести серьезное комплексное исследование, способное выявить и определить актуальные формы существующих монархий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аль-Бусаиди Я. Я. Роль и место Совета Шуры в правовой системе Омана [Электронный ресурс] / Я. Я. Аль-Бусаиди // Современные проблемы науки

и образования. — 2014. — № 6. — URL: http://science-education.ru/ru/article/view?-id=16127 (дата обращения: 26.06.2020).

2. Аль-Шахри Авад Матук Саид. Становление и развитие парламентаризма в Султанате Оман / А. М. С. Аль-Шахри: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 24 с.

3. Волкова А. В. Консультативный совет Саудовской Аравии: традиции, возможности институционального развития / А. В. Волкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2009. — № 13. — С. 28—35.

4. Выползова В. В., Нагорная М. С. Особенности государственности и системы публичного управления в абсолютных монархиях современности / В. В. Выползова, М. С. Нагорная // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. — 2019. — № 1 (24). — Т. 1. — С. 90—92.

5. Исаев В. А., Филоник А. О. Султанат Оман (очерк общественно-политического и социально-экономического развития) / В. А. Исаев, А. О. Филоник. — М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. — 240 с.

6. Каминский С. А. Институт монархии в странах Арабского Востока / С. А. Каминский: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1978. — 18 с.

7. Нечкин А. В. Формы правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения / А. В. Нечкин // Lex Russica. — 2019. — № 5 (150) май. — С. 132—147.

8. Процюк І. В. Абсолютна монархія як особлива форма державного правління / І. В. Процюк // Теорія і практика правознавства. — 2012. — № 2 (Т. 1). — С. 1—9 [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/absolyutnaya-monarhiya-kak-forma-gosudarstvennogo-pravleniya (дата обращения: 26.06.2020).

9. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права: Тема: «Формы государства» [Электронный ресурс] / Н. А. Пьянов // Сибирский юридический Вестник. — 2002. — № 3. — С. 3—9 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.law.-edu.ru/doc/document.asp?docID=1115022 (дата обращения: 26.06.2020).

10. Сапронова М. А. Законосовещательная власть арабских монархиях: специфика формирования и функционирования / М. А. Сапронова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2009. — № 13. — С. 82—105.

11. Сапронова М. А. Политические системы арабских стран: учеб. пособ. / М. А. Сапронова. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. — 248 с.

12. Серегин А. В. Форма государственного правления (вопросы теории) / А. В. Серегин: дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2014. — 379 с.

13. Сюкияйнен Л. Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах / Л. Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 205—222.

14. Федорова-Кузнецова И. В. Монархическая система власти в современном мире и её особенности / И. В. Федорова-Кузнецова // Общество: политика, экономика, право. — 2019. — № 9 (74). — С. 35—38.

15. Чиркин В. Е. Государствоведение: учебник / В. Е. Чиркин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юристъ, 2000. — 384 с.

16. Яковлев А. И. Власть и насилие в Саудовской Аравии: эволюция целей и методов в начале XXI в. / А. И. Яковлев // Россия и мусульманский мир. — 2017. — № 2 (296). — С. 91—111.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Al-Busaidi Y. Y. Place and Role of Shura Council in Oman Law System / Y. Y. Al-Busaidi // Modern Problems of Science and Education. 2014. № 6. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=16127 (date of application 26.06.2020).

2. Al-Shahri Avad Matuk Said. The Formation and Development of Parliamentarism in the Sultanate of Oman / A.M.S. Al-Shahri: abstract of the thesis of the Candidate of Law. M., 2005. 24 p.

3. Volkova A. V. Saudi Arabia Advisory Council: Traditions, Institutional Development Opportunities / A. V. Volkova // RSUH Bulletin. "Political Science. History. International Relationships" series. 2009. № 13. P. 28—35.

4. Vypolzova V. V., Nagornaya M. S. Peculiarities of Statehood and Public Administration in the Absolute Monarchies of Modernity / V. V. Vypolzova, M. S. Nagornaya // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2019. № 1 (24) Vol.1. P. 90—92.

5. Isaev V. A., Filonik A. O. Sultanate of Oman. Essay on Socio-Political and Socio-Economic Development / V. A. Isaev, A. O. Filonik. M.: IIMES Publ., 2001. 240 p.

6. Kaminskij S. A. Institute of Monarchy in the Arab East / S.A. Kaminskij: abstract of the thesis of the Candidate of Law. M., 1978. 18 p.

7. Nechkin A. V. Forms of Government in the States of the World: Problems of Classification and Ways of Their Possible Solution / A. V. Nechkin // Lex Russica. 2019. № 5 (150) March. P. 132—147.

8. Procyuk I. V. Absolute Monarchy as a Special Form of Government / I.V. Procyuk // Theory and Practice of Jurisprudence. 2012. № 2 (Vol. 1). P. 1—9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/absolyutnaya-monarhiya-kak-forma-gosudarstvennogo-pravleniya (date of application 26.06.2020).

9. Pyanov N. A. Consultations on the theory of state and law: Topic "Forms of the state" / N. A. Pyanov // Siberian Legal Bulletin. 2002. № 3. P. 3—9. URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1115022 (date of application 26.06.2020).

10. Sapronova M. A. Legislative Power in the Arab Monarchies: the Specifics of Formation and Functioning / M.A. Sapronova // RSUH Bulletin. "Political Science. History. International Relationships" series. 2009. № 13. P. 82—105.

11. Sapronova M. A. Political Systems of the Arab Countries: study guide / M. A. Sapronova. Kazan: KPFU Publ., 2015. 248 p.

12. Seregin A. V. Form of Government. Theory Issues / A. V. Seregin: the thesis of the Doctor of Law. Rostov-on-Don, 2014. 379 p.

13. Syukiyajnen L. R. Shari'ah Constitutional Status as a Source of Legislation in Arab Countries / L. R. Syukiyajnen // Law. HSE Journal. 2016. № 4. P. 205—222.

14. Fedorova-Kuznecova I. V. Monarchical System of Government in the Modern World and Its Features / I. V. Fedorova-Kuznecova // Society: Politics, Economics, Law. 2019. № 9 (74). P. 35—38.

15. Chirkin V. E. Constitutional Law Science: textbook / V. E. Chirkin. M.: Lawyer Publ., 2000. 384 p.

16. Yakovlev A. I. Power and Violence in Saudi Arabia: the Evolution of Goals and Methods at the Beginning of the XXI Century / A. I. Yakovlev // Russia and the Muslim World. 2017. № 2 (296). P. 91—111.

УДК: 34.03
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10053

Репьев Артем Григорьевич
заместитель начальника кафедры
административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел Барнаульского
юридического института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: repev-artem@yandex.ru

Repyev Artem Grigoryevich
deputy Head of the Department
of Administrative Law and Administrative
Activities of Internal Affairs Bodies
of the Barnaul Legal Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
candidate of Law, Associate Professor
E-mail: repev-artem@yandex.ru

«КВОТА» КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ДЕФИНИТИВНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Введение: автором предпринята попытка рассмотрения квоты как юридического феномена с позиции категории права, т. е. наиболее общего понятия правоведения, отражающего существенные связи и свойства явлений, охватывающих такие типы правового регулирования, как общедозволительный и ограничительный. Цель статьи: положить начало научной дискуссии относительно теоретического восприятия квоты, олицетворяющего, с одной стороны, сферу создания дополнительных возможностей для участников общественных отношений, а с другой — предполагающего введение различных средств сдерживания (ограничений, пределов, лимитов). Это с определенной степенью вероятности стимулирует шаги к унификации российского законодательства, использующего институт квот, а также приведению к единообразию, конкретизации нормативных положений, реализующих потенциал квотирования.

Методы и материалы: общетеоретический анализ понятий «квота», «привилегия», «бро́ня», совокупность диалектического и системного методов исследования, формально-юридический подход, методы толкования и интерпретации.

Результаты исследования: выдвигается гипотеза — несмотря на то, что содержание квоты охватывается категорией «привилегия», она имеет, тем не менее, отличительные признаки от иных разновидностей последней, а также от смежных правовых явлений: льготы, поощрения и др.

Выводы и заключения: на основе исследования положений правовой доктрины, законодательства и правоприменительной практики дефинируется понятие «квота», выделяются характерные признаки, отграничивающие ее от смежных категорий, предлагаются меры по снижению коррупциогенности сферы квотирования.

Ключевые слова: квота, бро́ня, привилегия, льгота, лимит, предел, ограничение.

"QUOTA" AS A LEGAL CATEGORY: DEFINITIVE AND SUBSTANTIVE ASPECTS

Introduction: The author attempts to treat the quota as a legal phenomenon from the perspective of the legal category, that is, the most general concept of jurisprudence, reflecting the essential connections and characteristics of phenomena covering such types of legal regulation as general and restrictive. Article purpose is to lay the foundation for a scientific discussion of rather theoretical perception of a quota representing, on the one hand, the sphere of creation of additional opportunities for participants of the public relations, and, on the another hand, the control (restrictions, limits, limits) assuming introduction of various means. With a certain degree of probability, this encourages steps to unify Russian legislation using the institute of quotas, as well as to bring to uniformity, to specify the normative provisions implementing the potential of quota allocation.

Materials and Methods: general-theoretic analysis of the concepts of "quota", privilege, "reservation", a set of dialectical and systemic methods of research, formal-legal approach, methods of interpretation and interpretation.

Results of the Study: the hypothesis is put forward: despite the fact that the content of the quota is covered by the category "privilege", it nevertheless has distinctive signs from other varieties of the latter, as well as from related legal phenomena: benefits, incentives, etc.

Findings and Conclusions: on the basis of a study of the provisions of legal doctrine, legislation and law enforcement practice, the concept of "quota" is defined, the characteristics that distinguish it from related categories are identified, and measures are proposed to reduce the degree of autonomy in the sphere of quota allocation.

Keywords: quota, reservation, privilege, exemption, limit, restriction.

Конституционный посыл, закрепляющий такое качество нашего государства, как социальное, т. е. обеспечивающее достойную жизнь членам общества, доступность для них благ, реализуется сегодня весьма многопланово.

Во-первых, это устремление аппарата власти на создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, что должно позволить России в перспективе достичь прорывного научно-технологического и социально-экономического развития. Во-вторых, это ориентирование на повышение общего благосостояния населения, рост доступности жилья, улучшение качества получения образовательных услуг и культурного просвещения, что послужит базисом зрелого гражданского общества.

Обозначенные направления, кроме того, что, безусловно, находят свое отражение в основополагающих, устоявшихся нормативных правовых актах, еще и опосредуются в новых — стратегических документах, инициатором воплощения которых все чаще выступает Президент РФ[1]. В свою очередь, для достижения национальных целей и решения задач, поставленных главой государства, органы власти, используя

[1] См., напр.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2020. 16 янв.; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) // СЗ РФ. — 2018. — № 20. — Ст. 2817.

традиционные юридические средства (дозволения и запреты, стимулы и ограничения, льготы и дополнительные обременения и пр.), прибегают и к внедрению такого специфичного правового инструмента, как квота.

Последняя, невзирая на то, что все чаще стала фигурировать в нормативных правовых положениях, руководящих и директивных документах органов власти, решениях субъектов правоприменения, вызывает неоднозначное восприятие. Мало кто из сообщества правоведов, экономистов, может без толики сомнения однозначно отнести ее к какому-либо единичному методу правового регулирования (императивному или диспозитивному) или конкретному способу воздействия на общественные отношения (за счет режима дозволения или, напротив, — ограничения). Подтверждает выдвинутую гипотезу справочная и научная литература.

С точки зрения самого общего понимания квоты, она представляет собой какую-либо долю (участия в производстве, сбыте продукции), устанавливаемую для предприятий или компаний, а также стоимость или количественное ограничение импорта (экспорта), вводимые на определенный промежуток времени по отдельным товарам, услугам и пр. [2, с. 250].

Полагаем, что подобная дефиниция, хотя и освещает важные сущностные аспекты квоты как правового явления, тем не менее, не может удовлетворить потребности юридической доктрины и правоприменительной практики, а потому и наш научный поиск. Современные отношения настолько разноплановы, что квота перестала быть исключительно экономико-правовым средством. Ее потенциал раскрывается и в сфере регулирования политических отношений (например, как норма представительства, резервирования депутатских мест для определенных групп населения), и в области публичного управления (в частности, национальная квота на прием в образовательную организацию и др.) [19, с. 211].

Иными словами, данный термин достаточно активно применяется в современных правоотношениях, а квотирование, как правовой институт, характерно почти без исключения для всех отраслей, и в особенности бюджетного, налогового, таможенного права, права социального обеспечения и многих других. Данное правовое явление обладает устойчивыми признаками универсальности, что позволяет усмотреть в нем свойство полноценной юридической категории.

В этой связи актуальной и, что самое важное, своевременной просматривается предпринятая нами попытка определить дефинитивные, сущностные и содержательные аспекты квоты. Дополнительным аргументом в пользу обозначенного аспекта будет тот факт, что квота, как комплексный общеправовой феномен, до сегодняшнего дня, к сожалению, не подвергалась самостоятельному исследованию. В основном изучение правового регулирования при помощи квотирования (как деятельности по установлению квот для чего-либо или кого-либо) сопровождало исследования в области экономической, социальной функций права и государства. Видимо, по этой причине в среде теоретиков правовой науки не сложилось единого мнения относительно понятия, природы и характерных признаков этого явления.

Например, О. Б. Купцова рассматривает квотирование как одну из форм экономического поощрения и принуждения в основном применительно к бюджетно-налоговой политике государства, а также внешнеторговой деятельности [6, с. 162—163]. В диссертационном исследовании Л. В. Жильской, предметом которого была социальная функция государства, квотам отведено весьма скромное место. Последние единожды упоминаются в качестве синонима объемам, применительно к оказанию

государством заботы о сотрудниках органов внутренних дел в виде предоставления высокотехнологичной медицинской помощи [3, с. 228]. В работах С. В. Мирошник, О. В. Левина, посвященных исследованию стимулирования в праве, квота затрагивается однократно со ссылкой на соответствующий Федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» в качестве инструмента государственного бронирования, осуществляемого в целях поддержки предприятий страны, реализующих поставки важнейших видов материально-технических ресурсов [8, с. 56; 10, с. 232]. Подвергая анализу дозволение в качестве правостимулирующего средства, Е. Н. Лебедева к первому отнесла и квоту, обозначив ее широкое применение, но обойдя вниманием сущностные и содержательные аспекты исследуемого нами феномена [7, с. 57]. Профессор И. С. Морозова в своем фундаментальном труде о льготах в праве упомянула квоту в числе иных разновидностей привилегий, однако далее в проблематику изучения ее природы не углубилась [11, с. 311].

Позволим себе не согласиться с обозначенной позицией. Отличие квоты как разновидности привилегии от льгот просматривается, на наш взгляд, в том, что:

— для последней характерно *сведенная к минимуму зависимость от различных средств ограничения* (лимитов, сокращений и пр.); предоставление лицу компенсаций, пособий (как разновидностей льгот), в основном, не возлагает на него дополнительных обременений [18, с. 63—80], чего нельзя сказать о привилегиях (в особенности таких ее разновидностях, как квоты), для которых целевое расходование средств, использование строго по назначению полученных «сверх» возможностей, соответствующая отчетность об этом являются неотъемлемыми атрибутами финансирования; более того, квота как вид привилегии в принципе подразумевает собой ограничение — *лимит*: удорожание определенного вида товара или продукции; выделение мест на занятие трудовой деятельностью или получение образования [15, с. 251—305];

— квота строго индивидуализирована, а блага, предоставляемые ею, не могут быть реализованы в отношении другого лица; показателен пример: гражданин П. был осужден за добычу оленя в пределах квоты для коренных народов, не выходя за установленный их лимит, «но в интересах сестры и больного племянника, имеющих также право на традиционное природопользование; в мотивировочной части приговора указывалось, что право на отстрел оленей не может кому-либо передаваться и, соответственно, все, что было добыто П. для родственников, не признавалось традиционной охотой» [5, с. 32]; Конституционный суд РФ по аналогичному поводу указал, что «запрещена переуступка права на приоритетное пользование животным миром гражданам и юридическим лицам, которые не являются гражданами, чье существование и доходы полностью или частично основаны на традиционных системах жизнеобеспечения их предков, включая охоту и собирательство, и их объединениям соответственно»[1];

— доступность приобретения (покупки) квоты в инициативном порядке. Например, «аукционная продажа квот производится российскими товарными биржа-

[1] По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Г. К. Щукина: постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.2019 № 21-П // Рос. газ. — 2019. — 7 июня.

ми»[1]. Для любой разновидности льгот подобный порядок недопустим, поскольку она обращена в первую очередь на слабозащищенные слои общества, предоставляется в качестве меры помощи (финансовой, организационно-правовой и пр.).

В свете приведенных доводов, интересной является позиция А. В. Малько, одного из первых отнесшего квоту не к средствам улучшения правового положения отдельных субъектов (привилегиям, льготам, стимулам и пр.), а к их антиподам — ограничениям, поставив в один ряд с пошлинами, в качестве инструмента создания режима «неблагоприятствования» [9, с. 111, 162]. Позднее к правоограничительным правовым средствам квоту причислили М. М. Султыгов, И. М. Приходько, И. Р. Забугин и др. [4, с. 68; 13, с. 103; 17, с. 81, 102].

К сожалению, никто из указанных авторов и иных исследователей различных форм дозволения, поощрения, стимулирования, а равно ограничений, запретов в правовом регулировании не предпринял попытки сформулировать дефиницию исследуемого нами явления, обосновать характерные признаки и элементы отличия от смежных правовых феноменов. Не удалось нам восполнить сложившийся вакуум и обратившись к трудам ученых-отраслевиков.

Проведенный анализ доктрины права, современного законодательства и правоприменительной практики позволяет нам выдвинуть гипотезу, что квота выступает разновидностью привилегии, заключающейся в предоставлении особых дополнительных прав и гарантий путем материального, духовного, властного или иного содействия, осуществляемого на основе положительной оценки военной, международной, инновационной, образовательной, научной и иных сфер государства, для их прямой или опосредованной поддержки, оказания содействия развитию.

Ранее в своих работах мы обращались к непосредственному рассмотрению природы основных типов правовых преимуществ (в том числе и привилегий) [14, с. 30—62], поэтому в рамках настоящей работы остановим свое внимание на аспектах, касающихся непосредственно исследуемого явления. Так, сущность квоты просматривается через элемент *гарантирования*:

— уровня цен (например, для расчетов за сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие, закупаемых и поставляемых для государственных нужд); так, «Правительство Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации до начала года определяют квоты для товаропроизводителей (поставщиков) на закупку сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд по гарантированным ценам»[2];

— мер ввоза и вывоза в Российскую Федерацию отдельных видов товаров; для «отдельных видов сельскохозяйственных товаров, происходящих из третьих стран», устанавливается тарифная квота, «предусматривающая применение в течение определенного периода более низкой ставки ввозной таможенной пошлины при ввозе определенного количества товара (в натуральном или стоимостном выражении)»;

[1] О порядке проведения конкурсов и аукционов по продаже квот при введении количественных ограничений и лицензирования экспорта и импорта товаров (работ, услуг) в Российской Федерации (вместе с «Положением о порядке проведения конкурсов и аукционов по продаже экспортных и импортных квот при введении Правительством Российской Федерации количественных ограничений»): постановление Правительства РФ от 31.10.1996 № 1299 (ред. от 14.02.2009) // СЗ РФ. 1996. № 46. Ст. 5249; 2009. № 9. Ст. 1101.

[2] Статья 6 Федерального закона от 02.12.1994 № 53-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3303; 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4596.

к товарам, «ввозимым в Российскую Федерацию свыше установленного количества (квоты), применяется ставка ввозной таможенной пошлины в соответствии с Единым таможенным тарифом Таможенного союза»)[1];

— количества рабочих мест, мест для приема на учебу. Инвалидам в целях «повышения их конкурентоспособности на рынке труда» устанавливаются квоты минимального количества специальных рабочих мест «в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности»[2].

Стоит также сказать, что преимущества в форме квоты напрямую влияют на поддержание суверенитета, независимости государства, в том числе через укрепление обороноспособности страны. Например, «в целях экономического стимулирования поставщиков, осуществляющих поставки продукции для поддержания необходимого уровня обороноспособности и безопасности Российской Федерации, по важнейшим видам материально-технических ресурсов предприятиям — изготовителям этих ресурсов могут устанавливаться специальные квоты (государственного бронирования) по обязательной продаже указанных ресурсов государственным заказчикам и поставщикам»[3].

Полагаем в этой связи, что *квота* сегодня — это *привилегия, заключающаяся в нормативно установленном закреплении за определенным субъектом преимуществ в реализации прав на получение каких-либо благ, владение, пользование или распоряжение ими за счет выделения их гарантированной части, доли*.

К характерным чертам квоты, отличающей ее от иных форм улучшения правового положения отдельных субъектов в общей системе привилегий, относится:

— сопряженность в первую очередь с количественным выражением или измерением свойств конкретных общественных отношений, величины предоставляемых благ, а не с их качественной характеристикой; квотирование, т. е. определение квоты, всегда связано с конкретными числовыми величинами (поставки ресурсов, товарообмена, предоставления рабочих мест и пр.); не случайно квота (от лат. — *quot*) буквально означает «сколько» [1, с. 425]; например, квота приема для получения высшего образования за счет бюджета устанавливается ежегодно образовательной организацией в размере не менее чем 10 % общего объема контрольных цифр приема граждан, обучающихся за счет бюджетных ассигнований[4];

— наличие компромиссного, сбалансированного вмешательства государства в сферу социальных отношений, построенного на необходимости защиты, оказания помощи тем их секторам, которые без поддержки не смогут осуществлять нормальную жизнедеятельность; так, государственная поддержка молодым семьям в решении

[1] Часть 2 ст. 36 закона РФ от 21.05.1993 № 5003-1 (ред. от 01.05.2019) «О таможенном тарифе» // Рос. газ. 1993. 5 июня; 2019. 7 мая.

[2] Пункт 2 ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563; 2019. № 29 (ч. I). Ст. 3852.

[3] Часть 2 ст. 4 Федерального закона от 13.12.1994 № 60-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» // СЗ РФ. 1994. № 34. Ст. 3540; 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4342.

[4] Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2019. № 40. Ст. 5488.

жилищной проблемы предусмотрена в рамках соответствующих целевых программ путем предоставления им социальных выплат, но при соблюдении целого ряда условий, среди которых одним из основных является статус нуждающихся в жилом помещении; тем не менее нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации может быть установлена квота для получения указанной субсидии в размере не более 30 % для молодых семей, не относящихся к семьям, поставленным на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий [1];

— воплощение правовой функции распределения благ (экономических, духовных, просветительских и пр.), с одной стороны — между всеми участниками общественных отношений, с другой — дифференцированно, сообразно заслугам, личному вкладу в наиболее востребованные сферы развития социального государства и гражданского общества; например, одной из распространенных мер регулирования экономических отношений в СССР было нормирование промышленных товаров; по сути, всесоюзная система карточек на продукты питания, промышленные товары — это и есть наиболее яркое проявление подобной формы квотирования [12, с. 313]; один из нормативных документов того периода требовал «установить для руководящих и инженерно-технических работников Донбасса 1500 обедов по специальным обеденным карточкам», а также «ввести с 1 ноября 1943 г. продовольственные и промтоварные карточки для рабочих, служащих, иждивенцев и детей рабочих и служащих угольной промышленности Донбасса»[2];

— обеспечение стимулирования экономических отношений, привлечения новых инвестиций, путем выделения гарантированной доли сектора экономики (биологические, сырьевые или материально-технические ресурсы) тем участникам, которые готовы решать национальные стратегические задачи; так, приоритетное право на квоты по вылову водных биоресурсов получают компании, развивающие современную инфраструктуру — от вылова до переработки и реализации [16, с. 138];

— содействие воплощению равноправия, в том числе через защиту межнациональных интересов, потребностей этнических меньшинств, отдельных социальных групп, образовавшихся по признаку гендерного, возрастного неравенства; как известно, в переходный период Совет Союза являлся одной из двух (наряду с Советом Республик) палат представительного органа власти СССР — Верховного Совета. Совет Союза формировался «депутациями союзных республик из числа народных депутатов СССР по существующим квотам»[3];

---

[1] Пункт 6 постановления Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (ред. от 15.11.2019) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2011. № 5. Ст. 739; 2019. № 47. Ст. 6666.

[2] Пункты 76 и 77 постановления ГКО СССР от 26.10.1943 «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

[3] Статья 2 закона СССР от 05.09.1991 № 2392-1 «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 37. Ст. 1082.

— временный характер, обусловленный актуальными потребностями государства и общества, необходимостью реализации национальных проектов, перспективных планов по сохранению окружающей среды, сбережению животного мира и пр.[1];

— конкурсная процедура получения, при этом критериями отбора могут выступать самые различные основания: финансовая состоятельность, стабильность на рынке услуг и пр.; данный аспект обеспечивает конкуренцию между участниками, прозрачность выбора относительно всех претендентов на квоту;

— парная взаимосвязь с правовыми *ограничениями* и их разновидностями — *пределами* и *лимитами*. Характерно, что из всей системы правовых преимуществ наибольшее воплощение пределов характерно именно для института квотирования. Поскольку квота, как разновидность привилегии, по своему содержанию являет собой гарантируемую часть какого-либо блага, вполне объяснимо в этой связи, что для выделения этой доли, необходимо иметь четкое представление о её объемах, границах действия.

Более того, будучи разновидностью преимущества, квота имеет самостоятельный регулятивный потенциал, а также весьма эффективно действует в паре с другими преимуществами (льготами и их разновидностями компенсациями и пособиями; привилегиями и такими видами последней, как субсидиями, грантами и пр.). Полагаем, именно в этой связи для определения границ преимуществ в виде первоочередного поступления в образовательную организацию, внеочередного улучшения жилищных условий, современное законодательство использует относительно устоявшуюся формулировку — «в пределах квоты». Например, «гранты предоставляются образовательным организациям, в которые направлены иностранные граждане для обучения по образовательным программам в пределах квоты»[2].

Затронутый аспект подтолкнул нас к гипотезе, что квота несколько схожа с организационно-правовым институтом *бро́ни*, например, в части квотирования мест для приема на обучение на безвозмездной основе сотрудников органов внутренних дел (полиции) государств — участников Содружества Независимых Государств в образовательные учреждения высшего и дополнительного профессионального образования МВД России. Показательно, что обучение иностранных курсантов и слушателей за счет средств федерального бюджета является для них привилегией

[1] См., напр.: Об утверждении лимитов и квот добычи косули сибирской, лося, оленя благородного, рыси и соболя в Алтайском крае на период с 1 августа 2019 года до 1 августа 2020 года: указ Губернатора Алтайского края от 30.07.2019 № 108 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.08.2019).

[2] Пункт 2 Правил предоставления из федерального бюджета грантов в форме субсидий организациям, осуществляющим образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования, высшего образования и дополнительного профессионального образования, находящимся в ведении органов государственной власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления, на финансовое обеспечение обучения иностранных граждан и лиц без гражданства по образовательным программам среднего профессионального образования, высшего образования и дополнительным профессиональным программам в пределах квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 25.04.2015 № 395 (ред. от 29.11.2018) // СЗ РФ. 2015. № 18. Ст. 2714; 2018. № 50. Ст. 7755.

в виде квоты, а льготой будет выступать «обучение за счет средств федерального бюджета, содержание — за счет средств направляющей стороны»[1].

Бро́ня (в разговорной речи чаще всего говорят «бронь») имеет и иной аспект, сближающий ее также и с правовым иммунитетом как еще одной формой правового преимущества, поскольку к свойствам первой будет относиться нераспространение на кого-либо общих требований, его неподверженность общеустановленным обязанностям. Например, в период военного положения по брони ряд категорий граждан, закрепленных за основополагающими предприятиями военно-промышленной отрасли, освобождались от призыва на срочную службу. Остановимся на данном аспекте несколько подробнее.

С точки зрения общенаучного восприятия броня представляет собой официальное закрепление за кем-либо или чем-либо льготных прав на получение чего-либо или владение, пользование чем-либо [1, с. 98].

С таким определением понятия можно поспорить. Во-первых, применительно отнесения брони к разновидности льгот. Важной чертой льготы, отличающей её от иных типов преимуществ, будет то обстоятельство, что она выступает *мерой юридического компенсирования утраченных финансовых, материальных, моральных, духовных и иных ресурсов* субъектами права в ходе своей жизнедеятельности. При этом, как правило, объемы восполнения (в основном финансовые) эквивалентны результатам заслуженного поведения при осуществлении социально полезной деятельности. Здесь речь может идти не только о перевыполнении установленных показателей (служебной, спортивной, творческой деятельности), но и о существенных производственных и иных завоеваниях, прорывных достижениях, победах, гражданских и служебных подвигах[2]. Элемент *заслуженного поведения* характерен для большинства преимуществ в праве, однако в льготе он наиболее ярко прослеживается. Сама же льгота, теснее других преимуществ связана с *компенсацией, восполнением*, в том числе изначально отсутствующих качеств, свойств, благ, и необходима для выравнивания отношений в обществе, интересов групп населения, их сбалансированности. Ни для кого, думается, не секрет, что Герои Российской Федерации являются примерами выполнения гражданского и воинского долга, поскольку совершают подвиг, жертвуя своим здоровьем, а многие и жизнью. В целях компенсирования их утраченных сил, создания условий дальнейшего благополучия им устанавливаются такие льготы в виде компенсации, как «первоочередное обслуживание в амбулаторно-поликлинических учреждениях всех типов и видов; внеочередная госпитализация, лечение в стационарах, госпиталях, больницах; первоочередное обеспечение лекарствами, приобретаемыми по рецептам врача, доставка по заключению врача лекарств на дом; первооче-

[1] Об установлении ежегодных квот приема на обучение на безвозмездной и льготной основе сотрудников органов внутренних дел (полиции) государств-участников Содружества Независимых Государств в образовательные учреждения высшего и дополнительного профессионального образования Министерства внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.03.2009 № 258 (ред. от 21.02.2017) // СЗ РФ. 2009. № 14. Ст. 1644; 2017. № 10. Ст. 1479.

[2] Звание Героя Российской Федерации присваивается «за заслуги перед государством и народом, связанные с совершением геройского подвига». «Герои Российской Федерации пользуются льготами, установленными законодательством» — пункт 4 закона РФ от 20.03.1992 № 2553-1 «Об установлении звания Героя Российской Федерации и учреждении знака особого отличия — медали “Золотая Звезда”» // Рос. газ. 1992. 28 марта.

редное получение путевки в санаторий, профилакторий или дом отдыха один раз в год»[1].

Во-вторых, в целом восприятие брони только лишь как преимущества, т. е. формы улучшения правового положения субъекта, было бы односторонним. Современное законодательство, юридическая практика, общественная жизнь подсказывают, что данный термин имеет и иные проявления. Например, в форме предварительной договоренности о чем-либо (покупке товара, заказа места в санатории или номера в гостинице и др.), резервирования услуги (туристической путевки и пр.)[2].

Резервирование, как источник запаса каких-либо благ, ресурсов, на наш взгляд, составляет стержень законодательного института брони. Не случайно, одной из причин установления такой разновидности брони, как относительно воинской обязанности, являлась и существует по настоящее время для концентрации, сосредоточения и применения в случае крайней необходимости высококвалифицированных кадров.

Прослеживающееся смешение понятий «квота», «броня», «предел», «лимит» предопределяет востребованность в конкретизации и унификации законодательства в данной сфере. Например, ряд региональных представительных органов власти вовсе не разграничивает данные термины. Так, статья 14 закона Алтайского края от 08.07.2010 № 67-ЗС «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» именуется как «Лимит добычи охотничьих ресурсов и квота их добычи». Однако в тексте статьи слова «квота» мы не обнаружили, а ее содержание дает нам основание полагать, что субъект правотворчества либо синонимизировал термины «лимит» и «квота» (в данном случае через институт нормирования), либо отвел первому роль основного регулятора, а второму — факультативного. Этот вывод следует из толкования части пятой данной статьи: «Добыча охотничьих ресурсов, в отношении которых не утверждается лимит добычи, осуществляется в соответствии с нормативами и нормами в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов»[3].

Убеждены, что правотворческим органам необходимо придерживаться следования правилу надлежащего выбора средства правового регулирования. На примере выглядит это следующим образом: для того, чтобы обеспечить поддержку наиболее активной, стремящейся к достижению высокого результата группы субъектов, стоит использовать институт привилегий с ее разновидностями — квотами и др. Если же речь идет о помощи нуждающимся, не стоит избегать категориального аппарата льготно-правового регулирования. В случае необходимости введения различного рода ограничений, должен быть задействован инструментарий пределов, лимитов, приостановлений и пр. Только в этом случае будет достигаться необходимый правовой эффект: одни субъекты получат дополнительные права, на других возложат обязанности по их воплощению и защите.

Затронутый аспект заслуживает особого внимания еще и в свете того, что сфера распределения квот в рамках бюджетных ассигнований, субсидий, а также

[1] Часть 2 ст. 1.1 закона РФ от 15.01.1993 № 4301-1 (ред. от 06.06.2019) «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» // Рос. газ. — 1993. — 10 февр.; СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2909.

[2] Пункт 3 постановления Правительства РФ от 09.10.2015 № 1085 (ред. от 18.07.2019) «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 42. Ст. 5796; 2019. № 30. Ст. 4312.

[3] Часть 5 ст. 14 закона Алтайского края от 08.07.2010 № 67-ЗС (ред. от 02.07.2019) «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» // Сборник законодательства Алтайского края. — 2010. — № 171. — С. 415.

на ограниченные блага (земельные участки, биологические ресурсы и т. п.) традиционно подвержена высокому коррупционному риску. И здесь следует задуматься о реализации дополнительных мер снижения подобных факторов, что возможно достичь путем:

— упрочения системы удаленного (онлайн) обслуживания государственными организациями субъектов (юридических и физических лиц), претендующих на подобную привилегию в форме квоты;

— сокращение административных барьеров для получения и реализации потенциала квотирования (к ним можно отнести запрос факультативных документов, затягивание времени на принятие управленческого решения, разработка дополнительных форм отчетности и пр.).

Предпринятая в настоящей публикации попытка осветить дефинитивные, сущностные и содержательные аспекты квоты, безусловно, не претендует на комплексное общетеоретическое исследование данного феномена. Скорее мы выдвигали цель осуществить постановку проблемы будущих перспективных теоретических и отраслевых разработок этой тематики. В условиях нарастающих процессов активного использования правовых категорий в экономической, производственной, технологической сферах, убеждены, что институт квотирования станет одним из ключевых рычагов стимулирования в указанных областях, формой оказания поддержки тем их секторам, от которых ожидается наибольший вклад в развитие государства и общества в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.

2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 750 с.

3. Жильская Л. В. Социальная функция государства по охране и укреплению здоровья населения и ее реализация в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2006. — 292 с.

4. Забугин И. Р. Специальный правовой режим ограничения / И. Р. Забугин // Вектор науки ТГУ. — 2011. — № 1 (4). — С. 68—71.

5. Кряжков В. А. Право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование (на примере охоты) / В. А. Кряжков // Государство и право. — 2016. — № 11. — С. 32—42.

6. Купцова О. Б. Экономическая функция современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2002. — 207 с.

7. Лебедева Е. Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002. — 207 с.

8. Левин О. В. Стимулирование в праве: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. — Саранск, 2006. — 172 с.

9. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1995. — 362 с.

10. Мирошник С. В. Теория правового стимулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов-н/Д., 2003. — 380 с.

11. Морозова И. С. Теория правовых льгот: дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2007. — 447 с.

12. Осокина Е. А. Распределение и рынок в снабжении населения СССР в годы первых пятилеток, 1928—1941: дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1998. — 466 с.

13. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2001. — 195 с.

14. Репьев А. Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ: теория, практика, техника: моногр. / под ред. И. Н. Сенякина. — Барнаул: АЗБУКА, 2019. — 164 с.

15. Репьев А. Г. Преимущества в праве и законодательстве: моногр. / под ред. И. Н. Сенякина. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 392 с.

16. Сиваков Д. О. Правовой институт инвестиционных квот в области рыболовства / Д. О. Сиваков // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 136—144.

17. Султыгов М. М. Запрет как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1996. — 150 с.

18. Шевелева Н. А. Налоговая льгота как категория финансового права / Н. А. Шевелева, Т. Д. Братко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2014. — № 10. — С. 63—81.

19. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О. Е. Кутафин. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. — 559 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. The Great Interpreted Dictionary of Russian Language / Writer and Editor-in-Chief S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.

2. Grand Legal Dictionary / under Ed. A. J. Sukhareva, V. E. Krutsky. — 2nd Ed., Re. And additional. M.: INFRA-M, 2002. 750 p.

3. Zhil'skaja L. V. Social function of the state for the protection and promotion of public health and its implementation in the Russian Federation: thesis of the Doctor of Law. SPb., 2006. 292 p.

4. Zabugin I. R. Special Legal Regime of Restriction / I. R. Zabugin // Vector of Science of TSU. 2011. № 1 (4). P. 68—71.

5. Kryazkov V. A. The right of indigenous small peoples to traditional environmental management (on the example of hunting) / V. A. Kryazkov // The State and Law. — 2016. № 11. P. 32—42.

6. Kuptsova O. B. Economic function of the modern Russian state: thesis of the Candidate of Law. N. Novgorod, 2002. 207 p.

7. Lebedeva E. N. Mechanism of legal stimulation of socially active behavior (problems of theory and practice): thesis of the Candidate of Law. Saratov, 2002. 207 p.

8. Levin O. V. Stimulation in Law: Theoretical and Practical Aspects: thesis of the Candidate of Law. Saransk, 2006. 172 p.

9. Mal'ko A. V. Incentives and Limitations in Law (Theoretical-Information Aspect): thesis of the Doctor of Law. Saratov, 1995. 362 p.

10. Mirosnik S. V. Theory of legal stimulation: thesis of the Candidate of Law. Rostov-On-Don, 2003. 380 p.

11. Morozova I. S. Theory of legal benefits: thesis of the Doctor of Law. Saratov, 2007. 447 p.

12. Osokina E. A. Distribution and market in the supply of the population of the USSR in the years of the first five-year plans, 1928—1941: thesis of the Doctor of History. M., 1998. 466 p.

13. Prikhodko I. M. Restrictions in Russian law (problems of theory and practice): thesis of the Candidate of Law. Saratov, 2001. 195 p.

14. Repyev A. G. Categories “privilege” and “benefit” in the system of legal advantages: theory, practice, technique: monograph / under the ed. professor I. N. Senyakin. Barnaul: AZBUKA, 2019. 164 p.

15. Repyev A. G. Advantages in law and legislation: monograph / under ed. by the Doctor of Law, professor I. N. Senyakin. M.: Jurlitinform, 2020. 392 p.

16. Sivakov D. O. Legal Institute of Investment Quotas in the Field of Fisheries / D. O. Sivakov // Journal of Russian Law. 2019. № 10. P. 136—144.

17. Sultygov M. M. Prohibition as a method of legal regulation: thesis of the Candidate of Law. SPb., 1996. 150 p.

18. Sheveleva N. A. Tax Credit as a Category of Financial Law / N. A. Sheveleva, T. J. Bratko // Journal of Economic Justice of the Russian Federation. 2014. № 10. P. 63—81.

19. Legal Encyclopedia Dictionary / Ed. by O. E. Kutafin. M.: Grand Russian Encyclopedia, 2002. 559 p.

УДК: 342
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10054

Гусева Ирина Александровна
доцент кафедры теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: mif-leg@mail.ru

Guseva Irina Alexandrovna
associate professor of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University
Candidate of History, Associate Professor
E-mail: mif-leg@mail.ru

Курышова Ирина Васильевна
доцент кафедры теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета
кандидат исторических наук
E-mail: kiw09@mail.ru

Kuryshova Irina Vasilievna
associate professor of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University
Candidate of History, Associate Professor
E-mail: kiw09@mail.ru

К ВОПРОСУ О МЕРАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Введение: статья посвящена вопросам правового регулирования и реализации института конституционно-правовой ответственности органов публичной власти на примере Иркутской области.

Материалы и методы: нормативной основой исследования являются нормы конституционного и муниципального законодательства, регламентирующие вопросы конституционно-правовой ответственности.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: выявлены проблемы реализации конституционно-правовой ответственности, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, позволяющие нивелировать пробелы.

Выводы и заключения: законодательная база для реализации отзыва как меры конституционного воздействия, безусловно, имеется, однако механизм реализации данной меры достаточно противоречив, поэтому отзыв на региональном и местном уровнях в настоящее время не стал действенной нормой конституционно-правовой ответственности.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, представительный орган власти, отзыв депутата, муниципальное образование

ON THE ISSUE OF MEASURES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Introduction: the article is devoted to the issues of legal regulation and implementation of the institution of constitutional and legal responsibility of public authorities (on the example of the Irkutsk region).

Materials and Methods: the normative basis of the research is the norms of constitutional and municipal legislation regulating issues of constitutional and legal responsibility.

The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, methods of logical deduction, induction, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: the problems of implementation of constitutional and legal responsibility are identified, and proposals are formulated to improve legislation at the federal, regional and municipal levels, allowing leveling the gaps.

Findings and Conclusions: there is a legal framework for implementing revocation as a measure of constitutional influence, but the mechanism for implementing this measure is quite contradictory, so revocation at the regional and local levels has not yet become an effective norm of constitutional and legal responsibility.

Keywords: constitutional and legal responsibility, representative authority, recall of a Deputy, municipality.

Отсутствие общепринятого определения (дефиниции) ответственности в конституционном праве, единства в ее доктринальном толковании, неоднозначность в восприятии и правоприменительном воспроизведении ярко демонстрируют актуальность изучения темы конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. Научная литература изобилует различными правовыми конструкциями для обозначения ответственности в конституционном праве: «конституционная», «конституционно-правовая», «государственно-правовая», «публично-правовая», «конституционно-уставная» и др. Чаще всего применяются понятия «конституционная и конституцион-

но-правовая ответственность». Ряд авторов (А. В. Зиновьев, Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская, С. А. Авакьян и др.) разграничивают эти понятия, а некоторые ученые (О. Е. Кутафин, Е. И. Козлова и др.) рассматривают эти термины как тождественные. Мнения, высказанные в правовой литературе относительно содержания этих понятий, также существенно различаются.

С учетом предложенных в литературе точек зрения в данной работе будет использовано наиболее оптимальное наименование, соответствующее правовой доктрине и конституциональному подходу — «конституционно-правовая ответственность», под которой понимается вид юридической ответственности, приводящий к неблагоприятным последствиям виновных субъектов в соответствии с Конституцией и другими источниками конституционного права вследствие совершения ими конституционного правонарушения. Дефиниция «конституционное правонарушение» также неоднозначна в научной литературе. Конституционный деликт — это противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) органа публичной власти или должностного лица в сфере осуществления публичной власти, которое причиняет либо создает опасность причинения вреда общественным отношениям.

В вопросе о конституционно-правовой ответственности необходимо разграничивать правовые и политические аспекты. На первый план выступает проблема обеспечения механизма реализации законодательства. Законодательство Иркутской области предусматривает, прежде всего, такие меры конституционного воздействия, как отзыв губернатора, отзыв депутатов представительных органов местного самоуправления, отзыв глав муниципальных образований.

Отзыв депутатов и иных выборных лиц в последнее время активно обсуждается в научном мире, и на данный момент является проблемным вопросом в конституционном праве. Это связано в первую очередь с тем, что Конституция Российской Федерации не содержит нормы, закрепляющие ответственность и подотчетность депутатов и иных выборных лиц перед избирателями. Однако федеральное законодательство имеет нормы, регулирующие такую форму непосредственной демократии. В частности, Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» регламентирует основания и процедуры реализации конституционной ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (статья 9). Тем не менее, к сожалению, данный закон не регулирует конституционную ответственность депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъектов Российской Федерации. Также федеральный закон от 6 октября 2003 г № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает основания и процедуру отзыва депутата и иных выборных лиц местного самоуправления. Более детально урегулирована процедура отзыва на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне органов местного самоуправления.

Институт отзыва выборного лица в юридической доктрине рассматривается поразному. Так, некоторые полагают, что отзыв следует рассматривать как признак дей-

ствия императивного [1, с. 144] или свободного[1] мандата; в качестве способа прекращения полномочий выборного лица теми избирателями, которые дали ему полномочия в ходе выборов [2, с. 27], и др.

Согласимся с мнением Т. В. Шаровой и О. В. Харитоновой, которые считают, что «правовой институт отзыва представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся по поводу досрочного прекращения полномочий выборного лица в форме волеизъявления граждан, на основе специально назначенного голосования, проводимого в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований». [3, с. 22].

Согласно Закону Иркутской области от 28 декабря 2012 г. № 156-ОЗ «Об отзыве Губернатора Иркутской области» основаниями для отзыва может стать факт нарушения губернатором законодательства, установленный иркутским областным судом, либо неоднократное грубое, без уважительных причин неисполнение своих обязанностей, также установленное облсудом. Группа граждан Российской Федерации в количестве не менее 100 человек, проживающих на территории области и обладающих активным избирательным правом, политические партии, их региональные отделения, иные общественные объединения имеют обратиться в суд с заявлением об установлении фактов, являющихся основаниями для отзыва губернатора. Субъектами права инициативы проведения голосования по отзыву Губернатора Иркутской области выступают граждане Российской Федерации, проживающие на территории области и обладающие активным избирательным правом. Инициатива может быть выдвинута не ранее чем по истечении одного года со дня вступления в должность избранного Губернатора Иркутской области. Количество подписей в поддержку инициативы проведения голосования по отзыву губернатора должно составлять одну четверть от числа участников голосования по отзыву Губернатора Иркутской области, зарегистрированных на территории области. Отзыв признаётся состоявшимся, если за него проголосовало более 50 % избирателей региона. Избирательная комиссия Иркутской области наделена полномочиями для проведения голосования по отзыву губернатора. Отзыв губернатора избирателями в Иркутской области на сегодняшний день практики применения не имеет.

Конституционный суд при рассмотрении дела о конституционности отзыва высшего должностного лица субъекта РФ, можно сказать, фактически ликвидировал институт отзыва как особую форму правовой ответственности (одновременно и пози-

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1996 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 г. „О порядке отзыва депутата Московской областной Думы“ в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации»: Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации М. В. Баглая по делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 г. «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы»; Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Витрука по делу о проверке конституционности закона Московской области от 28 апреля 1995 г. «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы»; Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы»; Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Т. Г. Морщаковой по делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 г. «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 348.

тивной, и негативной), введя правило голосования за отзыв более чем половиной зарегистрированных избирателей, а основанием отзыва признав лишь правонарушение, установленное в судебном порядке.

В связи с переходом формирования законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации по пропорциональной либо смешанной системе, в большинстве субъектов были отменены региональные законы, регламентирующие процедуру отзыва депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, поскольку отзыв может быть применен только по отношению к депутату, избранному по одномандатному избирательному округу. Этому также способствует отсутствие федерального правового регулирования института отзыва депутата.

Правовая позиция Конституционного суда РФ при проверке конституционности Закона Московской области «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» заключается, в том, что «субъект Российской Федерации в отсутствие федерального закона об общих принципах организации системы органов государственной власти вправе учредить институт отзыва депутата представительного органа, рассматриваемый им в качестве одной из форм непосредственной демократии». Принятый в дальнейшем Федеральный закон № 184-ФЗ не установил недопустимость отзыва регионального депутата, что сохраняет действие указанной правовой позиции в настоящее время.

В Иркутской области, еще в 2003 г. утратили силу отдельные законы Иркутской области, регламентирующие порядок отзыва депутата Законодательного собрания Иркутской области в соответствии с Законом Иркутской области от 31 декабря 2003 года № 92-оз. И в соответствии с Законом Иркутской области «О статусе депутата Законодательного Собрания Иркутской области» депутаты являются представителями народа; отсутствуют нормы, предусматривающие наказы избирателей, подотчетность перед ними и возможность отзыва, т. е. депутаты обладают свободным мандатом. В ряде субъектов, например, в Республике Тыва, Республике Бурятия, Алтайском крае и др. сохраняется отчетность депутатов перед избирателями и отзыв депутатов избирателями.

Конституционная ответственность депутата Законодательного собрания Иркутской области установлена в соответствии с Законом Иркутской области от 20 мая 2009 г. № 11/2-ЗС. «О статусе депутата Законодательного собрания Иркутской области», который устанавливает основания досрочного прекращения полномочий депутата. Обратим внимание на два случая досрочного прекращения полномочий депутата областного парламента Иркутской области, которые восполняют правовой пробел федерального законодательства.

Статья 12 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закрепляет обязанности соблюдать ограничения, связанные с депутатской деятельностью, согласно которым региональный депутат не вправе быть депутатом других представительных органов, выборным должностным лицом иного органа государственной власти или органа местного самоуправления, замещать государственные должности; находиться на государственной или муниципальной службе; заниматься предпринимательской или другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, если он работает в парламенте субъекта Российской Федерации на профессиональной постоянной основе. Таким образом, есть обязанность соб-

людения установленных запретов и, соответственно, право требования их выполнения.

Право притязания, которое состоит в возможности досрочного прекращения депутатских полномочий при нарушении таких ограничений Федеральным законом 184-ФЗ не установлено, но вытекает из толкования указанных правовых норм. В законодательстве Иркутской области (статья 4 Закона Иркутской области от 8 июня 2009 г. № 31-ОЗ «О статусе депутата Законодательного Собрания Иркутской области») этот правовой пробел восполнен. В результате федеральный запрет не подкреплен соответствующей санкцией за его нарушение, что, как известно, не способствует его соблюдению.

Обязанность депутата принимать личное участие в заседаниях регионального парламента и ответственность за ее неисполнение Федеральным законом № 184-ФЗ не закреплены; а в законодательстве Иркутской области этот пробел восполнен: депутат может быть лишен депутатского мандата в связи с неучастием в работе сессий Собрания в течение четырех месяцев подряд без уважительных причин (статья 4 Закона Иркутской области от 8 июня 2009 г. № 31-оз «О статусе депутата Законодательного Собрания Иркутской области»).

М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев считают, что лишение депутата полномочий законодательным (представительным) органом выступает мерой дисциплинарной ответственности, поскольку она не связана с ненадлежащим осуществлением публичной власти [4, с. 275]. По мнению А. А. Кондрашева, «указанная мера конституционно-правовой ответственности имеет сходство с обычной дисциплинарной ответственностью в трудовом праве» [5, с. 132], при этом справедливо отмечает ее выраженную специфику:

«1) источником регламентации процедуры ее применения являются нормы не трудового распорядка и ТК РФ, а уставов и регламентов соответствующих законодательных органов;

2) неявка депутата на пленарные заседания, а также на заседания рабочих органов законодательного органа нарушает организационные основы функционирования органа народного представительства и тем самым конституционные права, как избирателей данного депутата, так и всех граждан;

3) процедура лишения депутата полномочий в корне отличается от обычной дисциплинарной санкции, имеющей целью прекращение полномочий государственного служащего (увольнение);

4) депутат не может быть привлечен к ответственности своим непосредственным руководителем, так как формально не имеет какой-либо подчиненности тому или иному лицу» [5, с. 132].

Аналогичные процессы можно наблюдать и на уровне муниципальной власти. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ-131) предусматривает ответственность депутатов представительных органов местного самоуправления перед населением[1]. Согласно ст. 24 этого закона основания для отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления и процедура отзыва указанных лиц устанавливаются уставом муници-

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ред. От 20.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

пального образования. Основанием для отзыва депутата могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействия) в случае их подтверждения в судебном порядке. Процедура отзыва депутата, согласно ФЗ-131, относится к компетенции местного населения и может быть начата инициативной группой.

Вопросы конституционно-правовой ответственности органов власти и должностных лиц получили дальнейшее развитие на региональном уровне. В Иркутской области действовал закон № 1-оз от 10 января 2000 года «Об отзыве выборных лиц местного самоуправления в Иркутской области», устанавливающий, что «основанием отзыва выборного лица может быть только виновное нарушение этим выборным лицом Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, Устава Иркутской области, законодательства области, устава муниципального образования и иных нормативных правовых актов органов местного самоуправления при осуществлении им полномочий, факт совершения которого был установлен в порядке, предусмотренном законодательством»[1]. Закон регламентировал порядок решения вопроса о проведении голосования по отзыву выборного лица, подготовку к голосованию, организацию и порядок голосования. Отзыв выборного лица должны были инициировать не менее десяти процентов граждан.

Законодатель федерального и регионального уровней не конкретизирует основания и сам порядок привлечения к ответственности, обязывает это определить муниципальным образованиям самостоятельно в уставах. Анализ уставов муниципальных образований Иркутской области показывает формальный подход к определению оснований и порядка привлечения к ответственности депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления. Так, например, в Уставе города Иркутска «основаниями отзыва депутата, мэра города является только виновное неоднократное нарушение депутатами, мэром федерального и областного законодательства, настоящего Устава и иных городских муниципальных нормативных правовых актов при осуществлении ими полномочий, выразившееся в издании конкретных противоправных решений, в совершении конкретных противоправных действий (в бездействии), факт противоправности которых подтвержден в судебном порядке[2]. Основаниями для отзыва депутата Думы города Братска, мэра города Братска служат его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке. Аналогичные формулировки встречаются в уставах Ангарского городского округа, Шелеховского, Балаганского, Братского муниципальных районов района, муниципального образования «город Тулун», и др. Следовательно, сначала суд должен принять решение, устанавливающее факт противоправных действий народных избранников, после чего возможно инициативная группа от местного может начать процедуру отзыва депутата. Еще более невыполнимым выглядит установленный порог явки избирателей на местный референдум при отзыве депутатов. Отзыв главы муниципального образования или депутата представительного органа муниципального образования, считает-

[1] Об отзыве выборных лиц местного самоуправления в Иркутской области: закон Иркутской области № 1-оз от 10.01.2000 (утратил силу) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации — URL: http://docs.cntd.ru/document/804918785 (дата обращения: 01.08.2020).

[2] Устав города Иркутска (в ред. решения Думы от 07.02.2020 № 007-20-070064/0)) [Электронный ресурс] // Дума г. Иркутска. — URL: http://www.irkduma.ru/about/ (дата обращения: 10.08.2020).

ся состоявшимся, если «за» проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в соответствующем избирательном округе. Интересно отметить, что при выборах депутатов отсутствует как порог явки избирателей, так и необходимый процент голосов для признания его победителем. Таким образом, нормы права, установленные современным законодательством, фактически делают институт отзыва «мертвым». Фактическое отсутствие примеров законченной процедуры голосования по отзыву депутатов и выборных должностных лиц это доказывает. Так, в 2016 г. жители г. Иркутска предприняли неудачную попытку инициировать отзыв депутата Иркутской городской думы С. Юдина, обвинив его в антинародной политике по переименованию улиц города Иркутска посредством ложных заверений поддержки жителей и проведения социальных опросов населения [6]. Процедура отзыва юридически и организационно сложна, условия инициирования отзыва завышены, поэтому намного проще отрешить от должности, лишить мандата депутата административными методами, нежели реализовывать процедуру отзыва депутатов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Отзыв депутатов представительных органов субъектов Российской Федерации в федеральном законодательстве не предусмотрен, на основании норм Конституции РФ (ст. 71, 72 и 76) и постановлений Конституционного суда, допускающих опережающее регулирование субъектов РФ, данная мера конституционно-правовой ответственности имеет право быть закреплена законом субъекта Российской Федерации.

2. Реализация конституционно-правовой ответственности в форме отзыва депутатов представительных муниципальных органов, выборных глав муниципальных образований является трудновыполнимой, и по большому счету нереализованной.

3. При всей противоречивости института отзыва депутата, по нашему мнению, необходимо отдавать предпочтение сохранению форм непосредственной демократии, т. к. именно народ является единственным носителем власти в Российской Федерации и должен иметь реальные инструменты воздействия на своих представителей в период между выборами.

Однако для практической реализации отзыва необходимо внести качественные изменения и дополнения в действующее законодательство для усовершенствования механизма его реализации:

— закрепить институт отзыва депутатов регионального парламента в федеральном законе, устанавливающем общие принципы организации законодательных (представительных) органов государственной власти;

— на федеральном уровне должны быть установлены четкие правовые критерии отзыва: исчерпывающий перечень оснований утраты доверия избирателей, надлежащие процедуры осуществления отзыва депутатов представительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, четко установлено количество подписей, которое необходимо собрать в поддержку инициативы проведения отзыва депутата и др.;

— законодательно унифицировать перечень оснований для отзыва депутатов, руководителей муниципальных образований на региональном и муниципальном уровнях;

— на федеральном уровне отменить порог явки избирателей на референдум по отзыву депутатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мурашин А. Г. Выборы и отзыв как акты прямого народовластия / А. Г. Мурашин // Журнал российского права. — 1999. — № 10. — С. 140—145.

2. Нудненко Л. А. Тенденции правового регулирования отзыва избирателями выборного представителя местного сообщества / Л. А. Нудненко // Административное и муниципальное право. — 2018. — № 6. — С. 25—35.

3. Шарова Т. В., Харитонова О. В. Институт отзыва: проблемы реализации / Т. В. Шарова, О. В. Харитонова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — № 9. — С. 22—28.

4. Конституционное право Российской Федерации. Основы теории конституционного права: курс лек. Ч. 1 / М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриева. — М., 2002. — 332 с.

5. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность депутатов законодательного органа государственной власти, представительного органа местного самоуправления в РФ: основания классификации и проблемы реализации / А. А. Кондрашев // Российский юридический журнал. — 2011. — № 1. — С. 127—143.

6. Имеют ли иркутяне право отозвать депутата Юдина из-за антинародной компании по переименованию улиц? [Электронный ресурс] — URL: https://kjuter.livejournal.com/76249.html (дата обращения: 01.08.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Murashin A. G. Elections and recall as acts of direct democracy / A. G. Murashin // Journal of Russian Law. 1999. No. 10. P. 140—145.

2. Nudnenko L. A. Trends in the legal regulation of the recall of an elected representative of the local community by voters / L. A. Nudnenko // Administrative and Municipal Law. 2018. No. 6. P. 25—35.

3. Sharova T. V., Kharitonova O. V. Institute of recall: problems of implementation / T. V. Sharova, O. V. Kharitonova // State Power and Local Self-Government. 2019. No. 9. P. 22—28.

4. Constitutional law of the Russian Federation. Foundations of the theory of constitutional law: a course of lectures. Part 1 / M. P. Avdeenkova, Yu. A. Dmitrieva. M., 2002. 332 p.

5. Kondrashyov A. A. Constitutional and legal responsibility of deputies of the legislative body of state power, the representative body of local self-government in the Russian Federation: the basis of classification and problems of implementation / A. A. Kondrashev // Russian Legal Journal. 2011. No. 1. P. 127—143.

6. Do Irkutsk residents have the right to recall deputy Yudin because of an anti-people campaign to rename streets? [Electronic resource]. URL: https://kjuter.livejournal.com/76249.html (date of access: 01.08.2020).

УДК: 343.85
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10055

Балобеев Андрей Викторович
проректор по административным вопросам Центрально-Казахстанской Академии, магистр, доцент
E-mail: andrey-0707@mail.ru

Balobeyev Andrey Viktorovich
vice-rector for administrative affairs of the Central Kazakhstan Academy, master, associate professor
E-mail: andrey-0707@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ, ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ПРИРОДНУЮ СРЕДУ И ЕЕ КОМПОНЕНТЫ

Введение: в статье рассматривается комплекс мер, направленных на предупреждение преступных деяний, загрязняющих природную среду и ее компоненты. Выявлены и проанализированы проблемы, имеющие место в сфере предупреждения экологических преступлений. Разработаны практические рекомендации, направленные на их устранение.

Материалы и методы: в качестве методологической основы исследования выступает комплекс общенаучных и частно-научных методов познания общественных процессов, в том числе обобщение теоретического материала, сравнительно-правовой метод, метод системного анализа.

Результаты исследования: сформулировано определение предупреждения экологических преступлений, загрязняющих природную среду; предлагаются пути усовершенствования мер, направленных на предупреждение преступного загрязнения окружающей среды.

Выводы и заключения: для осуществления успешной работы по предупреждению экологических преступлений, загрязняющих природную среду необходимы значительные материальные, организационные и иные затраты, кооперация и координация усилий многих государственных и общественных структур и организаций для реализации комплекса правоохранительных, правовых, экономических, технологических, социальных, воспитательных и иных мер. Представляется, что реализация на практике предложенных рекомендаций по усовершенствованию мер, направленных на предупреждение преступного загрязнения природной среды, будет способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности в рассмотренной сфере.

Ключевые слова: загрязнение окружающей среды, экологические преступления, предупреждение преступлений.

IMPROVEMENT MEASURES TO PREVENT CRIMINAL ACTS, POLLUTING THE NATURAL ENVIRONMENT AND ITS COMPONENTS

Introduction: The article discusses a set of measures aimed at preventing criminal acts polluting the environment and its components**.** The study purpose is to identify and analyze problems that have a place in the field of environmental crime prevention, and the development of practical recommendations aimed at eliminating them.

Materials and Methods: the methodological basis of the study is a set of general scientific and private scientific methods of cognition of social processes, including a generalization of theoretical material, a comparative legal method, and a system analysis method.

Results of the Study: the definition of the prevention of environmental crimes polluting the natural environment is formulated; suggested ways to improve measures aimed at preventing criminal environmental pollution.

Findings and Conclusions: to carry out successful work on the prevention of environmental crimes that pollute the environment, significant material, organizational and other costs, cooperation and coordination of efforts of many state and public structures and organizations for the implementation of a range of law enforcement, legal, economic, technological, social, educational and other measures are necessary. It seems that the practical implementation of the proposed recommendations to improve measures aimed at preventing criminal pollution of the natural environment will contribute to improving the effectiveness of law enforcement in this area.

Keywords: environmental pollution, environmental crimes, crime prevention.

По всей Российской Федерации наблюдается ухудшение экологической обстановки, что является следствием в том числе и преступного загрязнения атмосферы, поверхностных и подземных вод, порчи земли вредными продуктами хозяйственной деятельности. Преступные деяния (ст. 250 «Загрязнение вод», ст. 251 «Загрязнение атмосферы», ст. 252 «Загрязнение морской среды», ст. 254 «Порча земли» УК РФ [1]), загрязняющие природную среду, совершаются почти на всей территории России, и представляют угрозу не только окружающей среде и населению, но и национальной безопасности страны. В этой связи необходимо провести ревизию комплекса мер, направленных на предупреждение преступных деяний, загрязняющих природную среду, с целью выявления, имеющихся в этой сфере проблем, с дальнейшим обоснованием рекомендаций, направленных на их устранение.

Понятие предупреждения экологических преступлений, загрязняющих природную среду и ее компоненты.

Прежде всего, необходимо раскрыть содержание такого ключевого понятия, как «предупреждение преступлений», являющегося предметом научных дискуссий. В результате в литературе можно встретить много вариантов его определения. Так, А. Э. Жалинский полагал, что: «Предупреждение — это социальный процесс, основой которого является применение отвечающих требованиям общественной морали и законности специальных методов и приемов, знаний и навыков регулирования социальных отношений только в целях ликвидации тех их отрицательных последствий, которые могут вызвать совершение преступлений» [8, с. 105]. Г. А. Аванесов считает, что предупреждение преступности — «это исторически сложившаяся система объективных и субъективных предпосылок для ликвидации преступности, а также комплекс государственных и общественных мер, направленных на искоренение данного явления, причин и условий, его порождающих» [6, с. 206].

Несмотря на наличие разных подходов в определении рассматриваемого понятия, большинство криминологов приняли следующую его формулировку: «Предупреждение преступности — это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности» [14, с. 30; 15, с. 190].

В целом, принимая формулу этого определения, отметим, что нами поддерживается мнение ученых, рассматривающих предупреждение преступности в качестве действенного направления в социально-правовом воздействии на это антисоциальное явление, предусматривающее не только применение комплекса государственных и общественных мер, направленных на устранение, нейтрализацию негативных обстоятельств, способствующих его воспроизводству, но и также на стимулирование позитивных процессов в социальной жизни общества, препятствующих его развитию.

Автором предлагается следующее определение предупреждения рассматриваемых преступлений: «Предупреждения экологических преступлений, загрязняющих природную среду и ее компоненты, — это исторически сложившаяся многоуровневая система государственных и общественных мер, нацеленных на выявление, устранение и нейтрализацию причин экологических преступлений, загрязняющих природную среду и ее компоненты, и условий, способствующих их совершению, а также на стимулирование позитивных процессов в социальной жизни общества, препятствующих их развитию, и уголовное преследование лиц, совершивших преступления».

Меры предупреждения преступных деяний, загрязняющих природную среду и ее компоненты.

Деятельность, направленная на предупреждение изучаемой группы экологических преступных деяний, осуществляется в различных объемах и на разных уровнях. Поэтому принято разграничивать меры предупреждения преступлений на общесоциальные и специально-криминологические.

Общесоциальными мерами предупреждения экологических преступлений являются общие меры по предупреждению всех видов преступности, которые направлены на развитие национальной экономики, повышение общего уровня благосостояния всего населения, формирование в обществе атмосферы стабильности, стимулирование доверия населения к деятельности, осуществляемой государственной властью.

Как верно пишет В. М. Шеншин: «Специально-криминологическими мерами предупреждения экологической преступности является совокупность мер, специально направленных на устранение причин и условий преступности и конкретных средств по предупреждению как общих, так и экологических преступлений» [16, с. 34].

Следует сказать, что фактически все авторы, обращавшиеся к вопросам предупреждения рассматриваемых экологических преступлений, общесоциальным мерам профилактики уделяют повышенное внимание, отмечая их важную роль. При этом каждый автор старается в общепризнанный перечень этих мер внести свой вклад, т. е. можно сказать, что относительно списка общесоциальных мер в научной среде существует плюрализм мнений. Опираясь на результаты изучения теоретической базы исследования, можно выделить ряд следующих основных направлений общих мер предупреждения преступного загрязнения природной среды: 1) правовые меры, связанные с совершенствованием уголовного и экологического законодательства; 2) социально-экономические меры, связанные с повышением благосостояния населения, с предоставлением льгот, направленных на поддержку предприятий, добросовестно занимающихся очисткой вредных выбросов в окружающую среду; 3) меры технологического характера, связанные, в частности, с модернизацией и развитием промышленности, оказывающей интенсивное воздействие на окружающую природную среду, и внедрением оптимальных современных технологий, призванных снизить вредное воздействие на атмосферу, поверхностные и подземные воды; 4) культурно-вос-

питательные меры, направленные на развитие экологическо-правовой культуры населения; 5) меры, связанные с социально-правовым контролем, в том числе осуществляемом посредством проверок объектов, оказывающих интенсивное воздействие на окружающую природную среду.

Проблемы, препятствующие реализации мер предупреждения преступных деяний, загрязняющих природную среду и ее компоненты.

Далее раскроем содержание этих мер с акцентом на проблемы, препятствующие их эффективной реализации.

Как показывает правоприменительная практика, положения УК РФ, направленные на защиту природной среды от загрязнения, малоэффективны, что является следствием в том числе несовершенства экологического законодательства. Многие соответствующие уголовно-правовые нормы являются бланкетными, что обусловливает необходимость для правоприменителя каждый раз обращаться к положениям, содержащимся в нормах законодательства, регламентирующего правила охраны природных объектов. Однако нередко осуществить верную квалификацию рассматриваемых преступлений — весьма затруднительная задача, поскольку действующее бланкетное законодательство не во всех случаях предлагает регламентацию специфических признаков, характерных для предмета преступного посягательства и для объективной стороны преступления. Как верно отмечается: «Несмотря на большой объем нормативных актов в экологической сфере, природоохранное законодательство зачастую не дает точного определения тех или иных терминов, используемых в уголовном законе [11, с. 49].

Для подтверждения этого утверждения приведем в пример ст. 251 УК РФ. В части первой этой статьи в качестве одного из опасных последствий законодатель указал — «иное изменение природных свойств воздуха». Однако при этом не раскрыл понятие этого термина в УК РФ, и в Федеральном законе от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об охране атмосферного воздуха» [3] этот термин также не упоминается. Данный пробел пытаются восполнить в теории уголовного права. При этом анализ теоретической базы исследования показывает, что в настоящее время в литературе сформировалось две позиции относительно понимания «иного изменения природных свойств воздуха», в качестве общественно опасного последствия, установленного в диспозиции ч. 1 ст. 251 УК РФ. В соответствии с первой позицией под иным изменением природных свойств воздуха, предлагается понимать любое негативное отклонение от существовавшего ранее состояния атмосферного воздуха [17, с. 55; 9, с. 716], в соответствии со второй — только такое негативное отклонение от существовавшего состояния атмосферного воздуха, которым превышаются допустимые нормативы [10, с. 652].

Высоко оценивая вклад ученых в решение рассматриваемой проблемы, считаем, что она должна быть разрешена на законодательном уровне, а это значит, что для применения ст. 251 УК РФ необходимо усовершенствовать природоохранное законодательство. Также считаем, что Пленум Верховного суда РФ должен дать судебное толкование понятия «иное изменение природных свойств воздуха». Это можно осуществить, внеся соответствующие дополнения в постановление Пленумом Верховного суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [5].

Итак, весьма важно своевременно осуществлять модернизацию норм экологического законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере охраны природы, к которому отсылают нормы главы 26 УК РФ.

В настоящее время большое количество нормативных актов, направленных на регламентацию отношений в сфере экологии и природоохранной деятельности, имеет подзаконный характер, при этом в них содержится множество отсылочных норм, что затрудняет их применение на практике. В рассматриваемой сфере насчитывается порядка 900 законов и подзаконных нормативных актов, при этом весь перечь установить весьма затруднительно.

В этой связи желательно обратиться к изучению положительного опыта в этой сфере, накопленного зарубежными странами, в частности, ФРГ. В этой стране законодатель основную массу экологического законодательства объединил в едином кодифицированном акте — Экологическом кодексе, тем самым исключив бланкетность и дублирование законоположений. Полагаем, что для криминологической профилактики экологических преступлений в целом и преступного загрязнения природной среды в частности опыт немецких законодателей является весьма ценным.

Нами поддерживается позиция о необходимости ужесточения уголовного наказания за совершение рассматриваемого вида экологических преступлений. Вместе с тем современная правоприменительная практика показывает, что усиление наказания само по себе без поддержки со стороны комплекса соответствующих социально-экономических мер не способствует значительному снижению уровня преступности. Поэтому считаем, что для борьбы с преступностью в целом и с экологической в частности необходимо последовательное осуществление государством таких социально-экономических мероприятий, как: коренная модернизация экономики на основе продуманной инвестиционной стратегии; достижение высоких темпов экономического роста; поддержка и защита отечественных товаропроизводителей; развитие промышленного и сельскохозяйственного производства на основе современных инновационных технологий, позволяющих в том числе снизить загрязнение окружающей среды, и др.

Важное место в области общего предупреждения непосредственно экологической преступности должно отводиться мерам, связанным с совершенствованием промышленного и аграрного производства, оказывающего интенсивное воздействие на природную среду. В частности, мерам технологического характера, связанным с модернизацией и развитием промышленности, оказывающей интенсивное воздействие на окружающую природную среду, совершенствованием методов сельскохозяйственного производства, внедрением оптимальных современных технологий, призванных уменьшить вредное воздействия на почву, атмосферу, поверхностные и подземные воды.

К сожалению, нередко владельцы и руководители промышленных производств экономят на финансовых вложениях в экологически безопасные и энергосберегающие технологии и, соответственно, на здоровье людей, не только тех, кто трудится на этих производствах, но и тех, кто проживает рядом с ними. Как верно отмечается: «Должностные лица хозяйственных субъектов и их бенефициары не спешат вкладывать средства в применение ресурсосберегающих технологий, выполнение мероприятий, направленных на организацию малоотходного производства, снижающего антропогенное воздействие на природу, утилизацию отходов хозяйственной деятельности» [13, с. 13].

Осуществление защиты почвы, атмосферы, поверхностных и подземных вод является неотъемлемой частью природоохранной деятельности государства. Поэтому государство должно стимулировать владельцев промышленных предприятий на внедрение инновационных технологий и развитие экологически безопасных производств; оказывать помощь бизнесу при внедрении производств, направленных на утилизацию и переработку отходов.

Акцентируем наше внимание на том, что в ст. 17 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об охране окружающей среды» [2] формально продекларировано, что государство оказывает поддержку хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды. Однако по факту до сих пор какой-то продуманной, действенной системы мер государственной поддержки экологическому предпринимательству так и не было создано. В бюджетном и налоговом законодательстве не закреплена система льгот и стимулов для хозяйствующих субъектов, которые стали использовать наилучшие доступные технологии.

Поэтому считаем, что в целях профилактики экологической преступности государству необходимо разработать и ввести систему мер экономического стимулирования, направленных на поддержку предприятий, добросовестно занимающихся очисткой вредных выбросов в окружающую среду и использующих в своей хозяйственной деятельности экологически безопасные и технологии. Было бы оправданно в отношении таких предприятий ввести существенные налоговые льготы. В свою очередь, необходимо усилить санкции в отношении хозяйствующих субъектов, несоблюдающих нормативы допустимого воздействия на окружающую природную среду.

К числу общих мер, направленных на предупреждение преступности, относится и повышение правовой культуры населения. В число причин, порождающих экологическую преступность, входят культурные, заключающиеся в том, что у большинства населения наблюдается крайне низкий уровень экологического правосознания. Как верно указывает И. В. Попов: «До тех пор, пока у каждого члена общества не сложится внутренний экологический императив, согласно которому каждое потенциально опасное для природы решение должно приниматься с учетом возможных негативных последствий, надеяться на то, что удастся решить проблему защиты природы социально-нравственными или экономико-правовыми механизмами, нельзя» [12, с. 15].

Поэтому не последнее место в предупредительной деятельности должно отводиться мерам, направленным на повышение экологического правосознания, а также на оздоровление духовно-нравственной сферы, на формирование у граждан навыков активной гражданской позиции. Государству и общественным организациям необходимо на постоянной основе повышать уровень экологического правосознания всех слоев населения посредством проведения мероприятий с участием работников экологического контроля, просвещать жителей регионов о негативном влиянии загрязненной воды, почвы, атмосферы на их здоровье через социальные сети, СМИ, посредством специализированных теле- и радиопередач.

Необходимо повышать уровень знаний и квалификацию самих сотрудников правоохранительных органов. Объем знаний по экологическому праву и в области экологической криминологии, которые получают выпускники юридических вузов, явно недостаточен для работы в сфере природоохранной деятельности. То количество часов, которые выделяются для изучения материала по этим дисциплинам, является крайне незначительным, поэтому в большинстве выпускники вузов слабо подготовлены к работе по этой профессии. Уголовные нормы, закрепляющие ответственность

за преступное загрязнение природной среды, являются весьма сложными для правоприменения. Для их реализации сотрудникам следствия необходимо обладать обширными знаниями экологического законодательства, которое в рамках проводимой правовой реформы постоянно обновляется. Изучение следственной практики свидетельствует о том, что немало ошибок при квалификации рассматриваемой категории экологических преступлений возникает в связи с использованием устаревшего нормативно-правового материала, а также в силу неверной оценки причиненного преступлением ущерба. Поэтому для правильного применения норм об уголовной ответственности за совершение рассматриваемой категории преступлений следователю необходимо на постоянной основе изучать обширный законодательный массив, охватывающий не только национальные нормативно-правовые акты, но и целый ряд международно-правовых документов, разъяснения Пленума Верховного суда РФ.

Считаем, что с учетом специфических особенностей, присущих уголовным и экологическим нормам, с целью подготовки юристов — специалистов экологической направленности, в юридических вузах необходимо ввести специальный курс, раскрывающий особенности и проблематику квалификации всех экологических преступлений в целом, и преступных деяний, в результате которых происходит загрязнение природной среды, в частности.

Полагаем, что высокая эффективность профилактических мероприятий рассматриваемой группы преступлений может быть достигнута только в результате применения комплексной системы предупреждения, при тесном взаимодействии государственных структур с общественными объединениями и гражданами. Поэтому в качестве важной организационной меры, способной оказать противодействие экологической преступности, должен стать общественный экологический контроль. Согласно ст. 68 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [2] одним из видов экологического контроля является общественный экологический контроль, который осуществляют общественные объединения, иные некоммерческие организации, а также граждане. В настоящее время общественный экологический контроль в России находится в стадии формирования, и его в основном осуществляют только самые активные представители общественности и экологических объединений. Эта ситуация обусловлена тем, что общественный контроль до сих пор не получил должного правового оформления (в частности, в форме Закона об общественном контроле), его регулирование осуществляется поверхностно и фрагментарно, законодатель не разъясняет его суть и порядок проведения, не указывает на формы и методы осуществления, не закрепляет права общественных контролеров, а без этого всего проверочная деятельность экологических объединений лишена практического смысла.

Наиболее часто общественный контроль реализуется через сообщения общественных объединений в органы государственной власти и местного самоуправления, об известных им нарушениях законодательства, выявленных в том числе посредством запросов к хозяйствующим субъектам о предоставлении ими сведений о деятельности экологически опасных объектов. Однако процедура получения таких сведений практически не регулируется, а закон не предусматривает мер ответственности в отношении представителей хозяйствующих субъектов, в случае если они будут препятствовать реализации правомочий представителей общественного экологического контроля.

К этому стоит добавить, что Российской Федерацией не подписана Орхусская конвенция [5], что не позволяет гражданам принимать участие в процессе принятия важных экологических решений. Данное обстоятельство, в частности, приводит к проблемам при доступе граждан к сведениям о деятельности экологически опасных

объектов, затрудняет осуществление контроля общественными организациями должностных лиц во время принятия ими незаконных решений в сфере охраны природы.

Общественные экологические объединения могут оказывать существенную помощь в сфере противодействия преступному загрязнению природной среды. Но для этого необходимо на законодательном уровне устранить обозначенные выше пробелы, определить меры ответственности в отношении хозяйствующих субъектов в случае, если они будут препятствовать реализации правомочий инспекторами экологического общественного контроля. Также целесообразно осуществить проработку вопроса о наделении этих инспекторов правом составлять протоколы об экологических правонарушениях. Но самое главное, необходимо принять единый закон об общественном контроле. Также считаем необходимым, чтобы органы государственной власти как можно быстрее приняли положительное решение о присоединении Российской Федерации к Орхусской конвенции.

Далее укажем, что одной из причин распространения рассматриваемой группы преступлений является ненадлежащая работа органов государственного экологического контроля. Это проявляется в низком уровне активности работников этих органов в ходе осуществления деятельности, направленной на выявление и пресечение экологических правонарушений, в большом количестве нарушений норм природоохранного законодательства, допускаемых ими в ходе реализации своих функций. Как верно отмечает ряд специалистов (Д. Г. Добрецов, Н. А. Игонина, М. М. Какителашвили), среди недостатков деятельности работников контролирующих органов следует назвать несвоевременное направление органами экологического контроля и надзора в правоохранительные органы сообщений о совершении экологических преступлений, а также материалов проведенных проверок, необходимых для вынесения решения о возбуждении уголовного дела [7].

Полностью соглашаясь с этими авторами, укажем и на низкий уровень подготовки самих материалов проведенных проверок, что нередко выступает в качестве повода для вынесения отказа в возбуждении уголовного дела.

Итак, в целях предупреждения преступного загрязнения природной среды необходимо на постоянной основе повышать качество проведения государственного экологического контроля.

Весьма важным направлением в противодействии преступному загрязнению природной среды, в организационном плане видится развитие системы природоохранных органов, а именно создание экологической полиции, наделенной кругом необходимых полномочий, для выполнения задачи поддержания правопорядка в сфере охраны природной среды.

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что для осуществления успешной работы по предупреждению изучаемого вида экологических преступлений необходимы значительные материальные, организационные и иные затраты, кооперация и координация усилий многих государственных и общественных структур и организаций для реализации комплекса правоохранительных, правовых, экономических, технологических, социальных, воспитательных и иных мер. Полагаем, что реализация на практике предложенных рекомендаций по усовершенствованию мер, направленных на предупреждение преступного загрязнения природной среды, будет способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности в рассмотренной сфере. В конечном счете, это должно привести к снижению степени наносимого вреда природной среде, повышению уровня безопасности общества и национальной безопасности Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Рос. газ. — № 113. — 1996.

2. Об охране окружающей среды: федер. закон Рос. Федерации от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Рос. газ. — № 6. — 2002.

3. Об охране атмосферного воздуха: федер. закон Рос. Федерации от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Рос. газ. — № 91. — 1999.

4. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленумом Верховного суда Рос. Федерации от 18 окт. 2012 г. № 21 // Рос. газ. — № 251. — 2012.

5. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (Заключена в г. Орхусе 25.06.1998) // Документ не был опубликован. Приводится по СПС «Гарант».

6. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. — М., Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. — 526 с.

7. Добрецов Д. Г., Игонина Н. А., Какителашвили М. М. Координация природоохранными прокурорами деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью// Мониторинг правоприменения, 2017 [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsiya-prirodoohrannymi-prokurorami-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-po-borbe-s-ekologicheskoy-prestupnostyu (дата обращения: 09.05.2018).

8. Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. — Львів: Вища школа, 1976. — 194 с.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) /под ред. А. И. Чучаева. — М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2014. — 1086 с.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2015. — 1392 с.

11. Попов И. В. Некоторые проблемы квалификации преступлений против природной среды // Уголовное право. — 2016. — № 1. — С. 47—53.

12. Попов И. В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2014. — 46 с.

13. Попов И. В. Преступное загрязнение природы и уголовно-правовая реакция государства: ужесточение санкций или эффективизация борьбы // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 4. — С. 12—15.

14. Теоретические основы предупреждения преступности / Ю. М. Антонян, А. Э. Жалинский, В. В. Клочков, и др.; отв. ред.: В. К. Звирбуль, В. В. Клочков, Г. М. Миньковский. — М.: Юрид. лит. 1977. — 256 с.

15. Чиненов А. В. Криминологические особенности специального предупреждения преступлений, совершаемых при ликвидации юридического лица // Вестник Московского университета МВД России — 2020. — № 3. — С. 189—192.

16. Шеншин В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений // Экологическое право. — 2017. — № 4. — С. 33—37.

17. Экологические преступления: науч.-практ. пособ. / А. Г. Князев, Д. Б. Чураков, А. И. Чучаев; под ред. А. Г. Князева. — М.: Проспект, 2009. — 464с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 23, 2018) // Rossijskaja gazeta, № 113, 18.06.1996.

2. On environmental protection: Federal law of the Russian Federation of 10 Jane, 2002 No. 7-FZ (as amended on 31.12.2017) //// Rossijskaja gazeta, № 6, 12.01.2002.

3. On the protection of atmospheric air: Federal law of the Russian Federation of May 4, 1999, No. 96-FZ (as amended on July 13, 2015)// Rossijskaja gazeta, No. 91, 13.05.1999.

4. On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and natural resource use: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 18 oct. 2012 No. 21 // Rossijskaja gazeta, No. 251, 31.10.2012.

5. Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters "(Concluded in Aarhus on June 25, 1998) // The document was not published. Provided according to the ATP "Garant".

6. Avanesov G. A. Criminology and social prevention. M., Publishing house Acad. Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. 526 p.

7. Dobrecov D. G., Igonina N. A., Kakitelashvili M. M. Coordination by environmental prosecutors of the activities of law enforcement agencies to combat environmental crime // Monitoring of Law Enforcement, 2017 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsiya-prirodoohrannymi-prokurorami-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-po-borbe-s-ekologicheskoy-prestupnostyu (Date of the application: 09.05.2018).

8. Zhalinskij A. Je. Special prevention of crimes in the USSR. Lviv: Higher school, 1976. 194 p.

9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / ed. A. I. Chuchaeva. M.: CONTRACT; INFRA-M, 2014. 1086 p.

10. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / Ed. A. V. Brilliantova. M.: Prospect, 2015. 1392 p.

11. Popov I. V. Some problems of qualification of crimes against the natural environment // Criminal law. 2016. No. 1. P. 47—53.

12. Popov I. V. Crimes against the natural environment: theoretical foundations and practice of application: abstract of the thesis of the Doctor of Law. Yekaterinburg, 2014. 46 p.

13. Popov I. V. Criminal pollution of nature and the criminal-legal reaction of the state: toughening sanctions or effective struggle // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 4. P. 12-15.

14. Theoretical foundations of crime prevention / Yu. M. Antonyan, A. E. Zhalinsky, V. V. Klochkov, and others; responsible ed.: V. K. Zvirbul, V. V. Klochkov, G. M. Minkovsky. M.: Legal Literature. 1977. 256 p.

15. Chinenov A. V. Criminological features of special prevention of crimes committed during the liquidation of a legal entity // Bulletin of the Moscow state University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2020, No. 3, P. 189-192.

16. Shenshin V. M. Features of the prevention and suppression of environmental crimes // Environmental Law. 2017. No. 4. P. 33—37.

17. Environmental crimes: scientific-practical. manual. / A. G. Knyazev, D. B. Churakov, A. I. Chuchaev; ed. A. G. Knyazeva. M.: Prospect, 2009. 464 p.

УДК: 343.9.01
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10056

Босхолов Сергей Семенович
профессор кафедры уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) доктор юридических наук профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Boskholov Sergei Semenovich
professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Irkutsk Institute (branch) ARSUJ, Doctor of Law Professor, Honored Lawyer of Russia

Сидорова Екатерина Закариевна
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: ketrik6@mail.ru

Sidorova Ekaterina Zakarievna
teacher of the Department of Criminal Law and Criminology, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
candidate of Law
E-mail: ketrik6@mail.ru

ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Введение: в статье раскрываются особенности нового для науки криминологии понятия «система обеспечения криминологической безопасности образования». Образование, выступая важнейшим национальным интересом, нуждается в защите от криминологических угроз, в первую очередь от преступности. В данном аспекте большое значение приобретают мероприятия, направленные на обеспечение криминологической защиты образования, в том числе создание научной базы для реализации стратегии по обеспечению криминологической безопасности образовательной среды.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют нормативно-правовые акты как международного уровня, в частности Положение о сотрудничестве государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности от 10 декабря 2010 г., так и федерального уровня, например, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», указ Президента России от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и регионального уровня, например, закон Иркутской области от 8 июня 2010 г. № 38-ОЗ «Об административной ответственности за неисполнение отдельных мер по защите детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, в Иркутской области». Методологическая основа исследования выражена в общем диалектическом методе научного познания, который характеризуется своей универсальностью. В исследовании использованы также мето-

ды логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили раскрыть понятие системы обеспечения криминологической безопасности образования и соотнести его с понятием противодействия криминологическим угрозам образовательной среды.

Выводы и заключения: предложенные авторами термины и определения, а также разработанная типология мероприятий по обеспечению криминологической безопасности системы образования способствуют теоретической обоснованности борьбы с криминологическими угрозами, существующими в образовательной среде и снижающими уровень криминологической защищенности системы образования.

Ключевые слова: криминологическая безопасность, противодействие криминологическим угрозам, безопасность образования, криминологические угрозы, криминологическая защищенность образовательной среды, преступность в образовании, борьба с преступностью.

CONCEPT OF THE SYSTEM OF ENSURING CRIMINOLOGICAL SECURITY OF EDUCATION

Introduction: the article reveals the features of the new concept for the science of criminology "system of ensuring the criminological security of education". Being the most important national interest, the education needs to be protected from criminological threats, first of all from crime. In this aspect, activities aimed at ensuring the criminological protection of education, including the creation of a scientific base for the implementation of the strategy for ensuring the criminological security of the educational environment, are of great importance.

Materials and Methods: the normative basis of the study is made up of normative legal acts both at the international level, in particular, the Regulation on cooperation of the member States of the collective security Treaty Organization in the field of information security from December 10, 2010, and at the Federal level, for example, Federal Law of March 6, 2006 № 35 "On countering terrorism", decree of the President of Russia of December 31, 2015 № 683 "On the national security Strategy of the Russian Federation" and regional level, for example, Law of the Irkutsk region of June 8, 2010 № 38 "On administrative responsibility for failure to implement certain measures to protect children from factors that negatively affect their physical, intellectual, mental, spiritual and moral development in the Irkutsk region". The methodological basis of the research is expressed in the General dialectical method of scientific knowledge, which is characterized by its universality. The study also used methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: revealed the concept of the system of ensuring criminological security of education and correlate it with the concept of countering criminological threats to the educational environment.

Findings and Conclusions: proposed terms and definitions, and developed a typology of measures to ensure criminological security of the education system contribute to the

theoretical justification of the fight against criminal threats that exist in the educational environment and reducing the level of criminological security of the education system.

Keywords: criminological security, countering criminological threats, educational security, criminological threats, criminological protection of the educational environment, crime in education, fighting crime

Сфера образования занимает важное место в системе общественных отношений. Осознавая значимость данного института для социума, государство стремится обеспечить защиту образовательной среде и отдельным ее элементам. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента России от 31 декабря 2015 г. № 683, образование является одним из национальных интересов, которые государство защищает от различного вида угроз, в том числе угроз криминального и криминологического характера[1].

Для того чтобы своевременно и должным образом реагировать на криминологические вызовы современности, угрожающие безопасности образования, необходимо иметь четкое представление о системе обеспечения криминологической безопасности образовательной среды.

На наш взгляд, система обеспечения криминологической безопасности образования представляет собой комплекс элементов, задействованных в процессе создания защитного поля для системы образования от различных криминологических угроз. К таким элементам относятся:

во-первых, субъекты криминологической безопасности образования;

во-вторых, меры политического, экономического, правового, организационно-управленческого, духовно-нравственного, технического, научного и иного характера, ориентированные на создание условий, исключающих или затрудняющих негативное воздействие криминологических угроз на защищаемые объекты;

в-третьих, финансовое, материальное, техническое и иное обеспечение реализации указанных мер.

Целью рассматриваемой системы является создание так называемого защитного поля для сферы образования, а также поддержание высокого уровня защищенности объектов образовательной среды от криминологических угроз.

К субъектам, занимающимся обеспечением криминологической безопасности образования, относятся органы власти, физические и юридические лица, институт семьи и школы, педагоги, общественные организации, обладающие правами и обязанностями, а также средствами и возможностями по обеспечению криминологической безопасности сферы образования, ее отдельных элементов.

Система обеспечения криминологической безопасности образования подразумевает два основных вида деятельности, осуществляемой указанными субъектами:

1) воздействие на криминологические угрозы;

2) защита соответствующих объектов от криминологических угроз.

Воздействие на криминологические угрозы предполагает активные действия субъектов, направленные на непосредственное влияние на ту или иную криминологи-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

ческую опасность, угрожающую системе образования. Воздействие на криминологическую угрозу реализуется через ее непосредственную ликвидацию, нейтрализацию ее негативного влияния на защищаемые объекты, а также воздействие на причины и условия, способствующие укреплению позиций данной угрозы. Активное воздействие на криминологические угрозы будет наблюдаться, например, при проведении четкой социально-экономической политики государства, направленной на борьбу с бродяжничеством школьников; строительство новых образовательных организаций в целях получения образования как можно большим количеством лиц и иное.

В свою очередь, защита системы образования от криминологических угроз предполагает более пассивную модель поведения и подразумевает непосредственную охрану защищаемых объектов от угроз криминального и криминогенного характера, а также охрану от тех негативных последствий, которые могут наступить в результате воздействия названных угроз. Кроме этого криминологическая защита образования включает в себя деятельность по минимизации и устранению уже наступивших негативных последствий для объектов системы образования. Видом деятельности по защите системы образования от криминологических угроз будет являться, например, установление правового запрета на приобретение алкоголя несовершеннолетними лицами, являющимися зачастую школьниками и студентами, а также установление строгих мер административной и уголовной ответственности для лиц, способствовавших приобретению молодыми людьми алкоголя.

Следует соотнести понятия «система обеспечения криминологической безопасности образования» и «противодействие угрозам криминологической безопасности образования».

Понятие «противодействие угрозам криминологической безопасности образования» более узкое, чем понятие «система обеспечения криминологической безопасности образования». Противодействие криминологическим угрозам подразумевает деятельность, направленную только на непосредственную борьбу с названными криминологическим угрозами. А понятие системы обеспечения криминологической безопасности образования включает в себя широкомасштабную деятельность по недопущению, нейтрализации или минимизации негативного воздействия, оказываемого криминологическими угрозами на объекты криминологической безопасности образования. Система обеспечения криминологической безопасности образования не только включает в себя борьбу с криминологическими угрозами, но и ориентирована на создание общесоциальных предпосылок для благоприятного климата в обществе. При обеспечении криминологической безопасности образования должны осуществляться такие мероприятия, как:

1) создание научной, интеллектуальной и методической базы для реализации стратегии по обеспечению криминологической безопасности образования;

2) создание правовых, материальных, организационных, технических, ресурсных механизмов для предоставления качественных образовательных услуг;

3) разработка и реализация общегосударственных программ по расширению сети образовательных организаций, по обновлению материальной базы школ, училищ и институтов, по повышению заработной платы педагогов;

4) совершенствование нормативно-правовой базы, касающейся недопущения преступных посягательств в сфере образования;

5) увеличение штатной численности лиц, задействованных в обеспечении криминологической безопасности системы образования, в том числе сотрудников правоохранительных органов;

6) осуществление мероприятий по противодействию угрозам криминологической безопасности образования, в том числе:

— разработка дополнительных образовательных программ и дальнейшее обучение лиц, задействованных в профилактике экстремизма, скулшутинга среди обучающихся и суицидальных воздействий на них;

— определение и закрепление новых, необходимых на практике критериев для регистрации сведений о правонарушителях в различных учетных базах, картотеках, информационных банках, позволяющих оценить масштабы распространения криминальной субкультуры «АУЕ»;

— разработка и внедрение новых современных методов противодействия коррупции в сфере образования;

7) разработка и реализация государственных программ, направленных на пропаганду и методическую работу с населением в целях подготовки граждан к противостоянию преступности в сфере образования (профилактика виктимности населения);

8) создание и развитие сети экстренных служб, способных оказать помощь, в том числе психологическую, в случае преступного посягательства в образовательной среде;

9) анализ и применение международного и зарубежного опыта в защите объектов криминологической безопасности системы образования.

Таким образом, система обеспечения криминологической безопасности образования является наиболее широким понятием. Вместе с тем ключевым составным элементом данного термина является понятие противодействия угрозам криминологической безопасности образования. В этой связи особое внимание следует уделить мерам, направленным на противодействие криминологическим угрозам образовательной среды.

При обеспечении криминологической безопасности всегда осуществляется борьба с криминологическими угрозами. В данной области используются различные понятия: воздействие на угрозы, борьба с угрозами, противодействие угрозам, предупреждение угроз. Разграничению названных терминов в научной литературе уделено достаточное внимание [4, с. 113; 3, с. 213; 1, с. 145]. Не дискутируя по этому вопросу, отметим, что самым широким термином, на наш взгляд, является понятие «воздействие на криминологические угрозы», под которым необходимо понимать системное, регулярное и позитивно преобразующее влияние государства на криминологические угрозы с целью сведения их к возможному минимуму [2, с. 130; 11, с. 105].

Основными способами воздействия на криминологические угрозы является борьба, противодействие, уничтожение, локализация и нейтрализация.

Понятие «борьба с криминологическими угрозами» означает осуществление действий, направленных как на снижение уровня таких угроз, так и на уменьшение их социальной опасности, т. е. уменьшение вреда, причиняемого криминологическими угрозами.

Термин «противодействие криминологическим угрозам» схож с понятием «борьба с криминологическими угрозами», однако их отличие заключается в том, что

конечной целью борьбы является победа над угрозами, а цель противодействия — своевременная и соразмерная реакция на угрозы. В этой связи под противодействием криминологическим угрозам следует понимать совокупность мер, применяемых государством и направленных обнаружение криминологических угроз и прерывание их действия.

Под термином «уничтожение криминологических угроз» (или «война с угрозами») подразумевается деятельность государства и общества, ориентированная на применение различных средств, в том числе насильственного и вооруженного характера, с целью абсолютной ликвидации криминологических угроз.

Поскольку полное уничтожение криминологических угроз невозможно, в научной литературе, а также в международном и отечественном законодательстве принято использовать термины «борьба с угрозами»[1] и «противодействие угрозам»[2].

Кроме этого отечественный законодатель в отдельных нормативно-правовых актах использует такие термины, как «локализация угроз»[3] и «нейтрализация угроз»[4].

Под локализацией криминологических угроз необходимо понимать своевременные действия государства, направленные на минимизацию масштабов той или иной криминологической угрозы. В свою очередь, нейтрализация криминологических угроз предполагает восстановление условий для нормальной реализации тех или иных общественных интересов и ценностей.

В научной литературе используются также иные понятия, в частности «предупреждение угрозы». Под предупреждением криминологических угроз следует понимать применение профилактических мер, ориентированных на превенцию возникновения и развития той или иной криминологической угрозы.

На наш взгляд, все названные понятия не только не исключают, но и дополняют друг друга, раскрывая те или иные аспекты воздействия на криминологические угрозы. В этой связи понятия, затрагивающие тему противодействия криминологическим угрозам образования, следует использовать как равнозначные.

Таким образом, настоящее исследование представляет собой общий анализ понятия «система обеспечения криминологической безопасности образования». Предлагая определение данному термину, авторы раскрывают соответствующие ключевые компоненты. В статье предложены определения ряда иных терминов, в том числе раскрывается понятие противодействия угрозам криминологической безопасности образования. Особое внимание уделено основным мероприятиям, реализуемым при обеспечении криминологической безопасности образовательной среды, к которым авторы

[1] О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: в ред. Федер. закона от 18 апр. 2018 г. № 82-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[2] О Положении о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности [Электронный ресурс]: решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 10 дек. 2010 г.: доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» в локальной сети Науч. б-ки Иркут гос. ун-та.

[3] Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ: в ред. федерального закона от 29 июля 2017 г. № 244-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 30 (Ч. 1). Ст. 3579.

[4] О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: в ред. федер. закона от 31 дек. 2017 г. № 498-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.

относят создание научной базы для реализации стратегии по обеспечению криминологической безопасности образования; совершенствование нормативно-правовой базы, касающейся недопущения преступных посягательств в сфере образования; развитие сети экстренных служб по оказанию помощи нуждающимся лицам, ставшим жертвами преступного посягательства в образовательной среде; анализ и применение зарубежного опыта в защите объектов криминологической безопасности системы образования и многое другое. Научные разработки по обозначенной тематике способствуют теоретической обоснованности борьбы с криминологическими угрозами, существующими в образовательной среде и снижающими уровень криминологической защищенности образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беженцев А. А. Проблемы предупреждения беспризорности, бродяжничества, попрошайничества несовершеннолетних и пути их решения органами превенции правонарушений несовершеннолетних (исторический аспект, зарубежный опыт и современные реалии) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2010. — № 3 (47). — С. 49—56.

2. Гиниятуллина Е. З. К вопросу о понятии криминологической безопасности системы общего и среднего профессионального образования // Вопросы управления. —2015. — № 4 (35). — С. 200—206.

3. Грибунов О. П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 3 (90). — С. 125—132.

4. Кондратов А. И. Модель внешнеполитической деятельности государства: моногр. — М.: РАГС, 2010. — 272 с.

5. Маршакова Н. Н., Петров В. В. Противодействие как способ воздействия на угрозы безопасности государства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2016. — № 7. — С. 129—135.

6. Мусеибов А. Г. Взаимосвязи теории предупреждения преступлений с психологией и педагогикой // Общество и право. — 2008. — № 2. — С. 175—177.

7. Панарин И. Н. Информационная война и дипломатия. — М.: Городец, 2004. — 526 с.

8. Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А. И. Долговой. — М.: Норма; Инфра-М, 2000. — 808 с.

9. Сидорова Е. З. К вопросу о понятии криминологической угрозы в образовательных организациях // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2019. — № 1 (46). — С. 79—84.

10. Фоминых Е. С. Психологические основы виктимности студента-инвалида в условиях профессионально-образовательной среды // Вестник Вятского государственного университета. — 2011. — № 1—3. — С. 129—134.

11. Свистильников А. Б., Чиненов А. В. К вопросу обеспечения безопасности кредитно-финансовой системы России от фальшивомонетничества // Вестник НЦБЖД. — 2017. — № 4 (34). — С. 103—108.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bezhencev A. A. Problems of prevention of homelessness, vagrancy, begging of minors and ways of their solution by bodies of prevention of offenses of minors (historical aspect, foreign experience and modern realities) / / Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 3 (47). P. 49—56.

2. Giniyatullina E. Z. On the concept of criminological security of the system of General and secondary vocational education // Management Issue. 2015. No. 4 (35). P. 200—206.

3. Gribunov O. P. The Use of special knowledge in solving thefts of motor vehicles // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 2019. No. 3 (90). P. 125—132.

4. Kondratov A. I. Model of foreign policy activity of the state: monograph. Moscow: RAGS, 2010. 272 p.

5. Marshakova N. N., Petrov V. V. Counteraction as a way to influence threats to the security of the state // Gaps in Russian Legislation. Legal Journal. 2016. No. 7. P. 129—135.

6. Museibov A. G. Interrelations of the theory of crime prevention with psychology and pedagogy // Society and Law. 2008. No. 2. P. 175—177.

7. Panarin I. N. Information war and diplomacy. Moscow: Gorodets, 2004. 526 p.

8. Russian criminological encyclopedia / edited by A. I. Dolgova. Moscow: "Norma", "Infra-M", 2000. 808 p.

9. Sidorova E. Z. On the issue of the concept of criminological threats to educational institutions // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No 1 (46). Pp. 79—84.

10. Fominyh E. S. Psychological bases of victimization of a disabled student in the conditions of professional and educational environment // Vestnik Vyatka State University. 2011. No 1—3. P. 129—134.

11. Svistilnikov A. B., Chinenov A. V. On the issue of ensuring the security of the credit and financial system of Russia from counterfeiting // Bulletin of the NATIONAL Railways. 2017. No 4 (34). P. 103-108.

УДК: 343.13
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10057

Гаврилов Борис Яковлевич
профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Gavrilov Boris Yakovlevich
professor, Department of Management of Crime Investigation Agencies, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОМПЛЕКСА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Введение: в статье рассматриваются проблемы современного состояния и предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства в борьбе с преступностью. На основе статистических данных о состоянии преступности и судебно-правовой статистики о результатах рассмотрения судами уголовных дел об отдельных видах коррупционных преступлений, результатов исследования означенной проблемы другими российскими учеными показано, что рассматриваемые проблемы вызывают как научный, так и прикладной интерес. В публикации рассмотрены причины и условия значительного снижения за два последних десятилетия эффективности деятельности правоохранительных и судебных органов в реализации назначения уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, нормативные правовые акты, регламентирующие результаты деятельности правоохранительных органов и суда, а также ранее проведенные специалистами исследования в области уголовного права и криминологии, уголовного процесса. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили уточнить и обобщить отдельные положения, касающиеся эффективности действия уголовно-правовых норм в борьбе с преступностью, а также вопросы судейского усмотрения при назначении наказания за отдельные виды коррупционных преступлений.

Выводы и заключения: проанализированные материалы, приведенные в статье статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации, мнения ученых в области уголовно-правовых проблем позволяют автору утверждать о реальной, а не мифической необходимости совершенствования законодательства и прогнозировать эффективность предлагаемых правовых и организационных мер по созданию уголовно-правового и уголовно-процессуального механизма повышения результативности деятельности правоохранительных и судебных органов в преодолении нередко негативной оценки их деятельности со стороны как граждан и государства, так и в целом российского общества.

Ключевые слова: преступность, эффективность уголовно-правовых норм, коррупционные преступления, назначение наказания.

RUSSIAN LEGISLATION OF CRIMINAL AND LEGAL COMPLEX: MODERN CONDITION AND WAYS OF DEVELOPMENT

Introduction: the article considers the problems of the current state and proposals for improving the Russian criminal law in the fight against crime. Based on statistical data on the state of crime and judicial and legal statistics on the results of court trials of criminal cases on certain types of corruption crimes, the results of a study of the aforementioned problem by other Russian scientists, it is shown that the problems under consideration cause both scientific and applied interests. The publication considers the reasons and conditions for a significant decrease in the effectiveness of the activities of law enforcement and judicial bodies in the implementation of the purpose of criminal proceedings over the past two decades.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation, regulatory legal acts regulating the results of the activities of law enforcement bodies and the court, as well as previously conducted research by experts in the field of criminal law and criminology, criminal procedure. The methodological basis of the study was the general dialectic method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: allowed to clarify and generalize certain provisions regarding the effectiveness of criminal law in the fight against crime and its individual types, as well as judicial discretion in sentencing certain types of corruption crimes.

Findings and Conclusions: the analyzed materials, the statistical data on the state of crime in the Russian Federation, the opinions of scientists in the field of criminal law issues allow the author to argue about the real, rather than mythical, need to improve legislation and predict the effectiveness of the proposed legal and organizational measures to create criminal — a legal and criminal procedure mechanism for increasing the effectiveness of law

enforcement and judicial bodies in overcoming the often negative assessment of their activities by both citizens and the state, and in the whole of Russian society.

Keywords: crime, the effectiveness of criminal law, corruption crimes, sentencing.

Исследуя современные проблемы уголовно-правового законодательства в борьбе с преступностью, автор настоящей публикации исходит из того, что на протяжении двух последних десятилетий уголовно-правовая политика характеризовалась тем, что российский законодатель:

во-первых, реагируя на возникающие в правоприменительной практике борьбы с преступностью проблемы, принимал соответствующие законы, примером чего является разработанный с непосредственным участием автора законопроект, ставший Федеральным законом от 29.07.2018 № 229-ФЗ, которым предусмотрена ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам (ст. 215^3 УК РФ), в результате совершения которых государству ежегодно причинялся многомиллиардный ущерб;

во-вторых, отвечая на запросы общественного мнения (уголовное дело майора полиции Песьякова), законодатель одновременно пошел «на поводу» развернувшейся, главным образом, в средствах массой информации полемики о необходимости усиления уголовной ответственности в случае совершения преступления сотрудниками органов внутренних дел, предусмотрев в качестве отягчающего обстоятельства совершение ими умышленного преступления, чем ввел в российский уголовный закон фактически специальный вид уголовной ответственности, что нарушает его логику и свидетельствует о проявлении законодателем явного волюнтаризма. Это вызвало крайне негативную реакцию не только среди сотрудников системы МВД России, но и многих российских ученых, представляющих уголовно-правовую науку. Так, А. В. Елинский отмечает: «Осторожность требуется в вопросе установления отягчающих наказание обстоятельств. Например, едва ли отвечает критерию справедливости введение Федеральным законом от 22 июля 2010 года № 155-ФЗ в статью 63 УК РФ п. «о» ч. 1, предусматривающего такое отягчающее обстоятельство, как совершение преступления сотрудником органа внутренних дел. Федеральный законодатель действительно вправе устанавливать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления отдельными категориями граждан, наделенных специальными полномочиями, усиливающими их криминальную опасность. Однако в этом случае, исходя из конституционного принципа равенства и справедливости, следует признать отягчающим обстоятельством совершение преступления не только сотрудником органов внутренних дел, но и сотрудниками других правоохранительных органов, которые наделены схожим правовым статусом, в частности имеют право на хранение и ношение огнестрельного оружия, а также выполняют функции борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» [5, с. 159—176].

Исследуя проблемы совершенствования российского законодательства уголовно-правового комплекса, автор особо выделяет период начала 2000-х гг., когда государством, например, с учетом сложившей в тот временной период криминогенной обстановки был провозглашен курс на либерализацию законодательства. Принятые законодателем по реализации данного курса меры позволили существенно (более чем в три раза) сократить число граждан, ежегодно заключавшихся под стражу по судебному решению в ходе предварительного расследования (с 450—480 тыс. аре-

стованных в 1998—1999 гг. до 120—130 тыс. в 2015—2019 гг.) [3, 208 с.]. Абсолютно обоснованным следует признать и действия законодателя по дифференциации Федеральным законом от 31.10.2002 № 133-ФЗ (его разработка и принятие было инициировано автором, в тот период заместителем начальника Следственного комитета при МВД России) уголовной ответственности за кражи чужого имущества путем снижения на один год санкции по ч. 2 ст. 158 УК РФ, что обеспечило также сокращение в два раза (с 60 % до 30 %) уровня тяжкой преступности.

Однако в последующие годы либеральные реформы государства в лице законодателя приобрели радикально-либеральный характер, о чем далее автором будет подробно написано. Эти изменения крупнейший специалист современного уголовного права Э. Ф. Побегайло охарактеризовал как кризис российской уголовной политики [7, с. 112—117].

В свою очередь, известные ученые в области криминологии А. И. Алексеев, В. С. Овчинский и Э. Ф. Побегайло [1, с. 144] в своей работе «Российская уголовная политика: преодоление кризиса» указывают, что неадекватность криминогенной обстановки в России обусловлена радикально-либеральным подходом к судебной реформе, реализуемой в соответствии с Концепцией судебной реформы в РСФСР, объявленной постановлением Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 года, и реформам уголовного и уголовно-процессуального законодательства, осуществленным на основании ряда федеральных законов, принятых в 2003—2011 гг., в том числе в части уголовно-правовых санкций, предусматривающих наказание в виде лишения свободы.

Кроме приведенных выше, автор настоящей публикации в числе причин сложившегося положения усматривает и то, что современная российская наука уголовного права:

во-первых, сама непосредственно не представляет в полной мере опасность конкретного преступления;

во-вторых, представители научного сообщества в последнее десятилетие фактически утратили возможность реально участвовать в обсуждении проектов федеральных законов перед их принятием Государственной Думой РФ, а также в осуществлении их мониторинга в правоприменительной практике, поскольку существовавшая более 10 лет при Комитете по законодательству Госдумы рабочая группа была «ликвидирована», а действующие сегодня при ее комитетах экспертные советы этими вопросами фактически не занимаются, в том числе как по причине отсутствия в них видных российских ученых уголовно-правой науки, так и в связи с недостаточной организацией их деятельности по рассмотрению вносимых в Государственную Думу законопроектов;

в-третьих, криминологическая составляющая уголовно-правовой науки нередко не располагает достоверными сведениями о степени общественной опасности конкретных преступлений, наглядным примером чего является необоснованная, по нашему мнению, декриминализация отдельных видов преступлений, включая факты нанесения побоев на «бытовой почве» (бывшая ч. 1 ст. 116 УК РФ), хищений на сумму до 2,5 тыс. руб. (бывшая ч. 1 ст. 158 УК РФ), неуплаты средств на содержание детей (бывшая ст. 157 УК РФ);

в-четвертых, к этому же явлению автор относит и радикально-либеральный подход к назначению наказания в виде лишения свободы, например, за преступления в сфере экономической деятельности, включая такие противоправные деяния, как квалифицированные виды хищений путем присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), квалифицированные виды взяточничества (ст. 290 УК РФ) и ряд других составов преступлений.

Формированию неблагоприятных тенденций в сфере уголовно-судебной политики назначения наказания способствовал ряд следующих обстоятельств.

Первый блок этих факторов обусловлен прямым последствием принятия законодателем:

Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ, которым из большинства санкций уголовно-наказуемых деяний средней тяжести и части тяжких преступлений были исключены нижние пределы уголовного наказания в виде лишения свободы, последствием чего разница между верхним и нижним пределами данного вида наказания составила до 30-ти раз;

с принятием Федерального закона от 28.12.2008 № 280-ФЗ эта разница достигла 60 раз; так, по ч. 2 ст. 201 УК РФ (преступление против интересов службы в коммерческих и иных организациях, совершенное при квалифицирующих обстоятельствах) уголовный закон предусматривает наказание от двух месяцев (минимальное — согласно ч. 2 ст. 56 УК РФ) до десяти лет лишения свободы;

но наиболее негативные последствия либерализации уголовного закона состоят, по мнению автора, в исключении законодателем нижнего предела лишения свободы еще из 68 составов уголовных правонарушений, включая ряд особо тяжких преступлений, как следствие принятия Федерального закона от 07.03.2011 № 26-ФЗ. Так, по ч. 4 ст. 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть пострадавшего) указанный разрыв составил 90 раз (от двух месяцев до 15 лет лишения свободы), а по ч. 1 ст. 356 УК РФ (Применение запрещенных средств и методов ведения войны) — 120 раз.

Столь существенные различия указанных видов уголовных наказаний способны привести при вынесении обвинительного приговора к назначению осужденному наказания, явно несоразмерного совершенному противоправному деянию и тем самым нарушению предусмотренного ст. 6 УК РФ принципа справедливости.

Одновременно изложенные выше законодательные решения содержат в себе, по нашему мнению, непосредственно коррупционную составляющую самого уголовного закона, который одной из своих задач ставит борьбу с коррупцией в российском обществе и государстве.

Однако среди публикаций на данную тему как представителей науки, так и юристов-практиков сегодня речь идет в основном о негативной криминальной обстановке, излагаются факты либерализма судей при назначении наказания, предлагаются законопроекты по усилению санкций, в том числе за преступления коррупционной направленности (А. И. Долгова [4], В. В. Лунеев [6, с. 20], П. С. Яни [9, с. 58] и др.). Утверждается, что репрессивные меры в борьбе с коррупционерами должны применяться на минимальном уровне. В свою очередь, Г. А. Сатаров считает возможным смешанной стратегии по борьбе с коррупционными преступлениями, сочетающей как либеральные меры, так и уголовные репрессии [2, с. 212].

Еще одним фактором складывающейся негативной практики назначения наказания является то, что с принятием Государственной Думой РФ Федерального закона от 16.10.2012 № 172-ФЗ значительно расширились возможности проявления коррупции непосредственно в уголовном судопроизводстве в силу положений ч. 1 ст. 73 УК РФ, предоставляющей суду право условного осуждения, в том числе за особо тяжкие преступления при назначении наказания до восьми лет лишения свободы. Достаточно типичным примером в этой части является приговор Зеленокумского городского суда Ставропольского края, согласно которому заместитель главы администрации Т. Новикова, получившая за незаконное выделение земельного участка взятку в сумме 400 тыс. руб., осуждена на семь лет лишения свободы условно и штрафу в размере 24 млн руб.

Не менее «красочным» примером является и вынесенный Мещанским районным судом г. Москвы за хищение в составе организованной группы 129 млн государственных бюджетных средств приговор режиссеру К. Серебренникову, осужденному на три года лишения свободы условно и штрафу в 800 тыс. руб.

Приведенные выше примеры судебной практики назначения уголовного наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений позволяют автору утверждать, что когда за преступления небольшой и средней тяжести назначается условное лишение свободы (в 2017—2019 гг. это наказание применялось в отношении каждого второго осужденного) или более мягкий вид наказания, чем предусмотрено санкцией уголовно-правовой нормы, то данный приговор в российском обществе и среди граждан, и среди правоприменителей воспринимается адекватно. Однако приведенные выше факты осуждения на семь лет лишения свободы условно «чиновника» или на три года лишения свободы также условно за хищение 129 млн руб. из государственного бюджета позволяют усомниться в их справедливости, хотя формально эти приговоры могут быть законными и обоснованными.

Еще одно обстоятельство, формирующее у граждан и правоприменителей негативную оценку судейскому усмотрению, заключается в сложившейся судебной практике наказания по совокупности преступлений, наглядным примером чего является обвинительный приговор Басманного районного суда г. Москвы, которым Е. осужден к шести годам лишения свободы по совокупности совершенных 25-ти эпизодов преступлений, каждый из которых органами предварительного следствия и судом были квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ, и 18-ти эпизодов преступной деятельности, квалифицируемых по ч. 2 ст. 159 УК РФ, притом, что по каждому из преступлений по ч. 4 ст. 159 УК РФ назначенное судом наказание (5 лет лишения свободы) представляется достаточно справедливым. Но когда за каждый из остальных 40 эпизодов преступной деятельности назначается наказание менее, чем 10 дней лишения свободы, то автором это воспринимается как насмешка над уголовным законом, поскольку по правилам ч. 3 ст. 69 УПК РФ наказание Е. могло быть назначено до 15 лет лишения свободы за совершение мошеннических действий в отношении более 60 граждан.

И особенно негативно воспринимается такой фактор, как распространение судейского усмотрения на назначение условного наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений в сфере экономической деятельности.

Приведенные в графике 1 данные Судебного департамента при Верховном суде РФ о числе осужденных по ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ к лишению свободы условно убедительно свидетельствуют о нарушении принципа справедливости. И особенно, если сравнивать применение статьи 73 УК РФ к осужденным по указанной выше уголовно-правовой норме чиновникам и иным должностным лицам и применению условного наказания к «обычным мошенникам» за совершение мошеннических действий по ч.ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ, санкция которых аналогична ст. 160 УК РФ (статданные приведены в графике 2), то последние к реальному лишению свободы осуждались в три раза чаще, а условное осуждение к ним судом применялось, наоборот, на треть реже, что позволяет автору усомниться в соблюдении принципа справедливости и равенства граждан перед законом.

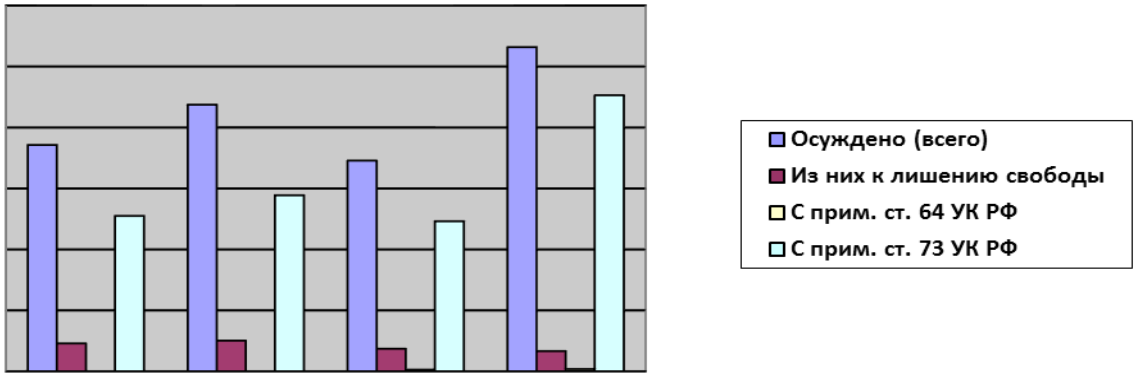

График 1

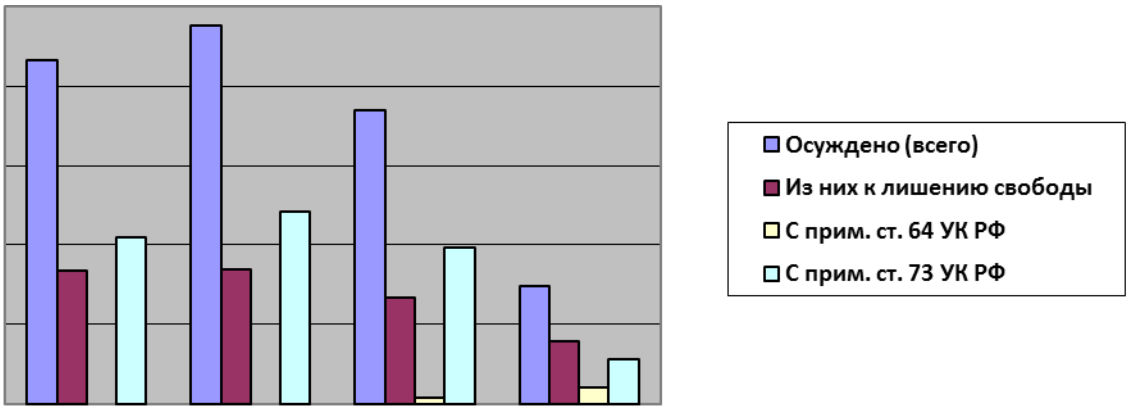

График 2

Но еще более негативная ситуация с судейским усмотрением сложилась в связи с применением ст. 73 УК РФ при назначения наказания за квалифицированные виды взяточничества (с максимальной санкцией до 15 лет лишения свободы), о чем достаточно объективно говорят статданные Судебного департамента при Верховном суде РФ (график 3), согласно которым, судами в период 2001—2011 гг. за получение

взятки при квалифицирующих обстоятельствах условно осуждалось 60—80 % подсудимых.

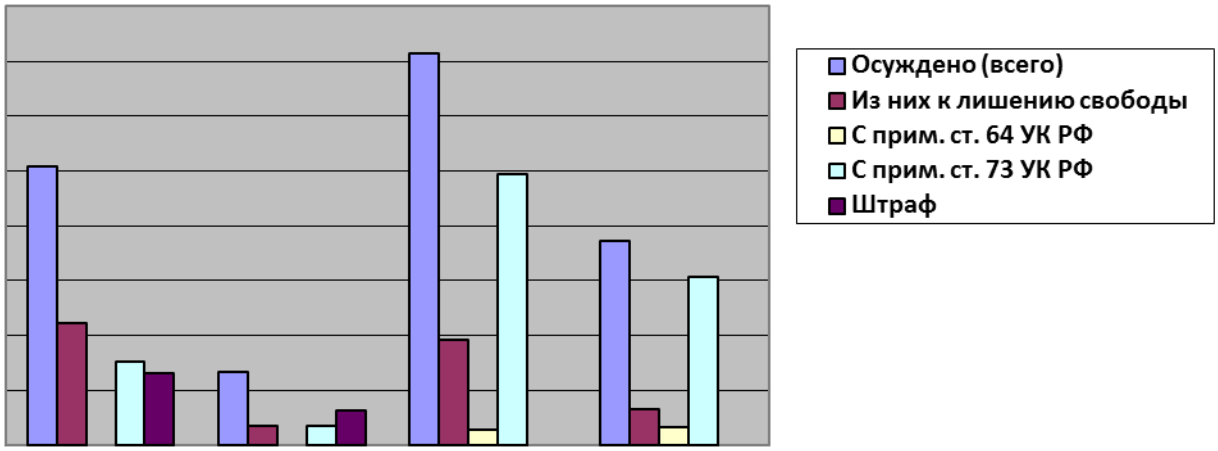

График 3

При этом снижение, начиная с 2012 г., числа условно осужденных к лишению свободы обусловлено введением штрафа, однако данная мера уголовного наказания с момента её принятия (46,5 % осужденных за 2012 г. за квалифицированные виды взяточничества) получила негативную оценку как среди представителей научного сообщества, так и среди практикующих юристов и в целом в российском обществе, о чем свидетельствует значительное (до 25,7 % в 2018 г.) сокращение данного показателя.

Изложенное выше позволяет автору настоящей публикации аргументированно утверждать о необходимости внесения изменений в ч. 2 ст. 56 УК РФ в части фактического возвращения в УК РФ нижних пределов уголовных наказаний в виде лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; в ч. 1 ст. 73 УК РФ — о возможности ее применения судами при назначении наказания не более 3—4 лет лишения свободы, а также в ст. 69 УК РФ — с целью закрепления в данной норме механизма реального назначения наказания при совокупности совершенных преступлений, что призвано обеспечить реализацию принципов справедливости и равенства граждан перед законом.

Изложенные выше предложения по борьбе с коррупцией, о которых автор неоднократно докладывал в ходе проведения круглых столов в Государственной Думе и Совете Федерации, а также на различного рода конференциях требуют законодательных решений, где весьма актуальной, по мнению академика Т. Я. Хабриевой, является проблема имплементации в российское законодательство антикоррупционных конвенций [8, с. 16—17].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. — М.: Норма, 2006. — 144 с.

2. Антикоррупционная политика: учеб. пособ. / под ред. Г. А. Сатарова. — М., 2004. — С. 212.

3. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: моногр. — М.: Проспект, 2008. — 208 с.

4. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. — М., 2003. — 572 с.

5. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 3. — С. 159—176.

6. Лунеев В. В. Коррупция в России // Государство и право. — 2007. — № 11. — С. 20.

7. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 112—117.

8. Хабриева Т. Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2011. — № 4. — С. 16—17.

9. Яни П. С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. — 2001. — № 7. — С. 58.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Alekseev A. I., Ovchinsky V. S., Pobegailo E. F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. M.: Norma, 2006. 144 p.

2. Anti-corruption policy: textbook / ed. G. A. Satarova. M., 2004. P. 212.

3. Gavrilov B. Ya. Modern criminal policy of Russia: figures and facts: monograph. M.: Prospect, 2008. 208 p.

4. Dolgova A. I. Crime, its organization and criminal society. M., 2003. 572 p.

5. Elinsky A. V. Constitutional measurement criminal law // Comparative Constitutional Review. 2012. № 3. P. 159—176.

6. Luneev VV Corruption in Russia // State and Law. 2007. No. 11. P. 20.

7. Pobegaylo E. F. The crisis of modern Russian criminal policy // Criminal Law. 2004. No. 4. P. 112—117.

8. Khabrieva T. Ya. Legal problems of the implementation of anti-corruption conventions // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2011. No. 4. P. 16—17.

9. Yani P. S. Only repression is effective in the fight against corruption // Russian Justice. 2001. No. 7. P. 58.

УДК: 343.35
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10058

Ермаков Сергей Владимирович
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Алтайского филиала РАНХиГС при
Президенте Российской Федерации
кандидат юридических наук
E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

Ermakov Sergey Vladimirovich
associate Professor of the Department
of Criminal Law, Criminal Procedure and
Criminalistics of the Altai Branch
of the RAFFSS under the President
of the Russian Federation
candidate of Law
E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТАТЬЯМ 286, 303 УК РФ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ДОПУСТИВШИХ ПРОВОКАЦИЮ

Введение: в статье представлена проблема квалификации действий сотрудников оперативных подразделений, допускающих провокацию преступлений, не относящихся к числу коррупционных.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство, содержащее составы преступлений, на основании которых возможна квалификация провокационных действий сотрудников. Для написания работы использовался диалектический метод научного познания, а также частные методы логической дедукции, индукции.

Результаты исследования: на основе анализа особенностей провокационных действий сотрудников оперативных подразделений предложена их квалификация по ст. 286 УК РФ — превышение должностных полномочий. Исследованы те типичные случаи, которые могут быть квалифицированы по данной норме.

Выводы и заключения:

Необходимо в постановлении Пленума Верховного суда РФ разъяснить правила квалификации провокационных действий сотрудников. Отдельное внимание следует уделить разъяснению последствий состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, выступающими обязательными для квалификации.

В статье на основе анализа следственной и судебной практик рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации действий сотрудников оперативных подразделений, допускающих провокацию преступления. В частности автором предлагается алгоритм применения в данных случаях ст. 286, 303 УК РФ. Автором определены признаки, наличием которых обусловленная предложенная квалификация по указанным статьям.

Ключевые слова: оперативно-розыскная провокация преступления, особенности квалификации сотрудников, допустивших провокацию по ст. 286, 303 УК РФ.

PECULIARITIES IN QUALIFICATIONS UNDER ARTICLES 286, 303 OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE OF ACTION OF OPERATIVE DEPARTMENTS EMPLOYEES, ALLOWING PROVOCATION

Introduction: the article presents the problem of qualifying the actions of employees of operational units that allow provocation of non-corruption offenses.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the criminal legislation containing the elements of crimes based on which qualification of provocative actions of employees is possible. To write the work, we used the dialectical method of scientific knowledge, as well as private methods of logical deduction, induction.

Results of the Study: based on the analysis of the features of provocative actions of employees of operational units, their qualifications according to Art. 286 of the Criminal Code is an abuse of power. We studied those typical cases that can be qualified according to this norm.

Findings and Conclusions: It is necessary in the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to clarify the rules for qualifying provocative actions of employees. Particular attention should be paid to clarifying the consequences of the offense under Art. 286 of the Criminal Code, which are mandatory for qualification.

Based on the analysis of investigative and judicial practice, the article considers the issues of criminal legal qualification of actions of employees of operational units that allow provocation of a crime. In particular, the author proposes an algorithm for the application of Art. 286, 303 of the Criminal Code. The author identified the signs, the presence of which is due to the proposed qualifications for these articles.

Keywords: operative-search provocation of a crime, features of criminal legal qualification under Art. Art. 286, 303 of the Criminal Code of the Russian Federation actions of employees of operational units that allowed provocation.

Вопрос о квалификации действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию преступления, представляет повышенную сложность. Это объясняется тем обстоятельством, что в УК РФ предусмотрена всего одна норма — провокация взятки или коммерческого подкупа либо подкупа в сфере обеспечения государственных нужд (ст. 304 УК РФ) [1, с. 53—61]. Действие данной нормы ограничено коррупционными преступлениями и не распространяется на иные составы. Вместе с тем провокация со стороны сотрудников может иметь место и по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, и по преступлениям в сфере экономической деятельности, незаконного оборота оружия и т. д. Отдельной нормы, позволяющей квалифицировать такие действия сотрудников, в УК РФ не содержится.

Однако это нельзя признать законодательным пробелом, поскольку уголовный закон предусматривает достаточный арсенал составов преступлений, позволяющий осуществить уголовное преследование.

Соответственно, основная задача уголовно-правовой науки — предложить правоприменительной практике правила квалификации провокационных действий.

В теории уголовного права было высказано предложение о квалификации провокации преступления, совершенной должностным лицом правоохранительных или контролирующих органов с целью получения изобличающих доказательств, по ст. 286 УК РФ [5, с. 109].

В. Н. Борков, поддерживая такую квалификацию отмечает, что «установление того обстоятельства, что сотрудники правоохранительных органов, допустившие в отношении должностного лица провокационно-подстрекательские действия, явно вышли за пределы полномочий, предоставленных им Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», для квалификации содеянного по ст. 286 УК РФ недостаточно. Обязательным признаком должностного превышения является существенный вред законным интересам личности, общества, государства. Констатацией того, что провокационными действиями подорван авторитет правоохранительных органов и нарушены интересы общества, в данном случае ограничиваться нельзя, так как у преступления есть конкретный потерпевший — спровоцированное должностное лицо» [4, с. 19].

По нашему мнению, квалификация должностных лиц, допустивших провокацию по ст. 286 УК РФ, является верной по следующим соображениям:

1. Сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие провокацию, посягают на нормальное функционирование органов власти, что соответствует непосредственному объекту преступлений, закрепленных в главе 30 УК РФ (в число которых и входит ст. 286 УК РФ);

2. Провокационные действия относятся к числу тех, которые никто не вправе совершать и, следовательно, явно выходят за пределы предоставленных сотрудникам полномочий.

3. Провокация затрагивает права и интересы граждан, общества и государства, причиняя последним существенный вред. Соответственно, последствия, необходимые для квалификации деяния по ст. 286 УК РФ и признания преступления оконченным, также имеют место.

4. Действия совершаются сотрудниками с прямым умыслом, с разнообразными мотивами и целями как личного характера, так и связанными со стремлением раскрыть преступление, способствовать противодействию преступности и т. д.

5. В большинстве случаев провокация проявляется в действиях специальных субъектов — сотрудников органов внутренних дел, которые выполняют функции представителя власти и являются должностными лицами [6, с. 137—140].

Приведенные особенности провокационных деяний позволяют выделить те возможные ситуации, при которых квалификация будет осуществляться по составу превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ):

— осуществление провокационных действий по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, при их совершении должностными лицами, при условии наличия преступных последствий;

— выполнение провокационных действий по коррупционным преступлениям, при отсутствии отдельных признаков состава, предусмотренного ст. 304 УК РФ (например, при отсутствии цели).

Однако в случае провокации частными лицами подобная квалификация невозможна. Именно поэтому в научной литературе такие случаи, несмотря на очевидную опасность содеянного, именуются пробелами в праве [5, с. 105].

Кроме того, необходимо иметь в виду, что применение состава превышения должностных полномочий возможно только в том случае, если провокационные действия существенно нарушили права и законные интересы граждан, интересы общества или государства.

Указанное последствие является оценочным, т. е. зависит от усмотрения суда и обстоятельств совершения преступления [2, с. 29].

Хотя отдельные положения содержатся в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». В частности, в данном документе понятие существенности определяется посредством указания на конституционные права с учетом конкретных негативных изменений общественной жизни (тяжесть вреда, количество потерпевших и т. д. [7].

Что касается такого понятия, как нарушения законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий, то постановление определяет, что нарушения законных интересов граждан или организаций — это создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества) [7].

Проведенный анализ толкования Верховного суда позволяет сделать несколько выводов: 1) оценочная категория существенности по своей сути является количественной, определяемой исходя из размера последствий, числа потерпевших и т. д. [2, с. 77—78]; 2) варианты преступных последствий ст. 286 УК РФ представлены в виде открытого перечня; 3) необходимо различать понятия права и интересы.

Научная общественность, помимо цитирования приведенных положений постановления, предлагает расширить указанное толкование.

Так, Е. В. Царев полагает, что это только неимущественный вред: а) моральный вред, примерный денежный эквивалент которого превышает 100 тыс. руб.; б) нарушение конституционных прав, свобод и закрепленных в Конституции РФ интересов граждан или организаций; в) причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью; д) утрата оружия, боеприпасов или предметов военной техники и т. п. [10, с. 35].

Позволим себе не согласиться с подобным ограничением, поскольку имущественный вред также может иметь характеристику существенности.

Б. Т. Разгильдиев к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций относит преступные последствия в виде причиненного

ущерба свободе, чести и достоинству личности, её правам и свободам, собственности и т. д. [8, с. 397].

Не оспаривая представленные точки зрения, отметим, что закрепленные в ст. 286 УК РФ преступные последствия характеризуются сложным содержанием и требует особой процедуры своего установления.

В связи с этим считаем необходимым при определении рассматриваемого оценочного понятия руководствоваться следующим алгоритмом:

1. Определить какие законные права или законные интересы граждан, общества или государства нарушены.

2. Оценить данные нарушения с точки зрения количественной составляющей их существенности. При этом следует руководствоваться этимологическим значением термина «существенный», означающий «сущность или касающийся сущности, существа чего-либо; важный, значительный» [9, с. 461].

Анализ судебной практики Ленинского и Октябрьского районных судов г. Барнаула показывает, что под такими последствиями в своей основе понимается нарушение конституционных прав и свобод человека, таких как: право на жизнь, свободу, неприкосновенность, выборов свободу мысли и слова. При этом в большинстве приговоров суды ограничиваются «шаблонным» определением, не наполняя его содержанием из материалов уголовного дела. Это проявляется в том, что суды цитируют положения уголовного закона, не применяя его содержание к конкретной ситуации. А в ряде случаев указывают на такие права, которые не имеют никакого отношения к Конституции РФ (например, право на тепло).

Полагаем, такое положение следует признать неудовлетворительным, свидетельствующим о признаках объективного вменения. Установление преступных последствий требует более тщательного установления в материалах уголовного дела, а также подробного описания в приговоре суда. Как и другие оценочные категории, рассматриваемое понятие зависит от субъективного усмотрения правоприменителя и обстоятельств конкретного дела.

От провокации необходимо отличать ситуации создания «ложного факта совершения преступления», когда лицо не просто склоняет, побуждает к совершению преступления, а помимо этого осуществляет активные действия, фальсифицирующие факт совершения преступления. Например, сотрудник правоохранительного органа подбрасывает лицу наркотические средства либо оружие.

Отдельными учеными предлагается отождествлять данные примеры с провокацией преступления. В обосновании приводятся следующие доводы: такие действия сотрудников совершаются без волеизъявления лица; сотрудниками искусственно воссоздается модель преступления.

Позволим себе не согласиться с данным мнением, поскольку отличительная особенность провокационных действий заключается в возбуждении у лица желания к совершению преступления. В тех же случаях, когда речь идет о «подбрасывании» запрещенных предметов, виновное лицо лишь самостоятельно создает факт искусственного совершения преступления, а не склоняет потерпевшего к совершению кон-

кретного преступления. Следовательно, правовая природа таких действий ничего общего с провокацией преступления не имеет.

Однако представленный вывод не снимает вопроса о правильной квалификации действий по искусственному созданию факта совершения преступления.

Правоприменительные органы такие ситуации чаще всего квалифицируют как сбыт или покушение на сбыт. Еще одним вариантом квалификации, предложенным судебной практикой, выступает ст. 306 УК РФ — заведомо ложный донос.

Например, действия Б. и Г., подкинувших наркотики в автомобиль потерпевшего, были квалифицированы по ч. 3 ст. 306 УК РФ как заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения[1].

По нашему мнению, такую квалификацию нельзя признать верной по следующим соображениям. Во-первых, согласно теории квалификации преступления, основным элементом, направляющим выбор статьи Особенной части УК РФ, выступает объект преступления, т. е. те общественные отношения, на которые происходит преступное посягательство. Учитывая, что сотрудники правоохранительных органов, осуществляя «подбрасывание» запрещенных предметов, посягают на интересы правосудия и его нормальное (законное) осуществление, квалификация данных действий должна осуществляться по нормам главы 31 УК РФ (в свою очередь, по этим основаниям квалификацию по ст. 228 и 222 УК РФ нельзя признать верной). Во-вторых, при квалификации преступления необходимо проанализировать иные элементы состава преступления и из всех норм Особенной части УК РФ выбрать тот состав, который наиболее полно включает в себя данные признаки.

Принимая во внимание тот факт, что «подбрасывание» запрещенных предметов производится с целью искусственного создания доказательств совершения преступления, считаем, что наиболее полно отражает такие обстоятельства состав фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ), предполагающий создание несуществующих доказательств совершения преступления.

Проведенное исследование позволяет выявить правила квалификации провокационных действий, основанные на следующих основаниях:

— направленность преступного деяния на причинение вреда определенным общественным отношениям;

— содержание провокационного действия;

— характеристика состава преступления, а именно его объективные и субъективные признаки.

Применяя данные основания, предлагаем следующие варианты квалификации:

1. Квалификация по ст. 286 УК РФ — «Превышение должностных полномочий» — применяется только при осуществлении провокационных действий долж-

[1] Росправосудие. Ростовская область: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — URL: https://rospravosudie.com/region-rostovskaya-oblast-s/vidpr-ugolovnoe/ (дата обращения: 21.05.2019).

ностными лицами, при причинении преступных последствий (существенного нарушения) либо при провокационных действиях по составам взяточничества, при отсутствии отдельных признаков состава, предусмотренного ст. 304 УК РФ.

Необходимо иметь в виду, что применение состава превышения должностных полномочий возможно только в том случае, если провокационные действия существенно нарушили права и законные интересы граждан, интересы общества или государства.

2. Квалификация по ст. 303 УК РФ имеет место при «подбрасывании» предметов сотрудниками правоохранительных органов с целью искусственного создания доказательств совершения преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ермаков С. В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 2 (89). — С. 53—61.

2. Ермакова О. В. Проблемы толкования момента окончания преступления в правоприменительной деятельности: учеб. пособ. / О. В. Ермакова. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. — 62 с.

3. Ермакова О. В. Вопросы квалификации должностных преступлений // Алтайский юридический вестник. — 2015. — № 1 (9). — С. 77—78.

4. Борков В. Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. — 2015. — № 1.

5. Забелов А. Ю. Провокация преступления как составная часть института соучастия // Современное право. — 2017. — № 4. — С. 104—109.

6. Клещев С. Е., Закиров Т. М. Современные подходы к трактовке института «провокация взятки» // Вестник Самарского юридического института. — 2019. — № 4 (35). — С. 137—140.

7. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 12.

8. Разгильдиев Б. Т., Красиков А. Н. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. — Саратов: СЮИ МВД России, 1999. — 397 с.

9. Словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова. — М.: Знание, 1990. — 1046 с.

10. Царев Е. В. Уголовное законодательство об ответственности за халат-ность: история, современность, перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. — 252 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ermakov S. V. Issues of criminal-legal qualification under article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation of actions of employees of operational units who admitted provocation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (89). P. 53—61.

2. Ermakova O. V. Problems of interpretation of the moment of the end of a crime in law enforcement: textbook / O. V. Ermakova. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 62 p.

3. Ermakova O. V. Questions of qualification of malfeasance // Altai Legal Bulletin. 2015. No. 1 (9). P. 77—78.

4. Borkov V. N. Qualification of provocative and inflammatory actions of law enforcement officers // Criminal Law. 2015. No. 1.

5. Zabelov A. Yu. Crime provocation as an integral part of the institution of complicity // Modern Law. 2017. No. 4. P. 104-109.

6. Kleschev S. E., Zakirov T. M. Modern approaches to the interpretation of the institution of "bribe provocation" // Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. No. 4 (35). P. 137—140.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. No. 12.

8. Razgildiev B. T., Krasikov A. N. Criminal law of the Russian Federation. The special part. Saratov: SUI MIA of Russia, 1999. 397 p.

9. Dictionary of the Russian language / Ed. S. I. Ozhegova. M.: Knowledge, 1990. 1046 p.

10. Tsarev E. V. Criminal legislation on liability for negligence: history, modernity, development prospects: the thesis of the Candidate of Law. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 252 p.

УДК: 343.773
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10059

Зарубин Андрей Викторович
доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Sarubin1@yandex.ru

Sarubin Andrey Viktorovich
associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: Sarubin1@yandex.ru

Федышина Полина Викторовна
старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: effo@yandex.ru

Fedyshina Polina Viktorovna
senior Lecturer, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation
E-mail: effo@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРИ УНИЧТОЖЕНИИ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИИ ЛЕСНЫХ И ИНЫХ НАСАЖДЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Введение: в статье рассматриваются некоторые вопросы уголовно-правовой оценки уничтожения и повреждения лесных насаждений, совершённых в результате воздействия источника повышенной опасности, в уголовном законодательстве других государств.

Исследованы особенности определения признаков исследуемого способа совершения преступления в уголовном законодательстве зарубежных государств. Особое внимание в статье обращается на уголовное законодательство зарубежных государств — бывших республик СССР.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство России, Проанализировано уголовное законодательство Азербайджанской Республики, Аргентинской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Болгария, Федеративной Республики Германии, Республики Казахстан, Китайской Народной Рес-

публики, Королевства Испания, Республики Туркменистан, Турецкой Республики, Республики Узбекистан, Швейцарской Конфедерации, Эстонской Республики.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в процессе анализа и обобщения статистических данных о состоянии охраны и воспроизводства лесных ресурсов, материалы международных нормативных актов, посвященных охране лесных ресурсов, а также уголовное законодательство России и зарубежных государств.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили с учетом изучения опыта уголовного законодательства других государств уточнить отдельные положения, относящиеся к признакам уничтожения и повреждения лесных и иных насаждений, совершенных в результате воздействия источника повышенной опасности, раскрыть содержание и практическое значение определения признаков источника повышенной опасности при совершении уничтожения и повреждения лесных и иных насаждений.

Выводы и заключения: проанализированные особенности определения признаков уничтожения и повреждения лесных насаждений, совершённых в результате воздействия источника повышенной опасности, позволило сделать вывод о том, что опыт уголовного законодательства зарубежных государств может быть использован как для совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, так и для совершенствования практики применения статьи 261 УК РФ в части определения признаков уничтожения и повреждения лесных и иных насаждений в результате воздействия источника повышенной опасности.

Ключевые слова: экологические преступления, лесные насаждения, уничтожение и повреждение лесных насаждений, общеопасный способ, источник повышенной опасности.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF A SOURCE OF INCREASED DANGER IN THE DESTRUCTION OR DAMAGE OF FOREST AND OTHER PLANTINGS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN STATES

Introduction: The article deals with some issues of criminal law assessment of destruction and damage to forest stands committed as a result of exposure to a source of increased danger in the criminal legislation of other States.

The features of determining the characteristics of the investigated method of committing a crime in the criminal legislation of foreign countries are studied. Special attention is paid to the criminal legislation of foreign States-former republics of the USSR.

Materials and Methods: the normative basis of the research constitute the Constitution of the Russian Federation, the criminal legislation of Russia, Analyzed the criminal leg-

islation of the Azerbaijan Republic, the Argentine Republic, the Republic of Armenia, Republic of Belarus, Republic of Bulgaria, the Federal Republic of Germany, the Republic of Kazakhstan, people's Republic of China, the Kingdom of Spain, the Republic of Turkmenistan, the Turkish Republic of Uzbekistan, the Swiss Confederation, the Republic of Estonia.

The empirical base of the research was the data obtained in the process of analyzing and summarizing statistical data on the state of protection and reproduction of forest resources, materials of international normative acts on the protection of forest resources, as well as the criminal legislation of Russia and foreign countries.

The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: The study allowed for considering the learning experience of the criminal law of other States to clarify certain provisions pertaining to signs of destruction and damage of forest and other plantations committed in the result of exposure to a source of increased danger, to disclose the content and practical value of determining the characteristics of the source of danger with committing destruction and damage of forest and other plantations.

Findings and Conclusions: the features of the signs of destruction and damage of forest stands committed as a result of the impact of the source of danger, allowed us to conclude that the criminal experience of the criminal legislation of foreign countries can be used for improving the criminal legislation of the Russian Federation and the improvement of practice of application of article 261 of the Criminal Code, in determining the signs of destruction and damage of forest and other plantations in the impact of source of increased danger

Keywords: ecological crimes, forest stands, destruction and damage of forest stands, generally dangerous method, source of increased danger.

Проблема правового обеспечения экологической безопасности в настоящее время является актуальной во всем мире.

Реализуя полномочия по уголовно-правовой охране флоры как составной части деятельности по обеспечению охраны окружающей среды и экологической безопасности, Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в рамках многосторонних конвенций и соглашений, международных организаций, а также двусторонних договоров и соглашений со странами СНГ, ближнего и дальнего зарубежья [7, с. 17—18].

Критически важной для нашей страны сегодня является охрана и воспроизводство лесных ресурсов. Мы согласны с мнением Е. Н. Бархатовой о том, что, «несмотря на незначительную долю преступлений в сфере лесопользования (всего 1 %) в общей структуре преступности, для ряда субъектов Российской Федерации они представляют серьезную проблему, потому как именно в этих регионах находятся основные запасы леса, представляющие ценность для государства в целом» [3, с. 12].

По данным космической съёмки, за последние 20 лет в среднем в России огонь проходит 10 млн га лесов ежегодно, в отдельные годы — до 18 млн га (в 2019 г. — 16,5 млн га). В год из-за пожаров полностью погибает не менее 3 млн га лесов, что в три раза больше, чем площадь лесов, ежегодно используемых для заготовки древесины[1].

Высокая значимость сохранения и преумножения лесных ресурсов подчеркивается в п. d ст. 4 Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, принятой Нью-Йорке, 9 мая 1992 г., где, в частности, указано, что государства должны оказывать содействие рациональному использованию поглотителей и накопителей всех парниковых газов, включая леса, а также, в соответствующих случаях, оказывают содействие и сотрудничают в их охране и повышении их качества[2].

Проблемы лесных пожаров, как и вопросы правовой охраны лесов, остро стоят во всем мире. Так, ежегодно лесные пожары в США охватывают в два раза большую, а в Канаде в три раза большую территорию, чем в Российской Федерации [1, с. 10].

При этом статистика практически не учитывает, что уничтожение или повреждение леса происходит не только в результате пожаров, но и путем затопления, засорения, загрязнения почвы и в результате негативного воздействия иных источников повышенной опасности.

До настоящего времени в науке уголовного права и правоприменении не сформировано единого подхода к правовой оценке опасности уничтожения или повреждения лесных ресурсов общеопасным способом. Некоторую помощь в определении признаков уничтожения лесных насаждений общеопасным способом или путем воздействия иных источников повышенной опасности может оказать исследование уголовного законодательства зарубежных государств.

В настоящее время лесные ресурсы являются самостоятельным предметом уголовно-правовой охраны практически во всех зарубежных государствах. Лишь в некоторых зарубежных странах уголовная ответственность за уничтожение леса не выделена в отдельную главу.

Так, например, в п. «б» ч. 2 ст. 186 УК Аргентины предусмотрена ответственность за пожар или разрушение любым другим способом лесов, виноградников, оливковых рощ, плантаций сахарного тростника, хлопчатника, посадок кустов матэ либо любых других используемых посадок[3]. В седьмом разделе «Общеопасные преступления и проступки» Уголовного кодекса Швейцарии лес также не выделяется в качестве самостоятельного предмета преступления[4].

При этом уголовная ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений предусмотрена в главах о преступлениях против окружающей среды,

[1] Лесные пожары [Электронный ресурс]. URL: https://wwf.ru/about/positions/lesnye-pozhary (дата обращения: 15.08.2020).

[2] Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 г.) // СЗ РФ. 1996. № 46. Ст. 5204.

[3] Российский правовой портал [Электронный ресурс]. URL: https://constitutions.ru/?p=5847 (дата обращения: 15.08.2020).

[4] Уголовный кодекс Швейцарии / пер с нем. А. В. Серебренниковой. М.: Изд-во «Зерцало». 2000. С. 76.

в сходных с УК РФ. К ним, например, относятся: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики[1], Уголовный кодекс Республики Армения[2], Уголовный кодекс Республики Беларусь [9, с. 611], Уголовный кодекс Республики Казахстан[3], Уголовный кодекс Республики Узбекистан[4].

Несмотря на очевидную необходимость дифференциации уголовной ответственности за посягательства на лесные насаждения в зависимости от способа совершения преступления в законодательстве некоторых зарубежных государств такая дифференциация отсутствует. Например, способ уничтожения или повреждения лесных насаждений не указан в ст. 236 УК Болгарии[5], УК Эстонии [11, с. 66].

Необходимо подчеркнуть, что в значительной части уголовных кодексов зарубежных государств в качестве способа совершения преступления указаны те же или сходные способы уничтожения и повреждения лесных насаждений, что и в УК РФ: уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности (ч. 1 ст. 261 УК РФ) или путем поджога, иным общеопасным способом либо в результате загрязнения или иного негативного воздействия (ч. 3 ст. 261 УК РФ). В науке уголовного права подобный подход к описанию признаков совершения преступления был обоснованно подвергнут критике [10, с. 210].

Однако имеются и некоторые различия в законодательном описании способа совершения преступления. Например, в отличие от диспозиции ч. 3 ст. 261 УК РФ в ст. 297 Уголовного кодекса Республики Армения указывается также на использование при совершении преступления взрывчатых веществ или иного источника повышенной опасности[6].

По мнению Л. Г. Овсепян, выделение в ст. 297 УК Армении в качестве способа совершения преступления неосторожного обращения с взрывчатыми веществами также неосторожного обращения с источниками повышенной опасности вызывает сомнение, т. к. последнее понятие полностью охватывает и взрывчатые вещества [5, с. 11]. В ст. 276 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена ответственность за уничтожение либо повреждение леса или древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, в результате неосторожного обращения с огнем, несоблюдения правил производства взрывных работ, нарушения правил экс-

[1] Уголовный кодекс Азербайджанской республики [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#pos=1781;-229 (дата обращения: 15.08.2020).

[2] Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://refdb.ru/look/1108043-pall.html (дата обращения: 15.08.2020).

[3] Уголовный кодекс Республики Казахстан. Алматы: ЮРИСТ, 2016. С. 145.

[4] Уголовный кодекс Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110#pos=1826;-96 (дата обращения: 15.08.2020).

[5] Уголовный кодекс Республики Болгария / перевод Д. В. Милушева, А. И. Лукашова; науч. ред. А. И. Лукашова. Вступ. статья Й. И. Айдарова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 177.

[6] Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://refdb.ru/look/1108043-pall.html (дата обращения: 15.08.2020).

плуатации иных источников повышенной опасности, нарушения порядка заготовки и вывозки древесины, правил рубок леса, иных правил лесопользования [9, с. 611].

В уголовном праве Республики Туркменистан к источникам повышенной опасности отнесены транспортные средства, электрооборудование, легковоспламеняющиеся, взрывчатые вещества и т. д. [8, с. 610].

Кроме этого в качестве иных источников повышенной опасности в ст. 114 УК КНР (преступления против общественной безопасности) указаны: затопление, отравление или иными опасными способами нанесение ущерба лесам [2, с. 284].

УК Германии в § 306f в числе источников повышенной опасности называет, прежде всего, пожар, обращая внимание на источник пожароопасности: в результате курения, использования открытого огня или света, выброса горящих или тлеющих предметов или другим способом[1].

По мнению А. А. Лачина в качестве источников повышенной опасности может также выступать ведение хозяйственной деятельности с нарушением правил охраны окружающей среды [4, с. 135].

В уголовном законодательстве зарубежных государств составы преступлений уничтожения или повреждения лесных насаждений сформулированы как материальные. Представляется, что такая формулировка момента окончания преступления выглядит логичной, поскольку позволяет разграничить преступления от смежных с ними административных правонарушений. Исключение составляют, например, § 306f УК Германии[2], ст. 354 УК Испании[3].

Субъективная сторона составов преступлений об ответственности за преступления, сходные с уничтожением или повреждением лесных насаждений с учетом способов совершения преступления характеризуется виной как в форме умысла, так и в форме неосторожности [6, с. 23]. В тех случаях, когда уничтожение или повреждение лесных насаждений совершается умышленно, мотивы совершения преступления могут быть различными.

При этом необходимо обратить внимание на то, что термин «общеопасный способ» и сходные с ним термины применительно к уничтожению лесных и иных насаждений применяется как в российском уголовном законодательстве, так и в зарубежном уголовном законодательстве при совершении умышленных преступлений. При совершении неосторожного уничтожения или повреждения лесных или иных насаждений применяется термин «источник повышенной опасности» и близкие по значению термины.

В отличие от диспозиции ст. 261 УК РФ, в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств присутствуют отдельные статьи, предусматривающие ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение лесных насаждений и за умышленное совершение подобных преступлений. Например, в ст. 155.1 УК Эстонии установлена ответственность за умышленное уничтожение или повреждение

[1] Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. А. В. Серебренниковой. М.: Изд-во «Зерцало», 2000. С. 170—171.

[2] Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. А. В. Серебренниковой. М., 2000. С. 170—171.

[3] Уголовный кодекс Испании / перевод с исп. В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. М.: Изд-во «Зерцало», 1998. С. 113.

леса, группы деревьев или кустарников. Статья 155.2 УК Эстонии предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение леса, группы деревьев или кустарников по неосторожности[1].

Кроме уничтожения или повреждения лесных насаждений в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств установлена ответственность за другие преступления, посягающие на лесные и иные насаждения. Так, в ч. 1 ст. 275 Уголовного кодекса Республики Беларусь установлена ответственность за загрязнение леса, среды произрастания древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, отходами или сточными водами либо иным способом, повлёкшее умышленное или по неосторожности причинение ущерба в крупном размере [9, с. 609].

Положительно, по нашему мнению, следует оценить и установление в ст. 270 УК Белоруссии ответственности за уничтожение либо повреждение торфяников в результате неосторожного обращения с огнем или другими источниками повышенной опасности, повлёкшее причинение ущерба в особо крупном размере [9, с. 599].

В ст. 380 УК Турции предусмотрена ответственность для лица, спрятавшего, разломавшего или приведшего в негодность инструменты, оборудование и средства, используемые при тушении пожаров или ликвидации иных катастроф, с целью создания препятствий для тушения пожаров, защиты от затоплений и кораблекрушений[2].

Таким образом, в настоящее время в уголовном законодательстве зарубежных государств отсутствует единство в оценке и содержании общеопасного способа уничтожения лесных и иных насаждений.

Изложение уголовного законодательства зарубежных государств об ответственности за преступления, посягающие на лесные и иные насаждения, носит казуистичный характер и не охватывает всего круга общественно опасных деяний.

В уголовном законодательстве зарубежных государств составы преступлений об ответственности за преступления, сходные с уничтожением и повреждением лесных насаждений, сформулированы как формально-материальные в зависимости от наличия в них конструктивных признаков.

Субъективная сторона исследуемых преступлений в уголовном законодательстве зарубежных государств характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины. Термин «общеопасный способ» и сходные с ним термины применительно к уничтожению лесных и иных насаждений применяется как в российском уголовном законодательстве, так и в зарубежном при совершении умышленных преступлений.

Для предотвращения уничтожения либо повреждения торфяников, а также иной древесно-кустарниковой растительности в результате неосторожного обращения с огнем или другими источниками повышенной опасности предлагается установить

[1] Пенитенциарный кодекс Эстонии [Электронный ресурс]. URL: http://infosila.ee/-main/1398-zakonodatelstvo-estonii-na-russkom-yazyke.html (дата обращения: 15.08.2020).

[2] Уголовный кодекс Турции / пер. Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. С. 246.

уголовную ответственность за такое деяние в ч. 1 ст. 261 УК РФ наряду с лесными или иными насаждениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антонченко В. В. Обеспечение пожарной безопасности лесных и иных насаждений: уголовно-правовой аспект / В. В. Антонченко // Экологическое право. — 2018. — № 3. — С. 8—12.

2. Ахметшин Х. М. Современное уголовное законодательство КНР / Х. М. Ахметшин, Н. Х. Ахметшин, А. А. Петухов. — М.: ИД «Муравей». 2000. — 432 с.

3. Бархатова Е. Н. Проблемы регулирования уголовной ответственности за преступления в лесной сфере / Е. Н. Бархатова // Экологическое право. — 2018. — № 3. — С. 12—16.

4. Лачин А. А. Уголовно-правовая охрана лесов в законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2004. — 183 с.

5. Овсепян Л. Г. Уголовно-правовая охрана безопасности флоры и фауны по законодательству Республики Армения и России (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 25 с.

6. Селяков Н. А. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия незаконной рубке, уничтожению или повреждению лесных насаждений (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 27 с.

7. Симонов А. Г. Уголовно-правовая охрана лесной и иной растительности о уничтожения или повреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 27 с.

8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовному кодексу Туркменистана постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. — Ашхабад, 2013. — 663 с.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко, [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. — Минск: национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2019. — 1000 с.

10. Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2019. — 536 с.

11. Чураков Д. Б. Противодействие преступным посягательствам на сохранность лесных и иных насаждений (уголовно-правовые и криминологические меры): дис. ... канд. юрид. наук / Д. Б. Чураков. — М., 2017. — 268 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Antonchenko V. V. Ensuring fire safety of forest and other plantations: criminal law aspect / V. V. Antonchenko // Environmental Law. 2018. No. 3. P. 8—12.

2. Akhmetshin Kh. M. Modern criminal legislation of the PRC / Kh. M. Akhmetshin, N. Kh. Akhmetshin, A. A. Petukhov. M.: Publishing House “Ant”. 2000. 432 p.

3. Barkhatova E. N. Problems of regulation of criminal responsibility for crimes in the forest sphere / E. N. Barkhatova // Environmental Law. 2018. No. 3. P. 12—16.

4. Lachin A. A. Criminal legal protection of forests in Russian legislation: the thesis of the Candidate of Law. Ryazan, 2004. 183 p.

5. Hovsepyan L. G. Criminal legal protection of flora and fauna safety under the legislation of the Republic of Armenia and Russia (comparative legal research): abstract of the thesis of the Candidate of Law. M., 2008. 25 p.

6. Selyakov N. A. Criminological and criminal law measures to counter illegal logging, destruction or damage to forest plantations (on the example of the North-West Federal District of the Russian Federation): abstract of the thesis of the Candidate of Law. M., 2010. 27 p.

7. Simonov A. G. Criminal-legal protection of forest and other vegetation about destruction or damage: abstract of the thesis of the Candidate of Law. M., 2014. 27 p.

8. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Commentary on the Criminal Code of Turkmenistan article by article / under total. ed. A. V. Smirnova. Ashgabat, 2013. 663 p.

9. The Criminal Code of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary / TP Afonchenko, [and others]; ed. V. M. Khomich, A. V. Barkov, V. V. Marchuk. Minsk: National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2019. 1000 p.

10. Tymoshenko Yu. A. Construction of criminal legal norms on responsibility for environmental crimes: problems of theory and practice: the thesis of the Doctor of Law. M., 2019. 536 p.

11. Churakov D. B. Counteraction to criminal encroachments on the safety of forest and other plantations (criminal law and criminological measures): the thesis of the Candidate of Law / D. B. Churakov. M., 2017. 268 p.

УДК: 343.9
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10060

Зубкова Анна Владимировна
преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ
E-mail zubkova_91@bk.ru

Zubkova Anna Vladimirovna
lecturer of the Department of Humanities Civil and Criminal Law, FGBOU VO Voronezh State Agricultural University
E-mail zubkova_91@bk.ru

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Введение: сегодня в жизнедеятельности российского общества особую актуальность приобретают вопросы, связанные с возможностью сохранения и приумножения экологических систем. Сохранность водных биологических ресурсов перед правоохранительными органами поставлена в качестве одной из первоочередных задач, поскольку эффект от её реализации влияет на экономическую безопасность страны. Обусловлено это тем, что за последние два десятилетия вылов ценных пород рыб в реке Волге и Каспийском море сократился многократно. Значительное истощение водных ресурсов отмечается и в других регионах, особенно на Дальнем Востоке. В этой связи в статье рассматриваются правовые основы предупреждения незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Предлагаются общие направления предупреждения преступлений в исследуемой автором сфере противоправной деятельности по незаконной добыче (вылову) рыбных ресурсов и недопущения их истребления. Выделены наиболее перспективные направления профилактики указанных деликтов.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, нормативные правовые акты РФ. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, также методы логической дедукции, индукции.

Результаты исследования позволили уточнить и обобщить отдельные положения, касающиеся эффективности действия уголовно-правовых норм в борьбе с преступностью и её отдельными видами.

Выводы и заключения: полученные результаты исследования уголовно правовых аспектов рассматриваемой проблемы позволили сделать ряд выводов: 1) под предупреждением преступлений в сфере незаконной добычи (вылова) водных биоло-

гических ресурсов и нарушения правил их охраны следует рассматривать комплекс принимаемых государством и обществом политико-правовых, социально-экономических и организационных мер предупредительного воздействия на преступность данного вида и её составляющие; 2) создание эффективной системы предупредительного воздействия в этом направлении борьбы с преступностью требует сосредоточения усилий как органов государства, так и негосударственных организаций, отдельных граждан; 3) с учетом зарубежного опыта России следует обеспечить выработку не только эффективной профилактической системы предупреждения экологических преступлений, но и формирование экологической культуры у населения, напрямую взаимосвязанной с состоянием экологии и природной среды.

Ключевые слова: преступление, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, нарушения правил охраны водных биологических ресурсов, предупреждение.

ON THE EFFECTIVENESS OF MEASURES TO PREVENT ILLEGAL HARVEST (CATCH) OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

Introduction: Today, in the life of Russian society, issues related to the possibility of preserving and increasing ecological systems are acquiring special relevance. The preservation of aquatic biological resources before law enforcement agencies is set as one of the priority tasks, since the effect of its implementation affects the economic security of the country. This is due to the fact that over the past two decades, the catch of valuable fish species in the Volga River and the Caspian Sea has decreased many times. A significant depletion of water resources is also noted in other regions, especially in the Far East. In this regard, the article discusses the legal framework for the prevention of illegal extraction (catch) of aquatic biological resources. The general directions of crime prevention in the investigated by the author sphere of illegal activity on illegal extraction (catch) of fish resources and prevention of their destruction are proposed. The most promising directions for the prevention of these torts are highlighted.

Materials and Methods: the normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation, regulatory legal acts of the Russian Federation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: made it possible to clarify and summarize certain provisions regarding the effectiveness of criminal law in combating crime and its certain types.

Findings and Conclusions: the obtained results of the study of the criminal legal aspects of the problem under consideration allowed us to draw a number of conclusions: 1) under the prevention of crimes in the field of illegal extraction (catch) of aquatic bio-

logical resources and violation of the rules for their protection, a complex of political, legal, socio-economic and organizational measures taken by the state and society should be considered preventive impact on crime of this type and its components; 2) the creation of an effective system of preventive action in this direction of combating crime requires the concentration of efforts of both state bodies and non-governmental organizations, individual citizens; 3) taking into account the foreign experience of Russia, it is necessary to ensure the development of not only an effective preventive system for the prevention of environmental crimes, but also the formation of an ecological culture among the population, directly interconnected with the state of ecology and the natural environment.

Keywords: crime, illegal catch (catch) of aquatic biological resources, violations of the rules for the protection of aquatic biological resources, prevention.

И специалистами, и сотрудниками правоохранительных органов сегодня указывается на качественное отставание уголовно-правового воздействия на преступность, в том числе в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и нарушения правил их охраны, от её реальных количественных и качественных показателей[1].

Кроме того, отмечается изобретательность и оперативность в использовании новейших достижений техники и электронных ресурсов, включая сеть Интернет, при совершении преступлений данного вида, быстрое заполнение сфер применения преступных познаний, оказавшихся в недостаточной степени контролируемыми государственными органами, трансформация видов, форм и методов преступной деятельности, в том числе инновационных, а также отсутствие правового и нравственного сознания у лиц, совершающих преступные деяния[2] и т. п.

Изучая вопрос о правовых основах противодействия преступлениям, совершаемым в сфере добычи (вылова) рыбопродуктов и нарушения правил их охраны, необходимо понимать, что вырабатываемые теорией науки направления такого противодействия неизбежно «отстают» от реальных криминологических потребностей в деле осуществления эффективного противодействия данному виду преступности[3]. Исходя из этого, и уголовно-правовая охрана в указанной сфере также «отстает» от показателей в динамической системе преступности.

Следует отметить, что противодействие любому виду преступной деятельности всегда осуществляется на базе уголовно-правовых норм, прогнозируется с помощью средств и способов криминологической науки, основывается на доктри-

[1] Каленов С. Е. Незаконная добыча водных биологических ресурсов: причины и предупреждение // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 75—80.

[2] Лососёвое браконьерство на Камчатке в цифрах. ИА «Восток-Медиа» [Электронный ресурс]. URL: http: //vostokmedia.com/_print55594.html (дата обращения: 21.05.2020).

[3] Ишаев В. А. Развитию отрасли мешают коррупция и браконьерство // Fishnews — Новости рыболовства. 2012. № 3. С. 18—22.

нальных предложениях ученых-криминалистов[1], изучение которых позволило автору предложить общие направления предупреждения преступлений в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и нарушения правил их охраны, которые включают в себя организационно-правовые и специально правовые меры предупреждения указанного вида преступлений.

1. *Организационно-правовые меры предупреждения* заключаются в разработке новых либо в повышении эффективности и общего уровня законодательной техники уже существующих уголовно-правовых норм в указанной сфере с целью устранения возникающих на практике проблем правоприменения, связанных с наличием юридико-технических законодательных несовершенств, рассистематизации положений уголовного законодательства и иных отраслей права, противоречивостью и сложностью в понимании создаваемых законодательных положений, не способствующих их эффективному применению, выявлении и устранении имеющихся коллизий в системе и структуре построения уголовно-правовых норм, негативно сказывающихся на их правоприменении. При этом комплексная работа над созданием внутриведомственных, межведомственных положений, а также по имплементации положений международных конвенций и соглашений, направленных на охрану водных биологических ресурсов, должна носить не декларативный характер, отрицательно сказывающийся на их реализации, а содержать действенный перечень мер по их воплощению с целью противодействия рассматриваемому виду преступности.

Необходимой представляется также и работа по выявлению торговых операций с морепродуктами, в которой отдельный аспект составляет взаимообмен стратегически значимой информацией, касающейся учета и реализации рыбной продукции в иностранных портах, а также о юридических лицах, осуществляющих такую реализацию, с целью привлечения их к уголовной ответственности. Последнее обстоятельство обусловливает и актуальность рассмотрения проблемы о введении института

[1] Например, учеными указывалось на следующие перспективные направления профилактики преступности: 1) повышение эффективности отраслевого законодательства, прежде всего, уголовного, административного; увеличение уголовно-правовых запретов, направленных на устранение причин и условий для совершения преступных деяний; выработка мер, способствующих увеличению случаев добровольного отказа от доведения преступления до конца; правовое воспитание и обучение населения и т. п. (Миньковский Г. М., Тузов А. П. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. — Киев: Политиздат Украины, 1987. — 213 с.); 2) профилактика, т. е. воздействие на причины преступности и условия, способствующие ей; предотвращение преступлений, т. е. недопущение совершения преступлений на стадии их планирования и подготовки; пресечение совершаемых преступлений, т. е. недопущение дальнейшего преступного поведения; исправление осужденных, в том числе в местах лишения свободы (Антонян Ю. М. // Общая концепция предупреждения преступности. Человек: преступление и наказание. М., 2013. № 3 (82). С. 21—29); 3) выделяемые по критерию содержания правовые меры, меры ранней криминологической профилактики, главным образом общей меры — сигналы, меры, осуществляемые на организаторском уровне, меры не узко направленные, а осуществляемые в широком диапазоне во всех основных сферах правоотношений и другие (Куракин Л. Л. Криминологические проблемы деятельности прокуратуры по предупреждению преступлений: дис... канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 67—68; и др.

уголовной ответственности юридических лиц в систему российского уголовного законодательства[1].

2. *Специально-правовые меры предупреждения* включают в себя: повышение эффективности конкретных уголовно-правовых норм, а также положений административного законодательства в сфере добычи водных биоресурсов. В частности, на наш взгляд, целесообразно предусмотреть уголовную ответственность за незаконное приобретение, сбыт и транспортировку водных биоресурсов, в том числе рыбы осетровых и лососёвых пород, икры рыб осетровых и лососёвых пород и иных водных животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, совершённых в крупном и особо крупном размерах.

Для реализации данного предложения необходимо ч. 3 и ч. 3^1 ст. 258^1 УК РФ дополнить соответствующим положением, предусматривающим повышенную уголовную ответственность за указанные деяния, совершённые в крупном и особо крупном размерах, которое на сегодняшний день в уголовном законе отсутствует, что является, по нашему мнению, явным пробелом. При этом понятие крупного и особо крупного размеров следует установить из исчисляемых по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам, десятикратно превышающим крупный и особо крупный ущерб, предусмотренный примечанием к ст. 256 УК РФ.

Также, с учетом того, что многие преступления в рассматриваемой сфере совершаются во внешнеэкономической зоне, представляется необходимым выработка и дополнение отдельных нормативных правовых установлений. В частности, современные условия социально-экономического развития объективно обусловливают потребность внесения изменений и дополнений в Концепцию приграничного сотрудничества в Российской Федерации[2], учитывая состояние преступности в российской части внутренних морских вод и территориального моря.

Исходя из складывающейся в настоящее время международной обстановки и необходимости отстаивания государственных интересов в указанной сфере, усилия также необходимо направить на разработку федерального закона, предусматривающего не только виды и направления, принципы и полномочия отдельных государствен-

[1] Острая дискуссионность вокруг данного вопроса обусловливается количеством публикаций, авторы которых в той или иной степени подвергают данный вопрос активному обсуждению (Лафитский В. И., Семыкина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса pro et contra // Журнал российского права. — № 2. — 2014. — С. 5—13; Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Материалы IX Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. — М., 2014 — С. 56; Наумов А. В. Несколько возражений как противникам, так и сторонникам концепции уголовной ответственности юридических лиц// Уголовное право и современность: сб. науч. ст. Вып. 5 / отв. ред. Г. А. Есаков. — М., Проспект, 2014. — С. 26—31; Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / под ред. С. Г. Келиной и А. В. Наумова. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. — С. 50—60; Никифоров А. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. — М.: ИГЛ РАН, 1994. — С. 43—49; Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. К вопросу о возвращении в российское законодательство уголовного проступка // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 2. — С. 76—85; и др.

[2] Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.02.2001 № 196-р (ред. от 08.08.2009) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document (дата обращения: 23.05.2020).

ных органов в сфере приграничного сотрудничества, но и конкретные специальные меры, направленные на реализацию концепции приграничного Российской Федерации с другими государствами сотрудничества в борьбе с исследуемыми в настоящей статье видами преступлений.

В качестве еще одной меры усовершенствования правового регулирования в изучаемой нами уголовно-правовой сфере полагаем возможным ввести обязательное декларирование в портах Российской Федерации рыбной продукции и сырья, поставляемых в зарубежные страны и производимого из водных биоресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации[1].

В принципиальной переработке, по нашему мнению, нуждается положение о предоставлении рыбопромыслового участка. Так, исходя из положений Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»[2], возникновение права на добычу (вылов) водных биоресурсов связывается с заключением договора о предоставлении рыбопромыслового участка, который может быть заключен только после проведения конкурсных мероприятий, регламентируемых соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации[3], определяющим полномочия должностных лиц соответствующих государственных органов субъектов Российской Федерации по установлению границ и законодательному регулированию перечня рыбопромысловых участков.

Однако подобное наделение полномочиями является, по нашему мнению, коррупционным фактором, поскольку зачастую в практике реализации этих полномочий можно наблюдать халатное бездействие указанных должностных лиц, отсутствие либо неверное отражение информации в перечнях рыбопромысловых участков, искусственное создание препятствий для осуществления конкурсов, ограничение конкуренции в анализируемой отрасли и т. п. Указанные обстоятельства, в свою очередь, препятствуют эффективному использованию ресурсной базы рыбного хозяйства[4].

Кроме того, полагаем, что результативному предупреждению рассматриваемых преступных деяний способствовало бы снижение минимальных размеров квотируе-

---

[1] Отметим, что вопросы, связанные с обязательным декларированием российских уловов, полученных в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации, или приравнивания вывоза таких биоресурсов к экспорту, подлежали обсуждениям и ранее. Так, участники первого и второго Всероссийских съездов работников рыбного хозяйства предлагали приравнять к экспорту вывоз продукции морского промысла из 200-мильной зоны Российской Федерации. Однако особенности хозяйственной деятельности, связанные с работой промыслового флота в морских пространствах с различным международным правовым режимом, остались за рамками закона о внешнеторговом регулировании (Сенотрусова С. В., Туровец А. Е. / Государственный контроль вывоза продукции морского промысла // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 31. 2012. Апр. С. 1—10).

[2] О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федер. закон от 20 дек. 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5270.

[3] О проведении конкурса на право заключения договора о предоставлении рыбопромыслового участка для осуществления промышленного или прибрежного рыболовства и заключении такого договора: постановление Правительства РФ от 14 апр. 2008 г. № 264 // Рос. газ. 2008. № 81.

[4] Козлов Д. В. Договорно-разрешительный порядок предпринимательского рыболовства и рыбоводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1 (74). Янв. С. 230—236.

мых объемов их добычи в научных целях[1], что также необходимо отразить в соответствующем правительственном постановлении.

На момент проведения нашего исследования отсутствует законодательное определение понятия «прибрежная зона рыболовства»[2]. Как отмечается в юридической литературе, заимствование зарубежного опыта для решения данной проблемы достаточно затруднительно в связи с тем, что ширина прибрежной зоны в различных государствах находится в пределах от нескольких сотен метров до сотен миль, что не позволяет определить эффективный и единообразный критерий размежевания прибрежной зоны[3].

Представляется, что при дефинировании в российское законодательство категории «прибрежная зона» необходимо исходить из следующих критериев — признания за прибрежной зоной статуса объекта управления, представляющего собой структурную динамическую систему деятельности человека, потребностей общества, системы природных ресурсов, факторов природного и антропогенного влияния[4], единой геологической и географической природной системы[5] и соответствия положений российского законодательства международному[6].

При учете данных критериев, по нашему мнению, под прибрежной зоной следует понимать определенный объект управления со сложной иерархичной структурой и единой экологической и социально-экономической системой. Определение данного понятия необходимо законодательно закрепить в соответствующем нормативном пра-

[1] Банников А. Ю. Приграничное сотрудничество российской федерации в стратегии пространственного развития страны // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Т. 4 (70). № 2. 2018. С. 14—24.

[2] Отметим, что в морском законодательстве существует понятие «прилежащая зона», к которой относится морская полоса, непосредственно примыкающая к территориальному морю прибрежного государства. На ней осуществляется контроль в целях предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил в пределах его территории или территориального моря; предусмотрены наказания за их нарушения. Режим прилежащей зоны регулируется Женевской конвенцией о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. и Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Последняя устанавливает ширину прилежащей зоны в 24 морские мили, отсчитываемые от исходных линий. Следовательно, собственная ширина прилежащей зоны за внешней границей территориального моря составляет 12 морских миль (Арзамасцев И. С. Природопользование в прибрежных зонах: основные понятия, зонирование и проблемы управления // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 4 (49). 2009. С. 76—89).

[3] Арзамасцев И. С. Природопользование в прибрежных зонах: основные понятия, зонирование и проблемы управления // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 4 (49). 2009. С. 76—89.

[4] Денисов В. В. Эколого-географические основы устойчивого природопользования в шельфовых морях (экологическая география моря). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2002. 502 с.

[5] Айбулатов Н. А. Деятельность России в прибрежной зоне моря и проблемы экологии. Ин-т океанологии им. П. П. Ширшова. М.: Наука, 2005. 364 с.

[6] Арзамасцев И. С., Сорокин П. С. Как поделить прибрежную зону // Рыбное хозяйство. 2008. № 6. С. 39—41.

вовом документе, например, в Стратегии развития прибрежных гидробиологических исследований (*выделено автором в порядке научного прогнозирования).*

Изложенное выше позволяет сделать некоторые промежуточные выводы, а именно: под предупреждением преступлений в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и нарушения правил их охраны следует рассматривать, в первую очередь, комплекс принимаемых государством и обществом мер, которые направлены на ликвидацию способствующих их совершению обстоятельств.

Предупредительное воздействие на преступность данного вида необходимо выстраивать на прочном фундаменте экономической и политической мощи страны, планомерной и целенаправленной работе по повышению общего уровня жизни её населения, создании перспективных национальных программ по оздоровлению населения, повышению уровня культуры и образования, борьбе с негативными общественными явлениями, активизирующими рост преступности, в числе которых высокий процент безработицы, низкий прожиточный уровень значительной части населения, неравномерное перераспределение материальных благ, несоблюдение на практике конституционного принципа равенства перед законом и т. п.

В этой связи, необходимо вести речь, во-первых, о выработке комплекса политико-правовых, социально-экономических, организационных мер предупредительного воздействия на преступность и её составляющих, для чего сегодня крайне важным видится сосредоточие усилий как органов государства, так и негосударственных организаций, отдельных граждан в данном направлении для решения стратегической задачи, заключающейся в создании эффективной системы предупредительного воздействия на исследуемый в статье вид преступлений; во-вторых, основой результативного предупреждения преступности, в том числе экологической, будет являться совершенствование комплекса профилактических мер, вырабатываемых для устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений. Подобная система мер неоднократно создавалась в нашей стране, однако вопрос о её эффективности остается открытым на сегодняшний день, в связи с чем представляется крайне важной её фундаментальная трансформация с учетом современных социально-экономических и политико-правовых реалий, а также потребностей общества в охране тех или иных сфер жизнедеятельности.

При этом в юридической науке сегодня отмечается, что действовавшая еще в советский период профилактическая система предупреждения преступлений, несмотря на её идеологизированность, обеспечивала со стороны общества стойкое отрицательное отношение к преступным проявлениям, однако очевидно и то, что сегодня она нуждается в коренной трансформации[1]. Одновременно следует отметить, что создаваемые федеральные и региональные стратегии, положения которых в том числе посвящены предупреждению экологической преступности, зачастую не имеют достаточного финансирования, нередко обладают декларативным и заявительным характером. Отдельные же предупредительные мероприятия, осуществляемые в рамках от-

[1] Герасимов С. И. На пути к созданию государственной системы профилактики преступлений и правонарушений. Вестник Московского университета МВД России. № 6. 2019. С. 73—82.

дельно взятого региона, к сожалению, не оказывают должного эффекта в деле противодействия экологической преступности.

При этом зарубежный опыт демонстрирует эффективность решения проблем экологической преступности при существовании системы экологической культуры населения и упрочнении позиций среднего класса, являющегося основой производственной мощи государства[1]. Совершенно очевидно, что именно представители среднего класса озабочены состоянием экологической сферы, оказывающей непосредственное влияние на здоровье граждан, что, в свою очередь, заставляет задуматься о культивировании здорового образа жизни, что и происходит сегодня в ряде стран[2]. Таким образом, сегодня России следует обеспечить выработку не только эффективной профилактической системы предупреждения экологических преступлений, но и, что не менее важно, формирование экологической культуры у населения, напрямую взаимосвязанной с состоянием экологии и природной среды.

[1] Воронин Ю. А. Предупреждение преступности в зарубежных странах // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). Право. Вып. 32. С. 86—88.

[2] Мартыненко О. А. Органы внутренних дел в зеркале криминологических исследований // Право и политика. 2002. № 4 (28). С. 62—69.

УДК: 343.21
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10061

Тулеубекова Мерей Магауияевна
аспирант 3 курса
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»
E-mail: merei_tm@mail.ru

Tuleubekova Merey Magauiyaevna
3rd year postgraduate student
of the private educational institution
of higher education “Siberian Law University”
E-mail: merei_tm@mail.ru

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НАКАЗАНИЯ) ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Введение: в статье рассматривается становление и развитие норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, в законодательных актах дореволюционной России. Проанализированы подходы российского законодательства к закреплению в уголовно-правовых нормах оснований, условий и видов освобождения от уголовной ответственности на разных этапах истории, начиная с первых исторических источников уголовного права Древнерусского государства (X в.) и заканчивая 1917 годом.

Материалы и методы: методологическую основу составляют совокупности таких методов, как историко-правовой, сравнительно-правовой, системный, анализ.

Результаты исследования: показано, что освобождение от уголовной ответственности (наказания) представляет собой постоянно развивающийся правовой институт.

Выводы и заключения: по результатам исследования установлено, что со времен Русской Правды уголовное законодательство России содержало нормы, гарантирующие освобождение от наказания либо его существенное смягчение, при условии добровольного прекращения преступной деятельности и соблюдении предписываемых законом условий. Начиная с X в., в законодательных актах России содержались особые законоположения, часть из которых со временем трансформировалась в общие основания (виды) освобождения (примирение), а часть в условия, необходимые для применения конкретного вида освобождения (явка с повинной, возмещение ущерба, способствование раскрытию совершенного правонарушения). На протяжении веков изучаемый институт совершенствовался, расширялся перечень основных видов освобождения, формировался специфический «набор» условий, в совокупности составляющих единое основание для применения конкретного вида освобождения. Определялся круг дел, по которым можно было применять тот или иной вид освобождения, и в отношении которых вводились запреты и ограничения. Наряду с общими основаниями освобождения вводились специальные виды для конкретных составов преступ-

лений, которые могли применяться в тех ситуациях, когда отсутствовали основания для применения общих норм.

Ключевые слова: уголовное законодательство; освобождение от наказания: институт освобождения от уголовной ответственности; условия освобождения от уголовной ответственности; позитивное послепреступное поведение.

EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY (PUNISHMENT) ON LEGISLATION OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Introduction: the article discusses the formation and development of norms providing for exemption from criminal liability in legislative acts of pre-revolutionary Russia. The purpose of the article is to analyze the approaches of the Russian legislator to fixing in criminal law norms the grounds, conditions and types of exemption from criminal liability at different stages of history, starting from the first historical sources of criminal law of the Old Russian State (X century) and ending in 1917 year.

Materials and Methods: the methodological basis is the totality of such methods as historical and legal, comparative legal, systemic, analysis.

Results of the Study: it is shown that exemption from criminal liability (punishment) is a constantly evolving legal institution.

Findings and Conclusions: according to the results of the study, it has been established that since the time of Russian Truth, the criminal legislation of Russia contained standards guaranteeing release from punishment or its substantial mitigation, subject to the voluntary termination of criminal activity and compliance with the conditions prescribed by law. Since the 10th century special laws were contained in the laws of Russia, some of which eventually transformed into general grounds (types) of release (reconciliation), and part into the conditions necessary for applying a specific type of release (confession, damages, facilitating the disclosure of the offense). Over the centuries, the institute under study has been improved, the list of the main types of liberation has expanded, a specific "set" of conditions has been formed, which together constitute a single basis for the application of a particular type of liberation. A circle of cases was determined by which one or another type of exemption could be applied, and in relation to which prohibitions and restrictions were introduced. Along with the general grounds for release, special types were introduced for specific offenses that could be applied in situations where there were no grounds for applying general norms.

Keywords: criminal law; exemption from punishment: institution of exemption from criminal liability; conditions for exemption from criminal liability; positive post-crime behavior.

Одной из функций, возлагаемых на уголовный закон, является предупреждение совершения преступлений. Для этого принимаются специальные социально-обусловленные уголовные нормы, призванные оказывать превентивное воздействие на потенциальных правонарушителей. В то же время в нормах уголовного законодательства предусматриваются и специальные формы воздействия на лиц, уже совершивших преступные деяния, но решивших встать на путь исправления, помогающие им с выбором предпочтительных для государства и общества вариантов поведения. И, как далее будет показано, эти нормы появились уже в первых исторических источниках уголовного права Древнерусского государства.

Законодательство Древней Руси об освобождении от уголовной ответственности (наказания). Предваряя рассмотрение вопроса, отметим, что в тексте российского уголовного законодательства вплоть до 20 годов XX в. не применялось понятие «освобождение от уголовной ответственности», а говорилось об отмене или смягчении наказания либо указывались обстоятельства «устраняющие наказуемость» деяния. Это было обусловлено тем, что в законодательстве дореволюционной России институты уголовной ответственности и наказания еще не были между собой разделены, и, соответственно, не проводилось различий между освобождением от наказания и освобождением от ответственности.

Анализ исторических источников уголовного права показывает, что отечественное законодательство еще с древних времен содержало в себе нормы, гарантирующие освобождение лиц, совершивших преступные посягательства, от наказания либо его существенное смягчение, в том случае если они добровольно прекратят свою преступную деятельность и изберут предпочтительные варианты положительного поведения. В литературе деятельность лица, которую оно осуществляет после совершения преступного деяния, принято называть послепреступным (постпреступным), либо посткриминальным поведением [8, с. 146]. Положительное после преступное поведение лица, направленное на уменьшение последствий, причиненных преступлением (например, возмещение нанесенного ущерба), способствование раскрытию, расследованию совершённого преступного деяния и т. п., составляет содержание такого института уголовного права, как деятельное раскаяние.

Уже Русская Правда — первый законодательный памятник Древнерусского государства (принятый в X в.) — содержала в себе ряд норм, указывающих на возможность освобождения лица, совершившего преступление, от наказания в связи с его раскаянием. В частности, в соответствии с положениями этого закона лицо, допустившее растрату товара, освобождалось от наказания в случае уплаты его стоимости владельцу, а в отношении дел о воровстве было установлено: «кто, не будучи задерживаемым, сам приносил владельцу похищенное..., не подвергался никакой ответственности» [11, с. 57].

Русская Правда также закрепляла возможность для примирения между сторонами конфликта. Так, лицо виновное, в причинении смерти другому лицу, наказывалось уплатой штрафа (виры), а также привлекалось к головничеству — т. е. возме-

щению ущерба родственникам убитого [6, с. 35]. Закрепление данного положения было обусловлено тем, что одной из основных целей ответственности являлось возмещение вреда, причиненного преступлением. Родственникам, членам семьи убитого, было важно получить возмещение материального и морального ущерба, и именно примирение виновного с ними способствовало возмещению этого ущерба. Примирение сторон с последующим возмещением членам семьи убитого причиненного ущерба могло свидетельствовать о деятельном раскаянии лица, совершившего преступление, поэтому родственники убитого, принимая от убийцы плату, примирялись с ними, отказываясь от кровной мести. Для того исторического периода было характерно с целью примирения конфликтующих сторон прибегать к посредничеству, поэтому для урегулирования конфликтов часто привлекались авторитетные представители общественности.

Возможности для примирения были предусмотрены и в последующих историко-правовых документах, в частности в отдельных нормах Псковской судной грамоты. Так, ст. 80 этого документа предусматривала положение, в соответствии с которым в случае драки было возможно разрешить дело миром: «промеж себе прощение возьмут» [11, с. 332]. Следует иметь в виду, что уже в тот исторический период времени круг дел, по которым можно было завершить конфликт посредством примирения сторон, подлежал ограничению. Как отмечает Н. Ефремова, «примирение по так называемым лихим делам не допускалось» [6, с. 37]**.**

Положения о примирении сторон содержатся и в тексте Соборного уложения, принятого в 1649 году во время царствования Алексея Михайловича. Так, в ст. 154 этого документа был установлен запрет для повторного пересмотра дела, который был завершен в результате примирения сторон, предусматривая в отношении лица, которое внесет повторный иск, применение телесных наказаний: «бить батоги» [12, с. 116]. В соответствии с положениями этого Уложения, примирение исключалось с «лихим человеком» (рецидивистом) совершавшим «лихое дело», т. е. преступление, входящее в категорию тяжких — душегубство, разбой, иные деяния, посягающие на установленный государством порядок.

Законодательство Российской империи об освобождении от уголовной ответственности (наказания). В законодательстве, которое было принято в правление Петра I, примирение уже не освобождало лицо, совершившее преступное деяние, от наказания, а только выступало в качестве смягчающего обстоятельства. Так, в частности, ст. 170 Артикула воинского, принятого 1715 году, закрепляла следующее: «Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу просить будет и с нею помиритца ... то мочно наказание умалить» [13, с. 360]. При этом примирение было возможно только за деяния, дела по которым возбуждались на основании заявления, поданного частным лицом. В эту категорию дел, в частности, входили деяния, совершенные против семьи и нравственности, против чести и достоинства и т. п.

В военно-уголовных законах Петра I также имеются нормы, содержащие положения, освобождающие виновного от наказания, либо смягчающие его, в случае

наличия у него конкретного позитивного послепреступного поведения. При этом в некоторых нормах имеются положения, характерные для современных специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Так, в артикуле 96, регламентирующем ответственность за дезертирство из воинской части, закреплялось правило, согласно которому, если после побега виновный раскается в содеянном и добровольно явится в полк, то самое суровое наказание в отношении него не должно использоваться: «оный живота лишен не имеет быть», а «по рассмотрению, шпицрутенами или иным каким наказанием наказать подобает» [13, с. 374]. По мнению А. Г. Антонова: «Эта норма не стимулировала возвращения беглых солдат, так как приведенные положения не исключали наказуемости» [4, с. 97]. В то же время в тот исторический период нередко дезертиры освобождались от наказания в случае их раскаяния после побега и добровольной явки в воинскую часть на основании специальных указов и манифестов [13, с. 374].

Отметим, что почти аналогичные положения чуть позже были закреплены в ст. 65 Морского устава, принятого в 1720 году [7, с. 328]. В этих нормах можно увидеть предпосылки формирования положений, содержащихся в примечаниях к ст. 337 и 338 действующего УК РФ[1].

Военно-уголовные законы Петра I предусматривали и другие обстоятельства, позволяющие судье освободить виновного в совершении преступления от наказания либо значительно смягчить его. Так, в ч. 3 артикула 195 закреплялось следующее установление: «Наказание воровства обыкновенно умаляется или весьма оставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, <...> или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть» [5, с. 51]. Как видно, в данном конкретном случае такими обстоятельствами признаются — совершение деяния (кражи) вследствие «крайней голодной нужды», а также несовершеннолетие преступника («вор будет младенец»).

Дальнейшее развитие исследуемый институт получил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (далее — Уложение 1845 года) [2]. Это Уложение, стало основой для всего уголовного законодательства Российской империи, и действовало на её территории (включая и Казахское ханство, окончательное вошедшее в состав империи в 60-х годах XIX в.), вплоть до революционных событий, произошедших в 1917 году. В этом правовом акте впервые в отечественной истории были выделены в отдельной специальной норме так называемые общие виды освобождения от наказания.

Так, в ст. 160, входящей в структуру гл. 4 «О смягчении и отмене наказания», законодатель, помимо ранее известного освобождения «вследствие примирения с обиженным», предусмотрел и два новых: «за смертью преступника» и «вследствие давности» [2, с. 54]. Следует сразу сказать, что эти виды освобождения затем были закреплены в ст. 22 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, разработанного и принятого в 1864 г. в рамках проведения судебной реформы (далее — Устав 1864 года) [14, с. 394].

Условия применения каждого вида были регламентированы в отдельной статье. Так в ст. 161 Уложения 1845 г. закреплялось: «За смертью осужденного, приговор о наказании его сам собой отменяется; но частные, вследствие преступления его, иски и казенные взыскания, за исключением налагаемых в наказание по суду, обращаются на его имущество» [2, с. 54].

Согласно ст. 163 этого нормативного акта «наказание отменяется за давностью» учинения преступления или проступка. При этом давность, как обстоятельство устраняющее применение наказания, имела четыре срока, продолжительность которых определялась в ч. 1 (прошло 10 лет), ч. 2 (прошло 8 лет), ч. 3 (прошло 5 лет), ч. 4 (прошло три года) в зависимости от тяжести совершённого преступного деяния[2, с. 54—55].

Согласно ст. 162 Уложения 1845 г., примирение было возможным, но только до момента исполнения приговора, и лишь по делам, возбужденным по жалобе потерпевшего (частное обвинение), обиженного или оскорбленного через то противозаконное деяние (преступление или проступок). К числу таких деяний относились: письменная клевета, нанесение легких ран, жестокое обращение мужа с женой, прелюбодеяние, неповиновение детей родителям и пр. [6, с. 38]. В этой же норме закреплялся перечень норм (ст. ст. 426, 1998 — 2005, 2007, 2027, 2028, 2040—2042), содержащих составы преступлений, по которым примирение исключалось. В их числе: оскорбление подчиненным своего начальника; насильственное растление девицы, не достигшей 14 лет; изнасилование; изнасилование со смертельным исходом, с растлением; похищение женщины с покушением на изнасилование; похищение девицы с целью обольщения; обольщение несовершеннолетней опекуном, учителем, иным лицом, осуществляющим за ней надзор; незаконное лишение свободы, сопровождающееся истязаниями похищенного; похищение незамужней женщины с целью вступления против ее воли в брак; понуждение через насилие или угрозы такого насилия к вступлению в брак и пр.

В Уложении 1845 года была предусмотрена возможность освобождения от наказания несовершеннолетних преступников в возрасте от 7 до 14 лет. Так, ст. 143 гласила: «Дети, коим более семи, но менее 10 лет от роду, и которые не имеют надлежащего о своих обязанностях разумения, не подвергаются определенному в законах наказанию, но отдаются родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления, между прочим и через духовника их или другого священнослужителя. Сие правило распространяется и на имеющих от десяти до четырнадцати лет от роду, когда с достоверностью известно, что преступление учинено ими без разумения» [2, с. 46].

В Уложении 1845 года предусматривались и другие обстоятельства, позволяющие судье освободить виновного от наказания. Так, в ст. 1222 Уложения была предусмотрена возможность освобождения от уголовной наказания родителей и опекунов за допущение детей к прошению милостыни. В соответствии с этой нормой: «Родители или опекуны, допускающие своих или вверенных им детей к прошению милостыни, если не докажут, что были вынуждены к сему особенною или крайнею необходи-

мостью, подвергаются за сие аресту на время от трех до семи дней». Из этой нормы следует, что в случае наличия определенных обстоятельств деяние было ненаказуемым. В этой статье Уложения можно увидеть положения, характерные для современного специального основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного в примечании к ст. 151 УК РФ. Отличие заключается в том, что современный законодатель предусмотрел освобождение от ответственности родителей за вовлечение несовершеннолетнего не в прошение милостыни (по действующему законодательству — занятие попрошайничеством), а в занятие бродяжничеством, если это было обусловлено стечением тяжелых жизненных обстоятельств.

В ст. 559 Уложения (в редакции 1885 года), устанавливающей уголовную ответственность за фальшивомонетничество, так же предусматривалась возможность освобождения от наказания в случае выполнения желательного для государства поведения: «те из соучастников, которые откроют правительству о своих соумышленниках и сами дадут средство их обнаружить и пресечь преступные действия, освобождаются от всякого наказания, а имена их сохраняются в тайне».

В Уложении 1845 г. также был предусмотрен ряд обстоятельств, позволяющих значительно смягчить наказание виновному при наличии у него позитивного послепреступного поведения. Так ст. 322 Уложения предусматривала специальное основание для снижения наказания, виновному в составлении подложных указов, определений, постановлений, предписаний и иных официальных бумаг от имени губернских правлений и других судебных и правительственных мест, начальств, общественных учреждений. В силу предписаний это статьи, в случае раскаяния виновного в подлоге, его заблаговременной явки с повинной в преступлении к суду или начальству, и тем самым предупреждения всякого вредного последствия сделанного подлога, наказание ему существенно снижалось. Так, вместо лишения всех прав состояния и ссылки на житье в Томскую или Тобольскую губернию от двух до трех лет либо отдачи в исправительную арестантскую роту на срок от четырех до шести лет виновный наказывался арестом на срок от семи дней до трех недель [2, с. 131—133].

Статья 402 этого Уложения также предусматривала специальное основание для снижения наказания взяткополучателя, в случае его чистосердечного раскаяния. В соответствии с этой нормой, если виновный в злоупотреблении власти, принявший «в дар деньги, вещи или что иное», прежде нарушения своих обязанностей «объявит о том с раскаянием своему начальству», то вместо сурового наказания, ему могло быть назначено одно из следующих дисциплинарных взысканий: исключение со службы, отстранение от должности, строгий выговор, с внесением либо без внесения в послужной список [2, с. 175].

В рассмотренных нормах содержатся положения, стимулирующие виновного на положительное послепреступное поведение (объявит с раскаянием своему начальству, заблаговременно явится с повинной, предупреждение вредного последствия и т. д.), которые сейчас предусмотрены в нормах-примечаниях к отдельным статьям Особенной части действующего УК РФ, закрепляющих специальные основания осво-

бождения от уголовной ответственности, содержащие элементы деятельного раскаяния.

Во второй половине XIX в. в Российской империи принимались отдельные законодательные акты, в которых, помимо Уложения 1845 года и Устава 1864 года, так же предусматривались специальные нормы, закрепляющие обстоятельства, устраняющее наказуемость деяния. Такими обстоятельствами, в частности, признавалась «добровольная уплата пени и вознаграждения потерпевшему» [10, с. 108]. Как отмечает А. Г. Антонов, впервые подобная норма была оформлена в Законе 1867 г. «Об охране частных лесов» [3, с. 100]. В соответствии с этим законом, в отношении лица, совершившего в казенном или частном лесу «маловажный» проступок, за который было предусмотрено наказание только в виде денежного взыскания (штраф), могло быть прекращено производство по делу, в том случае, если обвиняемый, осознавая свою виновность, добровольно внесет причитающееся с него денежное взыскание в максимальном размере, определенном в законе, а также следующую владельцу леса сумму. Помимо этого, он должен возвратить лесовладельцу похищенный или самовольно срубленный лес либо возместить его стоимость.

Дальнейшее развитие исследуемый институт получил в Уголовном уложении 1903 года. Отметим, что этот уголовно-правовой акт не содержал нормы с перечнем видов освобождения от наказания. Но в нём, так же, как и в Уложении 1845 года, в ст. 41 была предусмотрена возможность освобождения от наказания несовершеннолетних преступников. В этой норме «содержались предписания об освобождении от уголовного наказания несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет и отдаче их под надзор родителей и других лиц, а в случае учинения несовершеннолетними тяжких преступлений они могли быть помещены в воспитательно-исправительные учреждения, а лица женского пола — в женские монастыри их исповедания» [9, с. 39].

В рассматриваемой кодификации законодатели также предусмотрели положения о давности (ст. 68). Здесь давность рассматривалось как «обстоятельство, устраняющее наказание или уголовное преследование. Если лицо не совершило в течение длительного времени новое преступление, его следовало считать исправившимся» [15, с. 699].

В Уложении 1903 года содержались и нормы с элементами деятельного раскаяния, которое в некоторых случаях рассматривалось в качестве основания для полного освобождения виновного лица от наказания. Так, в ст. 124—126 была предусмотрена уголовная ответственность за организацию «противозаконного сообщества» и участие в нем, вместе с тем для участников таких сообществ было предусмотрено условие, при соблюдении которого они могли рассчитывать не только на смягчение наказания, но и на полное освобождение от него. Так, согласно ч. 2 ст. 127: «Участнику противозаконного сообщества, статьями 124—126 предусмотренного, донесшему о таком сообществе прежде обнаружения существования оного, наказание смягчается на основаниях, статьей 53 установленных, или же он может быть вовсе освобожден от наказания» [5, с. 52].

В Уложении 1903 года появляются новые обстоятельства, позволяющие смягчить наказание виновному при наличии у него позитивного послепреступного поведения. Так, содержались предписания о снижении наказания в случае устранения виновным лицом наступивших последствий применительно к присвоению (ст. 574), неквалифицированному воровству (ст. 581) и мошенничеству (ст. 591) [16, с. 8].

Следует отметить, что в нормах Уложения 1903 года не было норм, предусматривающих возможность освобождения от наказания «вследствие примирения с обиженным». Это было обусловлено тем, что в этом уголовно-правовом акте не регламентировалась ответственность за совершение маловажных преступлений (уголовных проступков), выделенных в сферу действия Устава 1864 года (сохранявшего свое действие), в котором была предусмотрена общая норма (ст. 20), закреплявшая возможность для примирения сторон в указанных законом случаях.

Результаты анализа законодательных актов дореволюционной России позволяют сделать ряд следующих выводов:

Со времен Русской Правды уголовное законодательство России содержало нормы, гарантирующие освобождение от наказания либо его существенное смягчение, при условии добровольного прекращения преступной деятельности и соблюдении предписываемых законом условий.

Начиная с X в., в законодательных актах содержались особые законоположения, часть из которых со временем трансформировалась в общие основания (виды) освобождения (примирение), а часть в условия, необходимые для применения конкретного вида освобождения (явка с повинной, возмещение ущерба, способствование раскрытию совершённого правонарушения).

На протяжении веков изучаемый институт совершенствовался, расширялся перечень основных видов освобождения, формировался специфических «набор» условий, в совокупности составляющих единое основание для применения конкретного вида освобождения. Определялся круг дел, по которым можно было применять тот или иной вид освобождения, и в отношении которых вводились запреты и ограничения. Наряду с общими основаниями освобождения вводились специальные виды для конкретных составов преступлений, которые могли применяться в тех ситуациях, когда отсутствовали основания для применения общих норм. Эти виды предусматривали положения, стимулирующие виновного на положительное послепреступное поведение (объявление с раскаянием своему начальству, предупреждение вредного последствия и т. д.), которые сейчас предусмотрены в нормах-примечаниях к отдельным статьям Особенной части действующего УК РФ.

На протяжении изученного периода широко применялся метод освобождения от ответственности посредством издания узконаправленных подзаконных нормативных актов.

К началу XX в. в уголовном законодательстве России была осуществлена унификация оснований и условий отдельных видов освобождения от наказания, усовершенствована законодательная техника их закрепления. Хотя в тот период времени институт освобождения от наказания не имел четко структурированной системы,

но в целом дореволюционным законодателям удалось сформировать основные элементы, составляющие основы современного института освобождения от уголовной ответственности.

К сожалению, положительный опыт, аккумулированный в дореволюционном законодательстве, после революционных событий октября 1917 года оказался не востребованным в Советской России. Новая власть рабочих и крестьян приняла решение отказаться от всего, что могло быть связано с прежним монархическим режимом, включая и «репрессивное» уголовное законодательство, поэтому советские законодатели начали разрабатывать уголовно-правовые нормы, так сказать, «с нуля». В процессе создания новейшего законодательства начали применяться новые инструменты правового регулирования, в результате этого институт освобождения от уголовной ответственности претерпел существенные изменения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Рос. газ. — № 113. — 1996.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. — Санкт-Петербург. — 1845 (онлайн-версия) [Электронный ресурс]. — URL: https://dlib.rsl.ru/-viewer/01002889696#?page=2 (дата обращения: 19.06.2019).

3. Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности (наказания) в законодательстве России в период утверждения и развития капитализма (1861—1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 330. — С. 100—101.

4. Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности (наказания) в законодательстве России в период абсолютной монархии // Человек: преступление и наказание. — 2009. — № 1. — С. 96—98.

5. Гезгиев М. А. Институт освобождения от уголовной ответственности в историческом дискурсе // Бизнес в законе. — 2009. — № 5. — С. 50—53.

6. Ефремова Н. Институт примирения в истории российской юстиции (дореволюционный период) // Вестник восстановительной юстиции. — 2010. — № 7. — С. 35—40.

7. Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. — М.: Юрид. лит., 1997. — 880 с.

8. Мачульская Е. А. Юридические аспекты явки с повинной // Журнал российского права. — 2008. — № 9. — С. 142—151.

9. Кашапов Р. М. История возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности // Российский следователь. — 2010. — № 13. — С. 38—42.

10. Пирогов П. П., Бойко О. Г. Становление и развитие норм российского уголовного права об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Международного института экономики и права. — 2013. — С. 105—114.

11. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти тт. Т. 1 / Отв. ред. Янин В. Л.; Под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984. — 432 с.

12. Российское законодательство X—XX веков: Акты Земских соборов. В 9-ти т. Т. 3 / Отв. ред.: Маньков А. Г.; Под общ. ред.: О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1985. — 512 с.

13. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти тт. Т. 4 / Отв. ред. А. Г. Маньков; Под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит. 1986. — 512 с.

14. Российское законодательство X—XX веков: Судебная реформа. В 9-ти тт. Т. 8 / Отв. ред. Б. В. Виленский; Под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1991. — 496 с.

15. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский, Г. И. Богуш, Г. Н. Борзенков и др.; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. — М.: Статут, 2012. — 879 с.

16. Щерба С. П., Савкин А. В. Деятельное раскаяние в совершённом преступлении. — М., 1997. — 110 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 23, 2018) // Rossijskaja gazeta, № 113, 18.06.1996.

2. Code of penalties and corrections of 1845 — St. Petersburg. 1845 (online version) [Electronic resource]. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=2 (Date of the application: 19.06.2019).

3. Antonov A. G. Special grounds for exemption from criminal liability (punishment) in Russian legislation during the period of approval and development of capitalism (1861-1917) // Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 330. P. 100—101.

4. Antonov A. G. Special grounds for exemption from criminal liability (punishment) in Russian legislation during the period of absolute monarchy // Man: Crime and Punishment. 2009. No. 1. P. 96—98.

5. Gezgiev M. A. Institute of exemption from criminal liability in historical discourse // Business in Law. 2009. No. 5. P. 50—53.

6. Efremova N. Institute of Reconciliation in the History of Russian Justice (pre-revolutionary period) // Bulletin of Restorative Justice. 2010. No. 7. P. 35—40.

7. Legislation of Peter I / Ed. A. A. Preobrazhensky and T. E. Novitskaya. M.: Jurid. lit., 1997. 880 p.

8. Machulskaya E. A. Legal aspects of confession // Journal of Russian Law. 2008. No. 9. P. 142—151.

9. Kashapov R. M. History of the emergence and development of the institution of exemption from criminal liability // Russian investigator. 2010. No. 13. P. 38—42.

10. Pirogov P. P., Boyko O. G. Formation and development of the norms of Russian criminal law on exemption from criminal liability // Bulletin of the International Institute of Economics and Law. 2013. P. 105—114.

11. Russian legislation of the X—XX centuries: Legislation of Ancient Rus. In 9 vols. T. 1 / Resp. ed. Yanin V.L.; under total. ed. O. I. Chistyakova. M.: Jurid. lit., 1984. 432 p.

12. Russian legislation of the X—XX centuries: Acts of the Zemsky Sobor. In 9 volumes. T. 3 / Resp. ed.: Mankov A.G.; under total. ed.: O. I. Chistyakova. M.: Jurid. lit., 1985. 512 p.

13. Russian legislation X—XX centuries: Legislation of the period of formation of absolutism. In 9 vols. T. 4 / Resp. ed. A. G. Mankov; under total. ed. O. I. Chistyakova. M.: Jurid. lit. 1986. 512 p.

14. Russian legislation X—XX centuries: Judicial reform. In 9 vols. T. 8 / Resp. ed. B. V. Vilensky; under total. ed. O. I. Chistyakova. M.: Jurid. lit., 1991. 496 p.

15. Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook for universities / N. N. Belokobylsky, G. I. Bogush, G. N. Borzenkov and others; ed. V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova. M.: Statut, 2012. 879 p.

16. Shcherba S. P., Savkin A. V. Active repentance for the committed crime. M., 1997. 110 p.

УДК: 343.3/.7
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10062

Цветков Павел Валерьевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург)
E-mail: pavel.tsvetkov.71@mail.ru

Tsvetkov Pavel Valeryevich
senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg)
E-mail: pavel.tsvetkov.71@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОКАЗАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ[1]

Введение: статья посвящена содержанию ст. 184 УК РФ. Проводится анализ объективных и субъективных признаков оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования. Рассматриваются вопросы законодательной регламентации данного преступления. Автором исследуются различные научные точки зрения, связанные с толкованием диспозиции указанной нормы и даются рекомендации по ее совершенствованию.

Материалы и методы: нормативной основой исследования явились нормы российского законодательства, регулирующие уголовно-правовые отношения в области спорта. При написании статьи использовались нормативно-логический, формально-юридический и иные научные методы.

Результаты исследования: позволили сформулировать авторскую позицию о содержании признаков, характеризующих ст. 184 УК РФ, а также уточнить отдельные положения, относящиеся к квалификации оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования.

Выводы и заключения: анализ уголовного законодательства, регулирующего вопросы уголовной ответственности за преступления в области спорта, показал отсутствие единого понимания и толкования признаков состава преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ, что существенно снижает в том числе эффективность работы по пресечению, выявлению, и раскрытию данных преступлений.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

Ключевые слова: деяние; квалификация; противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования; уголовный закон; уголовная ответственность.

CRIMINAL LIABILITY FOR MATCH FIXING — LEGISLATIVE REGULLATION CHALLENGES

Introduction: The article is dedicated to the analysis of art. 184 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal influence on the results of sports). The analysis of objective and subjective signs of illegal influence on the result of an official sports competition is carried out. The issues of legislative regulation of this crime are considered. The author investigates various scientific points of view related to the interpretation of the disposition of this norm and gives recommendations for its improvement.

Materials and Methods: The regulatory framework of the study is formed by the Russian criminal law norms regulating the field of sports. The methods used in this research are the logical legal method and the formal-legal method.

Results of the Study: The author offers a novel approach to the qualification of the crime described in the art. 184 and the ways to clarify certain provisions of law regarding match-fixing.

Findings and conclusions: An analysis of the criminal law norms has shown a lack of common understanding and unified interpretation of the elements of a crime described in art. 184 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author concludes that those circumstances significantly reduce, inter alia, the effectiveness of prevention, detection, and investigation of these crimes.

Keywords: act, qualification, illegal influence on the result of the official competitions, criminal law, criminal liability.

В связи с социально-экономическим развитием страны получают свое распространение всё новые сферы общественных отношений, которые требуют урегулирования, в том числе мерами уголовно-правового характера. Одной из таких областей является специфическая сфера общественных отношений, связанная со спортом. Для достижения целей правового регулирования общественно-спортивных отношений в стране принято значительное количество федеральных и отраслевых нормативно-правовых актов. В их числе отдельные положения уголовного законодательства, к которым, в частности, относятся предписания ст. 184 УК РФ.

На протяжении уже продолжительного периода времени в обществе и в прессе активно обсуждаются так называемые, договорные спортивные матчи, и другие случаи противоправных деяний, связанных с подготовкой, организацией и проведением спортивных состязаний. Подобные явления негативно сказываются

не только на внутренней политике государства в сфере спорта, но и на имидже страны на международной арене. Поэтому одним из оснований уголовно-правового запрета оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований является признание обществом опасности такого рода преступлений. Кроме того, общественная опасность проявляется и в том, что действия виновных лиц идут вразрез с такими нравственными принципами спорта, как уважение соперника, бескомпромиссность борьбы, справедливость состязания, беспристрастность судейства и др.

Ситуация к тому же усугубляется высокой степенью латентности преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ, а также некомпетентностью правоохранительных органов в сфере противодействия оказанию противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований. Проведенный нами опрос населения и представителей правоохранительных органов, проведенный в рамках проекта «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта», показал, что подавляющее большинство граждан, причем не только спортсменов, тренеров, спортивных судей и т. д., но и сотрудников правоохранительных органов, даже не знают о существовании данной статьи.

К причинам низкой эффективности ст. 184 УК РФ, на наш взгляд, можно отнести также ошибки, допущенные в процессе ее конструирования, несистемность юридико-технического построения статьи, влекущие за собой противоречивость и коллизионность нормы.

Наконец, ст. 184 УК РФ носит бланкетный характер, поэтому остается актуальной задача комплексного изучения значительного законодательного массива, что не всегда осуществляется на высоком уровне. Терминология, которая использована в ст. 184 УК РФ, не содержится в других статьях УК РФ, а исследовательских работ, посвященных непосредственно вопросам оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований, не так много. Отсутствует и единство мнений по поводу теоретических аспектов изучаемой темы.

Несмотря на изменения, внесенные в статью в 2013 г.[1] и многочисленные публикации в средствах массовой информации о неблагополучной ситуации в спорте ст. 184 УК РФ по праву можно отнести к числу «мертвых». Анализ уголовной статистики показывает, что по ст. 184 УК РФ не вынесено ни одного приговора. Представляется, что подобная ситуация вызвана также закрытостью спортивного сообщества [12, с. 67].

Однако, прежде всего, латентность данного преступления во многом связана с пробельностью и нечеткостью законодательной конструкции ст. 184 УК РФ.

Для квалификации любого преступления особое значение имеет уголовно-правовая оценка признаков объекта преступления. О месте ст. 184 УК РФ в уголовном

[1] Федеральный закон от 23.07.2013 № 198-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований» //СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 06.07.2020).

кодексе высказано достаточно мнений и суждений. Наиболее распространенным остается понимание того, что объектом данного преступления являются нормальные экономические отношения, а само преступление заключается в проявлении монополизма и недобросовестной конкуренции [2, с. 57—58]. Именно этим ряд авторов обосновывает нахождение ст. 184 УК РФ в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» [4, с. 93—94; 9].

Но можно встретить и иные трактовки отличительных свойств объекта преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ. В их числе называют общественные отношения, регулирующие осуществление профессиональной спортивной деятельности [7, с. 171—173]; обеспечивающие интересы предпринимательства в сфере проведения профессиональных спортивных соревнований, которые представляют собой особый вид услуг коммуникативно-развлекательного характера [13, с. 101—102], а также нормализованный и регламентированный законом порядок проведения официальных спортивных соревнований [1, с. 30—34].

Учитывая этическую и воспитательную составляющую спорта, представляется, что содержание правоотношений в сфере спорта заключается не столько в конкуренции между экономическими субъектами, сколько в соперничестве участников состязаний в целях достижения наилучшего результата. Именно взаимный интерес как участников спортивных мероприятий, так и их зрителей, честная игра как очевидная воспитательная составляющая спорта позволяет нам говорить о том, что данное преступление в первую очередь посягает на общественную нравственность. Необходимо признать, что «непосредственным объектом подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов понимаются общественные отношения, обеспечивающие подготовку, организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований <...> в условиях справедливости, объективности и беспристрастности» [6, с. 31—33], но, прежде всего, общественная нравственность. В связи с чем можно согласиться с Д. Н. Изотовым, который предлагает данную норму разместить в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» [6, с. 31—33].

Прежде чем давать характеристику объективной стороны состава преступления, следует отметить, что содержание ст. 184 УК РФ противоречит ее названию. Дело в том, что ст. 184 УК РФ называется «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», однако диспозиции норм, предусмотренные в разных частях статьи 184 УК РФ, указывают на то, что оказание противоправного влияния на результат выступает в качестве цели преступления. Таким образом, законодатель непоследовательно подошел к вопросу о криминализации деяния: с одной стороны, это наступление общественно опасных последствий в виде оказания противоправного влияния на результат, как указано в названии ст. 184 УК РФ, с другой, — определенные преступные действия, которые направлены на достижение последствий в виде оказания противоправного влияния на результат. Представляется в данном случае, что приоритет следует отдавать диспозиции ст. 184 УК РФ, а не её названию, несмотря на указанное противоречие.

При установлении оснований для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности необходимо определить признаки, описывающие особенности внешнего проявления совершённого деяния, образующие его объективную сторону.

Как следует из закона, объективная сторона ст. 184 УК РФ может быть выражена в следующих действиях:

а) передаче денег, ценных бумаг или иного имущества;

б) оказании услуг имущественного характера;

в) предоставлении иных имущественных прав;

г) принуждении или склонении к оказанию влияния на результат спортивного соревнования;

д) предварительном сговоре с лицами, указанными в законе для достижения преступного результата.

Иначе говоря, речь в основном идет о подкупе, принуждении и склонении, а также предварительном сговоре.

При ответе на вопрос, что считается подкупом, необходимо учитывать, что критерием криминализации подкупа является специфика социальной деятельности лица, желаемое поведение которого обеспечивается с помощью подкупа. Эта специфика состоит в том, что от выбора лицом конкретного варианта поведения из ряда фактически возможных в силу его особого социального статуса зависит наступление тех или иных социально значимых последствий. В связи с тем, что лицо, обладающее особым социальным статусом, может выбрать неправомерный вариант своего поведения не только по факту вручения ему вознаграждения, а также в случаях, когда такое вручение лишь потенциально возможно (т. е. обещается ему), считаем, что правы те авторы, которые приравнивают к подкупу и случаи обещания последующего вознаграждения за совершение определенных действий в пользу виновного лица.

Еще один вопрос, который возникает при характеристике подкупа в рамках ст. 184 УК РФ: может ли данное преступление быть совершено не только в виде подкупа, но и в виде благодарности (по аналогии с получением взятки в виде взятки-подкупа и взятки-благодарности)?

Подкуп отличается от благодарности наличием предварительной договоренности о последующей передаче вознаграждения за определенные действия в интересах дающего, т. е. не имеет значения момент передачи ценностей: как при подкупе, так и при благодарности они могут быть переданы уже после совершения действий в пользу «дарителя». Благодарность характеризуется тем, что предмет вознаграждения передается без предварительной договоренности, в знак благодарности за выполнение каких-либо профессиональных обязанностей в интересах дающего такое вознаграждение. В диспозиции ч. 1 ст. 184 УК РФ говорится лишь о подкупе, поэтому вопрос об ответственности лиц не только за подкуп, но и за дачу (получение) ценностей в виде благодарности остается неразрешенным. Вместе с тем считаем, что применительно к подкупу в рамках ст. 184 УК РФ о благодарности не может идти речи, поскольку само указание в диспозиции нормы на специальную цель совершения преступления (оказание противоправного влияния на результат) исключает такую возможность.

Несмотря на многообразие способов неправомерного принуждения, представляется необходимым выделить сущностную черту принуждения, а именно, — подавление воли лица, на которого направлено воздействие. В этой связи спорно мнение ученых, которые к способам принуждения также относят обещание продвижения по службе, незаконное ограничение (нарушение) прав, использование фальсифицированных доказательств, подкуп, обман, обещание представить к поощрению и даже советы [22]. Представляется, такой подход к пониманию принуждения не совсем верный, т. к. включает в себя способы воздействия, которые изменяют волю лица, а не подавляют ее. Перечисленные методы воздействия на волю лица представляют действия, направленные на тот же результат, т. е. определенное поведение лица, однако не снимающие, а изменяющие волю лица, вследствие чего отпадает необходимость в применении к нему принуждения [7, с. 283].

На наш взгляд, неправомерное принуждение должно обладать следующими признаками:

1) предъявление потерпевшему требования избрать определенный вариант поведения;

2) подавление воли потерпевшего путем применения к нему (его близким) физического или психического насилия, либо иное посягательство на права и законные интересы указанных лиц;

3) целью виновного является совершение потерпевшим нужных для преступника действий или воздержание от нежелательных действий.

В итоге принуждение к оказанию противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования можно определить как предъявляемое потерпевшему требование выполнить определенные действия или воздержаться от совершения каких-либо действий с целью оказания противоправного влияния на результат мероприятия, совершенное с применением к потерпевшему или его близким физического или психического насилия либо с иным посягательством на права и законные интересы указанных лиц.

Наряду с принуждением законодатель в качестве способа оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования указывает также склонение, подразумевая, таким образом, что эти способы различаются по своему содержанию. Тем не менее принуждение и склонение в некоторых случаях являются идентичными по своей сути, можно сказать, синонимичными понятиями, поэтому их упоминание в ст. 184 УК РФ в качестве самостоятельных противоправных действий может привести к некоторым проблемам на практике.

В юридической литературе склонению даются различные определения, но все они сводятся к тому, что под склонением понимаются действия, побудившие склоняемое лицо совершить конкретное преступление. Легального определения понятию склонения российское уголовное право не знает, однако упоминание этого термина находит свое отражение как в Общей, так и в Особенной частях УК РФ.

Считаем, что целесообразно выделить характерные черты склонения, что даст возможность его разграничения со схожими действиями. Склонение обладает следующими признаками:

1) это активные действия виновного лица;

2) эти действия направлены на конкретное лицо; в этом отличие склонения от агитации и пропаганды;

3) изменение воли склоняемого лица.

Склонение к чему-то предполагает взаимодействие воли склоняющего лица и воли склоняемого лица, когда воля склоняемого формируется под влиянием уговоров, просьб, убеждений. Этот признак существенным образом отличает склонение от принуждения, которое характеризуется не изменением, а подавлением воли потерпевшего. Кроме того, за склоняемым лицом остается право выбора своего поведения, поэтому считаем, что склонение должно характеризоваться исключительно как ненасильственное воздействие на потерпевшего. Это позволило бы отграничить склонение, прежде всего, от принуждения и оправдало бы нахождение этих двух самостоятельных преступных действий в одной норме.

Также является проблемой уяснение момента окончания преступления в виде склонения к оказанию противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Можно предложить два варианта решения данного вопроса:

1) преступление окончено с момента выполнения активных действий, направленных на склонение лица к оказанию противоправного влияния на результат мероприятия;

2) преступление окончено только в том случае, когда фактически наступили последствия в виде оказания противоправного влияния на результат.

Схожую проблему относительно момента окончания преступления применительно к ст. 230 УК РФ (склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) разрешил Верховный суд РФ, указав, что «для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство или психотропное вещество»[1].

Данное разъяснение Пленума ВС РФ, на наш взгляд, в полной мере применимо и к рассматриваемой нами ситуации. Соответственно, склонение к оказанию противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса окончено с момента выполнения действий по склонению, и наступление последствий в виде противоправного влияния на результат мероприятия не имеет значения для квалификации деяния.

В уголовном праве сговором признается один из способов приготовления к совершению преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ), а также одна из форм соисполнительства в совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ). В этих двух случаях сговор понимается как предварительная договоренность лиц о совместном совершении преступления.

Предварительный сговор с целью оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования является случаем криминализации

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 // «Консультант плюс» (дата обращения: 10.07.2020).

сговора как самостоятельного преступного действия. Но и в этом случае сущность сговора остается прежней — это достижение соглашения. Тем не менее в отличие от сговора как способа приготовления и сговора как формы соисполнительства предварительный сговор в рамках ст. 184 УК РФ обладает своей спецификой. Ее суть заключается в том, что субъектами сговора в ст. 184 УК РФ являются не соисполнители преступления, а исполнитель и лицо, которое собирается действовать в интересах исполнителя. Вместе с тем это двуединое преступление, т. к. уголовная ответственность предусмотрена и в отношении лица, которое собирается действовать в интересах исполнителя (ч.ч. 3 и 4 ст. 184).

Таким образом, в ст. 184 УК РФ под предварительным сговором понимается достижение соглашения между виновным и лицом, которое намеревается действовать в его интересах, оказывая противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования.

И хотя в законе достаточно подробно описываются способы совершения преступления, всё же нельзя исключить, что достижение преступной цели, связанной с оказанием влияния на результат спортивного соревнования, может быть осуществлено и иными способами, и методами, не указанными в нем. В данном случае следует поддержать специалистов, полагающих, что оказание влияния на результат соревнования возможно также посредством допущения умышленных нарушений медицинского контроля за физическим состоянием спортсменов, которые, в свою очередь, могут выражаться в допуске к спортивным встречам участников, явно имеющих отклонения в состоянии здоровья [17, с. 28], либо очевидно не отвечающих требованиям такого соревнования [21, с. 375].

Помимо этого, нужно обратить внимание на такой специфический способ оказания влияния на результат спортивного состязания, как провокационно противоправное поведение болельщиков, способное привести к всплеску негативного общественного волнения, демонстрации негуманных и оскорбительных действий, использованию различного рода пиротехнических средств во время проведения соревнований и т. д.

Традиционно поведение болельщиков квалифицируется либо как хулиганство, либо как действия экстремисткой направленности. Хотя представляется, что это не всегда и не совсем так. Но пока указанная проблема остается лишь предметом дискуссий [16, с. 32] и должной правовой оценки не получила.

Как известно, одним из распространенных нарушений правил спортивной этики сегодня является плохо поддающееся контролю употребление биохимических стимуляторов физической и психической работоспособности (допинга) спортсменами во время подготовки и в ходе соревновательной деятельности. Уместно предположить, что принятие спортсменами запрещенных препаратов, воздействующих на повышение уровня активности организма, аналогичным образом преследует цель оказать положительное влияние на результат спортивного соревнования. Необходимо заметить, что в 2016 г. УК РФ был дополнен составами преступлений, предусматривающими ответственность за склонение спортсменов к использованию либо применение в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использо-

вания в спорте (ст. 230[1] и ст. 230[2] УК РФ)[1]. А потому в связи со схожестью факультативного элементного состава субъективной стороны преступлений, указанных в ст. 230[1] и ст. 230[2] УК РФ с характеристиками противоправного деяния, закрепленного в ст. 184 УК РФ, представляется разумным законодательно регламентировать в качестве альтернативного способа оказания неправомерного воздействия на результат официальных спортивных соревнований склонение и использование в отношении спортсменов непозволительных приемов и веществ [19, с. 37; 20, с. 324].

Стоит также отметить, что до сих пор является спорным вопрос, связанный с определением и конкретизацией признаков субъекта данного преступления, поскольку в ч. 1, 2 и 5 ст. 184 УК РФ отсутствует специальный перечень лиц, подлежащих уголовной ответственности за совершение данного деяния. В науке уголовного права преобладает солидарное мнение о признании таковым вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет [8, с. 567].

В то же время ч. 3 в качестве субъектов особо выделяет спортсменов, тренеров, руководителей спортивной команды и других участников официального спортивного соревнования, а в ч. 4 ст. 184 УК РФ специально установлена ответственность за действия, предусмотренные ч. 3 названной статьи, спортивными судьями и организаторами официальных спортивных соревнований.

Представляется, что указанный в законе круг специальных субъектов необоснованно заужен, поскольку противоправное влияние в исследуемой сфере общественных отношений могут осуществить не только перечисленные выше субъекты, а также и другие лица.

Межличностные взаимоотношения в сфере спорта обладают определенной спецификой. И в этой связи заслуживают внимания позиции авторов, предлагающих в качестве обеспечительных мер повышения уровня эффективности уголовно-правовой охраны ценностей, имеющих социально-первостепенное значение в сфере спорта, признать в числе специальных субъектов спортивных агентов, которые в силу своего статуса имеют личную заинтересованность в результате спортивного соревнования и могут оказать соответствующее неправомерное воздействие на своего спортсмена или команду [15; 11, с. 177].

Кроме того, высказывается мнение о необходимости расширения списка специальных субъектов рассматриваемого противозаконного деяния путем включения в него владельцев и руководителей физкультурно-спортивных клубов, поскольку они также заинтересованы в силу разных причин в положительном исходе соревнования с участием спортсменов, сотрудничающих в рамках своей профессиональной деятельности с данной спортивной организацией [14, с. 10; 3, с. 100].

Тем не менее, учитывая специфику спорта, представляется, что увеличение перечня специальных субъектов не способно в полной мере решить стоящие перед ст. 184 УК РФ задачи. На наш взгляд, нужно признать, что практически у каждого ли-

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил: федер. закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ) // Рос. газ. № 266. 24.11.2016.

ца, имеющего непосредственное отношение к спортсмену или к команде, к спортивному соревнованию, и в силу разных причин либо разных мотивов, причем не только корыстных, имеется возможность оказать влияние на результат спортивного соревнования. Такими лицами могут быть и родственники спортсменов, и врачи, и т. д. В связи с этим для достижения необходимого уровня охраны рассматриваемых нами общественных отношений, следует поддержать позиции авторов, предлагающих закрепить в ч. 3 ст. 184 УК РФ ответственность общего субъекта при сохранении отягчающего обстоятельства названного преступления, указанного в ч. 4 ст. 184 УК РФ. При этом, имея в виду, что, с одной стороны, подобные лица в силу своего положения имеют непосредственное влияние на спортсменов или спортивное мероприятие и пользуются этим, с другой стороны, их профессиональный статус уже сам по себе обладает повышенной степенью общественной опасности [5, с. 110; 10, с. 182].

При рассмотрении вопросов, касающихся описания признаков субъективной стороны ст. 184 УК РФ, можно отметить, что вина данного преступления выражается в форме прямого умысла. Причем прямой умысел большинством специалистов рассматривается исключительно в рамках достижения цели оказать влияние на результат спортивного соревнования либо принудить или склонить других лиц к оказанию этого влияния. В литературе обращается также внимание на отсутствие законодательной фиксации цели, а именно осознанное создание условий, направленных на изменение исхода спортивного соревнования для устранения свойственного данным состязаниям непредсказуемости [18, с. 152; 4, с. 169]. В этой связи полагаем, что понимание целей, содержащихся в действующей редакции уголовного закона, вполне достаточно для конкретизации признаков объективной стороны противоправных деяний на различных стадиях подготовки, организации и проведения соревнований.

Завершая анализ ст. 184 УК РФ нужно отметить, что практически все составляющие её как объективные, так и субъективные признаки вызывают дискуссии, и их очевидная непроработанность влияет на качество применения её на практике и порождает необходимость в более четкой законодательной регламентации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бацин И. В. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ) // Российский следователь. — 2016. — № 12. — С. 30—34.

2. Волженкин Б. В. Экономические преступления. — СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс». — 1999 — 312 с.

3. Грибов А. С. Пробелы в регламентации отдельных признаков оказания противоправного влияния на результаты спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ) // Юридическая наука. — 2014. — № 2. — С. 100—102.

4. Ермакова Я. А. Субъективная сторона оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 1 (74). — С. 169—170.

5. Ермакова Я. А. Субъекты оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 5 (149). — С. 107—110.

6. Изотов Д. Н. О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе Особенной части УК РФ // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 31—33.

7. Кобозева Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. — 2008. — № 1. — С. 283.

8. Костин Д. А. К вопросу о правовом регулировании в сфере спортивной деятельности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2015. — № 6. — С. 171—173.

9. Кротов А. О., Селивановская Ю. И. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ: оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса // Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 6—8 ноября 2015 г. /Под ред. Б. А. Акишина, Т. Ю. Покровской. — Казань: Изд-во КНИТУ-КАИ, 2015. — С. 566—568

10. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. — М.: Юрлитформ, 2015. — 330 с.

11. Николаев К. Д. Совершенствование регламентации уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса в контексте унификации уголовно-правовых запретов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5. — № 2. — С. 175—184

12. Попова Ю. П. Правовое положение спортивного агента // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — Т 3. — № 1. — С. 172—186.

13. Рахманова Е. Н. О коррупционных рисках в спорте// Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: сб. науч. ст. / Под ред. Н. А. Петухова, Е. В. Рябцевой. — Симферополь, 2020. — С. 64—71

14. Рябов И. Г. Особенности развития социально-экономических отношений в сфере профессионального спорта // Современная конкуренция. — 2011. — № 2 (26). — С. 101—102.

15. Сараев В. В. Законодательное обеспечение борьбы с договорными матчами: теория и практика // Спорт: экономика, право, управление. — 2012. — № 2. — С. 9—13.

16. Сараев В. В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2009. — 22 с.

17. Сорокина Т. С. К вопросу об ответственности болельщиков за неправомерные действия во время проведения спортивных соревнований // Российский следователь. — 2013. — № 9. — С. 30—33.

18. Сорокина Т. С. Оказание влияния на результат спортивных соревнований как цель совершения общественно опасных деяний в сфере профессионального спорта // Юридическое образование и наука. — 2014. — № 2. — С. 26—29.

19. Улезько С. И., Ганус А. С. Особенности субъективной стороны оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 5. — С. 149—152.

20. Федоров А. В. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена допинга //Российский следователь. — 2017. — № 12. — С. 34—39.

21. Цветков П. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений в области спорта и при проведении зрелищных коммерческих конкурсов // Бизнес. Образование. Право. — 2018. — № 2 (43). — С. 322—325.

22. Цветков П. В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в области спорта // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по мат-лам IV всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Е. Н. Рахманова. — СПб: ИД «Петрополис», 2016. — С. 365—377.

22. Шарапов Р. Д. Преступное насилие: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2009. — С. 44.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Batsin I. V. Exerting illegal influence on the result of an official sports competition or a spectacular commercial competition (article 184 of the criminal code of the Russian Federation) // Russian Investigator. 2016. № 12. P. 30—34.

2. Volzhenkin B. V. Economic crimes. — Saint Petersburg: Publishing House “Legal center Press”. 1999. 312 p.

3. Gribov A. S. Gaps in the regulation of certain signs of unlawful influence on the results of sports competitions or spectacular commercial competitions (article 184 of the criminal code of the Russian Federation) / / Legal Science. 2014. № 2. P. 100—102.

4. Ermakova J. A. the Subjective aspect of the provision of illegal influence on results of official sports competitions // Current Problems of Russian Law. 2017. № 1 (74). P. 169—170.

5. Ermakova Ya. A. Subjects of illegal influence on the result of an official sports competition // Law and State: theory and practice. 2017. № 5(149). P. 107—110.

6. Izotov D. N. on the place of bribery of participants and organizers of professional sports competitions in the system of the Special part of the criminal code of the Russian Federation // Business in Law. Economic and legal journal. 2013. № 3. P. 31—33.

7. Kobozeva T. Yu. Category “coercion” in the criminal law of Russia // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2008. № 1. P. 283.

8. Kostin D. A. On the issue of legal regulation in the field of sports activities / / Business in Law. Economics and law journal, 2015. № 6. P. 171—173.

9. Moles A., Selivanovskaya Y. I. Analysis of structure of a crime under article 184 of the criminal code: provision of illegal influence on results of official sports competitions and entertainment commercial contest // Physical education and student sport through the eyes of students: materials of all-Russian scientific-practical conference with international

participation. Kazan, November 6—8, 2015 / edited by B. A. Akishin, T. Y. Pokrovskaya. Kazan: KNITU-KAI Publishing house, 2015. P. 566—568.

10. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis. Moscow: Yurlitform, 2015. 330 p.

11. Nikolaev K. D. Improving the regulation of criminal liability for exerting unlawful influence on the result of an official sports competition or a spectacular commercial competition in the context of unification of criminal law prohibitions // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2019. Vol. 5. № 2. P. 175—184.

12. Popova Yu. P. Legal status of a sports agent // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2017. T 3. № 1. P. 172—186.

13. Rakhmanova E. N. About corruption risks in sports// Prevention of corruption in public authorities of the Russian Federation: collection of scientific articles / ed. by N. A. Petukhov, E. V. Ryabtseva. Simferopol, 2020. P. 64—71.

14. Ryabov I. G. Features of development of social and economic relations in the sphere of professional sports // Modern Competition. 2011. № 2 (26). P. 101—102.

15. Saraev V. V. Legislative support of the fight against contractual matches: theory and practice // Sport: Economics, Law, Management. 2012. № 2. P. 9—13.

16. Saraev V. V. Criminal and legal protection of modern professional sports in Russia: abstract of the thesis of the Candidate of Law. Omsk, 2009. 22 p.

17. Sorokina T. S. On the issue of responsibility of fans for illegal actions during sports competitions // Russian Investigator. 2013. No. 9. P. 30—33.

18. Sorokina T. S. Influence on the result of sports competitions as a goal of committing socially dangerous acts in the sphere of professional sports // Legal Education and Science. 2014. № 2. P. 26—29.

19. Ulezko S. I., Ganus A. S. Features of the subjective side of providing illegal influence on the result of an official sports competition -// Problems of Economics and Legal Practice. 2017. № 5. P. 149—152.

20. Fedorov A. V. Criminal liability for the use of doping in relation to an athlete // Russian Investigator. 2017. № 12. P. 34—39.

21. Tsvetkov P. V. Some questions of qualification of crimes in the field of sports and when conducting spectacular commercial competitions // Business. Education. Law. 2018. № 2 (43). Pp. 322—325.

22. Tsvetkov P. V. Some questions of criminal liability for crimes committed in the field of sports // Criminal policy and law enforcement practice: Collection of articles based on the materials of the IV all-Russian scientific and practical conference / Ed. by E. N. Rakhmanov. 2016. Saint Petersburg: “Petropolis” publishing house, 2016. P. 365—377.

22. Sharapov R. D. Criminal violence: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2009. P. 44

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК: 343.132
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10063

Грачев Сергей Александрович
доцент кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: sergeyag@inbox.ru

Grachev Sergey Alexandrovich
associate professor of Preliminary Investigation Department,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
candidate of Law, Associate Professor
E-mail: sergeyag@inbox.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ ПРИ ОСМОТРЕ МОБИЛЬНОГО УСТРОЙСТВА: КОЛЛИЗИЯ ТОЛКОВАНИЙ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ РОССИИ ТРЕБУЕТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ

Введение: в статье на основе анализа правоприменительной практики и правовых позиций высших судебных инстанций страны рассматривается проблема ограничения конституционных прав граждан при доступе к электронной памяти мобильных устройств (смартфонов, сотовых телефонов), изъятых органами дознания и предварительного расследования во внесудебном порядке. Изъятые в процессе внесудебных следственных действий (осмотр, обыск в помещении, личный обыск задержанного подозреваемого) мобильные устройства подвергаются в дальнейшем осмотру и экспертному исследованию, в результате которых имеющаяся в памяти устройства информация используется в доказывании по уголовным делам. Существующая практика позволяет органам предварительного расследования ограничивать конституционные права граждан, не обращаясь в суд и не уведомляя его о проведенных действиях.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, правовые позиции высших судебных инстанций страны, объективированные в решениях Конституционного и Верховного судов РФ, регламентирующие перечень, условия и основания ограничения конституционных прав граждан. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: в ходе проведенного анализа следственно-судебной практики, требований нормативных актов и правовых позиций высших судебных инстанций сформулированы правила получения в процессе правоохранительной деятельности мобильных устройств и работы с находящейся в их электронной памяти конфиденциальной информацией. В ходе производства осмотра или экспертизы с рассматриваемыми объектами могут быть ограничены конституционные права граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки и переговоров, банковскую тайну во внесудебном порядке.

Выводы и заключения: предлагается установить судебный контроль за рассматриваемой деятельностью, связанной с обращением с электронной памятью мобильного устройства в рамках предшествующего или последующего судебного контроля.

Ключевые слова: конституционные права личности, осмотр абонентского устройства, экспертиза, электронная память мобильного устройства, внесудебное изъятие мобильного устройства, судебный контроль, правовые позиции высших судебных инстанций.

CONSTITUTIONAL RIGHTS OF THE INDIVIDUAL WHEN INSPECTING A MOBILE DEVICE: CONFLICT OF INTERPRETATIONS IN THE LEGAL POSITIONS OF THE HIGHEST COURTS OF RUSSIA REQUIRES LEGISLATIVE PERMISSION

Introduction: based on the analysis of law enforcement practice and legal positions of the highest courts of the country, the article deals with the problem of limiting the constitutional rights of citizens when accessing the electronic memory of mobile devices (smartphones, cell phones) seized by the bodies of inquiry and preliminary investigation out of court. Mobile devices seized in the course of extrajudicial investigative actions (inspection, search in the premises, personal search of the detained suspect) are subject to further inspection and expert research, as a result of which the information available in the memory of the device is used in proving criminal cases. The existing practice allows the bodies of the preliminary investigation to limit the constitutional rights of citizens without going to court and without notifying him about the actions taken.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, legal positions of the highest courts of the country, objectified in the decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, regulating the list, conditions and grounds for limiting the constitutional rights of citizens. The methodological basis of the study was the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: in the course of the analysis of investigative and judicial practice, the requirements of regulations and legal positions of the higher courts, the rules for obtaining mobile devices in the process of law enforcement and working with information containing confidential information in their electronic memory are formulated. In the course of the inspection or examination of the objects under consideration, the constitutional rights of citizens to inviolability of the home, the secrecy of correspondence and negotiations, banking secrecy may be limited out of court.

Findings and Conclusions: it is proposed to establish judicial control over the activities under consideration related to the treatment of electronic memory of a mobile device within the framework of previous or subsequent judicial control.

Keywords: constitutional rights of the individual, inspection of the subscriber device, examination, electronic memory of the mobile device, extrajudicial seizure of the mobile device, judicial control, legal positions of the higher courts.

Одной из проблем прямого действия конституционных норм, регламентирующих права человека и гражданина, является неурегулированная в должной мере процедура доступа в электронную память абонентских устройств, осуществляемая сотрудниками правоохранительных органов на этапе проверки сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, а также в ходе предварительного расследования. Не в последнюю очередь она связана с развитием указанных устройств — сотовых телефонов и смартфонов, поскольку установленные в них приложения позволяют при их осмотре зафиксировать отдельные эпизоды жизни человека, составляющие охраняемые Конституцией РФ права и свободы личности.

Приложения, устанавливаемые на мобильные устройства абонентом, весьма разнообразны. Они позволяют гражданину общаться с родственниками и знакомыми, управлять перечислениями по банковским счетам, оплачивать покупки, фиксировать местонахождение детей и отчасти контролировать их поведение, фотографировать отдельные события в жизни, контролировать перемещения владельца мобильного устройства и т. п.

Доступ к указанным мобильным устройствам и к установленных в них приложениям позволяет получить и использовать в дальнейшем значительное количество сведений об обстоятельствах личной жизни владельца абонентского устройства. Данная информация представляет интерес как для криминала, так и для сотрудников правоохранительных органов, которые могут использовать такую информацию для раскрытия преступления и в доказывании фактических обстоятельств дела.

Приложение «мобильный банк» позволяет зафиксировать не только сведения, составляющие банковскую тайну (о счетах гражданина и движении средств по ним). В некоторых случаях информация о пользовании денежными средствами позволяет (при изучении информации, находящейся в памяти мобильного устройства) установить, где гражданин находился в тот или иной момент времени. Например, если гражданин оплачивает покупки с помощью мобильного устройства, то в его памяти остается информация о месте нахождения магазина и стоимости совершенной покупки. Приложение «мобильный банк» может хранить в себе сведения о месте и времени покупок, оплаты счетов и услуг [1].

В отдельных случаях привязанный мобильный банк к конкретному абонентскому номеру позволял совершать хищения со счета клиента, перешедшего на другой номер мобильной связи (к другому оператору) или с помощью дубликата сим-карты [2]. Это происходило тогда, когда абонент, переставая использовать номер мобильной связи, не отключал от него приложение «мобильный банк». Новый абонент, используя в дальнейшем данный номер мобильной связи, получал извещения о проводимых операциях по банковскому счету и в ряде случаев совершал с данного счета хищения. Опыт расследования отдельных преступлений позволяет констатировать, что преступники закупали сим-карты сотнями с целью проверки подключенных к ним приложений и последующего хищения со счетов денежных средств.

«Фитнес-приложения» хранят и позволяют установить в дальнейшем маршрут движения гражданина в тот или иной период времени, в том числе и с привязкой к карте населенного пункта, в котором гражданин находился в данный момент времени. Достаточно вспомнить хотя бы скандал с военнослужащими армии США, которые занимались физической подготовкой в «фитнес-браслетах», синхронизированных с мобильными устройствами и установленными на них приложениями, что привело к обнародованию сведений о местах расположения военных баз за границами США [3][1].

Информация из телефонной книги устройства позволяет установить круг знакомых владельца сотового телефона, время и продолжительность совершенных (исходящих и входящих) звонков другим абонентам. Также память мобильного устройства может содержать сведения об СМС и других сообщениях, полученных владельцем мобильного устройства и направленных им другим абонентам.

Установленный в смартфоне браузер и наличие доступа в Интернет позволяет абоненту заходить на различные сайты, в том числе в почтовые сервисы и социальные сети, в которых ведется активная переписка, публикация сообщений, обмен текстовыми и иными файлами, фото-, видеоматериалами, делаются пометки «лайк» в отношении понравившихся сообщений, «репосты» (копирование сообщений на свои страницы в социальных сетях) и т. п. В некоторых случаях абоненты мобильных устройств устанавливают логин и пароль для входа на эти сайты по умолчанию, что позволяет в дальнейшем с данного устройства зайти на указанные страницы любому лицу, без введения логина и пароля и без согласия на то владельца.

То же самое с установленными почтовыми приложениями — мессенджерами, которые содержат в себе информацию о переписке и обмене информацией владельца данного мобильного устройства с другими пользователями, также установившими указанное приложение на свой смартфон.

Имеющаяся на каждом мобильном устройстве камера позволяет делать фотографии и хранить их в памяти устройства. Эти фотографии также могут касаться отдельных сторон жизни человека, затрагивающих охраняемую Конституцией тайну. На фотографиях могут быть изображения документов, человека в конкретном месте

[1] Данные о военных базах США стали доступны благодаря фитнес-трекерам [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/politics/29/01/2018/5a6e92369a7947613df97252 (дата обращения: 30.06.2020).

или с конкретными людьми. Нередкими в последнее время стали публикации в сети Интернет фотографий, касающихся интимных сторон жизни человека, похищенных с мобильных устройств и их приложений неустановленными лицами [4]. Аналогичную, по сути, информацию о переговорах водителей и пассажиров могут содержать сведения, зафиксированные в памяти видеорегистратора, установленного в автомобиле.

Приложение «умный дом» позволяют определить место нахождения недвижимости у лица, просмотреть, в том числе и ретроспективно, содержимое записи камер видеонаблюдения, установленных в жилище или возле него, управлять доступом в указанное жилище [5].

Приложение «родительский контроль», установленное на мобильном устройстве родителя и ребенка, позволяет в некоторых случаях не только фиксировать местонахождение несовершеннолетнего, но и с помощью камеры и микрофона, имеющихся в мобильном устройстве ребенка, контролировать происходящее вокруг него [6][1].

Как показывает практика, изучение в рамках уголовного дела данной информации по отдельным категориям дел позволяет получить значимые обстоятельства для расследования. В некоторых случаях получение информации из электронной памяти мобильного устройства позволило раскрыть преступление, доказать причастность конкретного лица в его совершении, установить сообщников обвиняемого и т. п. Об отдельных аспектах возможностей средств сотовой связи по хранению в них различных видов информации и недооценке возможностей использования ее в доказывании отмечает Н. А. Архипова [7, с. 16][2].

Возможности сотрудников правоохранительных органов по использованию рассматриваемой информации известны и их оппонентам. В качестве одной из форм противодействия раскрытию и расследованию преступлений, которую начали применять преступники в последние годы, с учетом развития сотовой связи и возможностей правоохранительных органов по контролю за данной информацией, является так называемый прием «выгулять телефон». Состоит он в том, чтобы на время совершения преступления передать свое мобильное устройство знакомому или родственнику, находящемуся в другом месте. В случае получения правоохранительными органами информации об исходящих и входящих соединениях с соответствующим абонентским номером с указанием расположением базовых станций и азимутов во время подготовки и совершения преступления, она не может быть положена в основу обвинения. В свою очередь, преступники, анализируя данную информацию, утверждают о своем алиби, которое используют в процессе защиты от проводимого уголовного преследования. На другие способы противодействия расследованию уголовных дел лицами,

[1] Родительский контроль на телефоне ребёнка | что это, как установить // http://phones-tapping.com/interception-theory/650-roditelskij-kontrol-na-telefone-rebyonka-chto-eto-kak-ustanovit.html

[2] Архипова Н. А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений: сб. мат-лов криминалист. чтений. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2014. № 10. С. 16.

обладающими специальными познаниями в области информационно-телекоммуникационных технологий, обращают внимание А. В. Булыжкин и В. Ф. Васюков [8][1]

Естественно, мы не можем рассмотреть все возможности, которые позволяют использовать имеющиеся приложения для таких устройств. Отметим лишь то, что такие возможности в дальнейшем будут только расширяться, поскольку они повышают уровень жизни гражданина. Соответственно, имеющаяся в смартфоне информация представляет безусловный интерес для правоохранительных органов, поэтому возможности по доступу к ней и порядок её использования требует дальнейшего осмысления.

Подчеркнем, что информация, имеющаяся в памяти мобильных устройств, может затрагивать не только конституционное право личности на тайну телефонных переговоров, но и другие права — банковскую тайну, тайну иных сообщений, неприкосновенность частной жизни, жилища и др. Поэтому порядок обращения (изъятия, осмотра, исследования) сотрудниками правоохранительных органов с мобильными устройствами должен быть таковым, чтобы конституционные права личности необоснованно не ограничивались. Ограничение их должно происходить в рамках конституционного положения о судебном санкционировании или последующем судебном контроле.

Нарушение этого правила, как нарушение норм Конституции, должно рассматриваться как несоответствующее закону. Полученные при этом доказательства должны быть признаны недопустимыми.

Вместе с тем в практике деятельности органов дознания и предварительного следствия имеются ситуации, в которых сотрудники этих органов изымали, осматривали и назначали экспертизы по мобильным устройствам во внесудебном порядке [9][2]. Лица, чьи мобильные устройства без их согласия подвергались изучению, обжаловали данные действия, как в судах общей юрисдикции, так и в Верховном и Конституционном судах Российской Федерации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 30 сентября 2014 г. по делу № 55-О14-6, рассмотрев доводы осужденного о том, что изъятый у него во внесудебном порядке мобильный телефон был осмотрен без судебного решения, указала, что осмотр указанного мобильного телефона проведен следователем в соответствии со ст. 176 УПК РФ. Нарушений указанного порядка осмотра допущено не было. Судебного решения для такого осмотра не требовалось. Поэтому приговор был основан на допустимых доказательствах [10].

Конституционный суд РФ рассмотрел жалобу гражданина Прозоровского Д. А., который посчитал, что нормы УПК РФ нарушают его конституционные права на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, поскольку допускают

[1] Булыжкин А. В., Васюков В. Ф. Некоторые аспекты расследования хищений, совершаемых с использованием средств сотовой связи // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 22—28.

[2] Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 46.

возможность получения органом предварительного следствия информации о соединениях между абонентскими устройствами, текстов переписки, почтовых и иных сообщений входе производства осмотра и компьютерно-технических экспертиз изъятых абонентских устройств без получения судебного решения. В своем определении от 25 января 2018 г. № 189-О Конституционный суд РФ [11], признав жалобу неприемлемой, указал, что проведение осмотра и экспертизы для получения информации из электронной памяти абонентских устройств, изъятых в установленном законом порядке, не требует судебного решения. Если владельцы абонентских устройств считают, что их конституционные права нарушаются производством этих следственных действий, они вправе их обжаловать в порядке ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, и Верховный и Конституционный суды Российской Федерации сформировали правовые позиции о том, что в уголовно-процессуальной деятельности требуется соблюдение установленной УПК РФ процедуры. Следование положениям УПК РФ при производстве следственных действий не свидетельствует о нарушении Конституции РФ, даже если ограничение конституционных прав граждан произошло во внесудебном порядке.

Указанная правовая позиция была с воодушевлением воспринята органами предварительного расследования, и, если до принятия рассмотренных нами решений высших судебных инстанций следователи обращались в суды за санкционированием осмотров объектов, могущих содержать сведения о переписке, то в настоящее время этого не делается.

В качестве примера можно привести практику расследования уголовных дел следователями следственной части ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области, которые обращались в суд по вопросу получения согласия на доступ к «облачным» хранилищам информации в сети Интернет, которые могли содержать сведения, содержащие охраняемую Конституцией РФ тайну. Обращения происходили в Нижегородский районный суд г. Новгорода по месту нахождения следственного органа.

Постановления о возбуждении перед судом ходатайства о производстве осмотра почтовых, телеграфных и иных сообщений следователями выносились на основании ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на тайну переписки и телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения, статьи 63 ФЗ «О связи» № 126-ФЗ от 07.07.2003, согласно которой на территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляется только на основании решения суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами, а также положений ч. 1 ст. 13, п. 8 ч. 2 ст. 29, ст. 163, ст. 165 УПК РФ.

Суд рассматривал данные ходатайства и давал свое согласие на ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем анализ положений Конституции РФ, регламентирующих права человека и гражданина, не содержит ссылок на УПК или иной закон, исполнение тре-

бований которого позволяет обойтись без судебного решения при ограничении конституционных прав. Представляется, что в уголовном судопроизводстве должен соблюдаться порядок деятельности правоохранительных органов, не позволяющий, следуя положениям УПК РФ, обходить положения Конституции РФ, имеющие прямое действие и верховенство в системе национального законодательства.

УПК РФ предусматривает ряд следственных действий, позволяющих в судебном порядке ограничить конституционные права и свободы граждан. Это такие следственные действия, как обыск, выемка и осмотр в жилище, контроль и запись телефонных переговоров, получение сведений о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, личный обыск, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка и др.

Специфика информации, находящейся в памяти мобильного устройства и самого рассматриваемого технического средства такова, что доступ к ним, как отмечалось, может произойти во внесудебном порядке. В частности, при изъятии мобильного телефона в процессе личного обыска задержанного подозреваемого, проводимого во внесудебном порядке, обыска в помещении, проводимого на основании постановления следователя, осмотра места происшествия. Таким образом, специальной нормы, которая бы регулировала порядок работы с информацией, находящейся в памяти технического устройства, которая может содержать охраняемую Конституцией тайну, в УПК РФ не имеется.

При принятии процессуального решения о доступе к рассматриваемой информации следователи, помимо Конституции РФ, должны руководствоваться положениями УПК РФ и других федеральных законов. Наиболее близким по смыслу проводимого мероприятия в рассматриваемой ситуации является предусмотренный ст. 185 УПК порядок работы с почтовой перепиской граждан. Также следует констатировать, что граждане в настоящее время крайне редко в своей жизни используют почтовые отделения для письменной пересылки, поскольку имеется большое количество средств более удобной коммуникации — мобильная связь, электронная почта, видеосвязь и т. п.

Тем не менее, формулируя положения ст. 185 УПК РФ, определяющей порядок судебного ограничения конституционного права на тайну переписки, законодатель, как представляется, исходил из положений о том, что:

— данное комплексное следственное действие, состоящее, соответственно, из наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и последующей выемки, должно быть санкционировано судом;

— задержание отправлений, адресованных на имя конкретного лица, должно осуществляться сотрудниками учреждения связи;

— сотрудник органов предварительного расследования принимают решение об аресте (копировании и т. п.) отправлений только по итогам их осмотра, в ходе которого может удостовериться о процессуальном значении изучаемой информации.

На аналогичных началах основывается и производство других следственных действий — контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также получения сведений о соединениях между абонентами. Аналогичным образом регламентировано производство ОРМ, затрагивающих конституционные права и интересы граждан.

Непосредственно обращаться с материальным объектом — носителем информации о переговорах и соединениях сотрудники органов предварительного расследования могут после их получения другими лицами — сотрудниками оперативных подразделений специальных технических мероприятий, операторов сотовой и иных видов связи или почтовых учреждений, фактически исполняющих в рамках судебного решения поручение следователя.

В рамках рассматриваемой нами ситуации процессуальная деятельность происходит иначе.

Сначала лица, ведущие процессуальную деятельность, получают объект в процессе самостоятельных познавательных (следственных) действий, не всегда обладая информацией как о наличии такого устройства в месте проведения этого действия, так и о характере имеющейся в нем информации. Так, обнаружение сотового телефона на месте происшествия или у обыскиваемого задержанного подозреваемого может происходить не во всех случаях.

Затем, при осмотре имеющегося в материалах дела устройства или, основываясь на данных экспертизы, проводимых с целью получения информации, составляющую охраняемую Конституцией тайну, получают или не получают к ней доступ. Соответственно, принятие решения о целесообразности поиска информации, находящейся в памяти мобильного устройства, происходит тогда, когда это устройство уже получено следователем и если предполагаемая к получению информация относится к нуждам расследования. Однако изучаться мобильное устройство может для других целей, не связанных с операциями с имеющейся в памяти информацией — для обнаружения отпечатков пальцев на нем, идентификации в группе других, определения его стоимости и т. д. В таком случае доступа к конфиденциальной информации не происходит.

Таким образом, характер действий с мобильным абонентским устройством должен дифференцироваться в зависимости от того, представляет ли интерес для органов предварительного расследования информация, содержащаяся в электронной памяти устройства, или нет. Процедура работы с техническими устройствами и их электронной памятью должна обеспечивать реализацию конституционных положений о правах граждан. Следует также иметь в виду, что внесудебный доступ органов предварительного расследования и оперативных подразделений к рассматриваемой информации может камуфлировать действительное намерение обращения с конфиденциальной информацией, поэтому во всех ситуациях должен обеспечивать реализацию конституционных прав граждан.

Если эта информация интереса для доказывания не представляет, то мобильное устройство органами предварительного расследования рассматривается исключительно как материальный объект, обладающий признаками, позволяющими его идентифицировать, и порядок работы с устройством должен быть одним. В этом случае доступ к памяти телефона производиться не будет, а значит, и конституционные права ограничиваться не будут. В таких условиях осмотр и назначение экспертизы могут проводиться без судебного решения.

Если же органы предварительного следствия планируют провести изучение электронной памяти абонентского устройства, получить доступ с его помощью к со-

циальным сетям, переписке, другим приложениям до получения в распоряжение мобильного устройства, то достижение данной цели должно происходить в рамках другого порядка. Эти действия должны проводиться только с санкции суда. В некоторых случаях, при наличии случаев, не терпящих отлагательства, операции с памятью мобильного устройства могут проводиться без судебного решения, однако с последующим уведомлением суда о проведенных мероприятиях и полученных сведениях.

В качестве случаев, не терпящих отлагательства, следует рассматривать ситуации, когда имеющаяся в памяти мобильного телефона информация позволит пресечь совершение новых преступлений или предотвратить наступление иных тяжких последствий. С учетом специфики мобильного устройства, уже находящегося в распоряжении органов следствия и дознания, как представляется, утраты информации, имеющейся в его памяти, произойти не может. Следовательно, будет необоснованным осмотр с участием специалиста или назначение компьютерно-технической экспертизы такого устройства в отсутствие судебного решения.

Подводя итог нашим размышлениям, подчеркнем, что информация, имеющейся в памяти мобильного устройства, имеет безусловное значение охраняемых Конституцией прав личности, в связи с чем необходима законодательная регламентация обращения с памятью мобильного устройства, предусматривающая как получение судебного решения на доступ к такой информации, так и последующее уведомление суда об ограничении конституционных прав граждан, которое имело место в случаях, не терпящих отлагательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Обзор основных функций мобильного приложения Сбербанк ОнЛайн для Android и iOS [Электронный ресурс]. — URL: https:www.yandex.ru/turbo?text=-https%3A%2F%2Fbankivonline.ru%2Fblog%2Fobzor_prilozhenija_sberbanka_onlajn-%2F2014-06-02-15 (дата обращения: 30.06.2020).

2. Новейшие технологии воровства: мошенники вскрывают мобильный банк, подделывая сим-карту [Электронный ресурс]. — URL: https://finance.rambler.ru/-money/40236525/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 30.06.2020).

3 Данные о военных базах США стали доступны благодаря фитнес-трекерам [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/politics/29/01/2018/5a6e92369a-7947613df97252 (дата обращения: 30.06.2020).

4 Хакеры похитили и выложили в сеть интимные фото знаменитостей [Электронный ресурс]. — URL: http://www.topnews.ru/news_id_70823.html (дата обращения: 30.06.2020).

5 Дома умнеют, но становятся опаснее [Электронный ресурс]. — URL: https://rg.ru/2019/10/27/ekspert-predupredil-o-slabyh-mestah-sistemy-umnyj-dom.html (дата обращения: 30.06.2020).

6 Родительский контроль на телефоне ребёнка: что это, как установить [Электронный ресурс]. — URL: http://phones-tapping.com/interception-theory/650-roditelskij-kontrol-na-telefone-rebyonka-chto-eto-kak-ustanovit.html (дата обращения: 30.06.2020).

7. Архипова Н. А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений: сб. мат-лов криминалист. чтений. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. — 2014. — № 10. — С. 16.

8. Булыжкин А. В., Васюков В. Ф. Некоторые аспекты расследования хищений, совершаемых с использованием средств сотовой связи // Вестник ВСИ МВД России. — 2017. — № 3 (82). — С. 22—28.

9. Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 4. — С. 46.

10. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сент. 2014 г. по делу № 55-О14-6 [Электронный ресурс]. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0dPzawB0fmm6/ (дата обращения: 30.06.2020).

11. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Overview of the main functions of the mobile application Sberbank Online for Android and IOS //https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fbankivonline.ru%2Fblog%2Fobzor_prilozhenija_sberbanka_onlajn%2F2014-06-02-15

2. The latest technologies of theft: fraudsters reveal mobile Bank, forging a SIM card // https://finance.rambler.ru/money/40236525/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

3. Data on us military bases became available thanks to fitness trackers // https://www.rbc.ru/politics/29/01/2018/5a6e92369a7947613df97252

4. Hackers kidnapped and posted online intimate photos of celebrities //http://www.topnews.ru/news_id_70823.html

5. Houses get smarter, but become more dangerous // https://rg.ru/2019/10/27/ekspert-predupredil-o-slabyh-mestah-sistemy-umnyj-dom.html

6. Parental control on the child's phone | what is it, how to install // http://phones-tapping.com/interception-theory/650-roditelskij-kontrol-na-telefone-rebyonka-chto-eto-kak-ustanovit.html

7. Arkhipova N. A. To the question of using the capabilities of mobile communication in the disclosure and investigation of crimes: collection of materials on criminalistics readings. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 10. P. 16.

8. Bulygin A. V., Vasyukov V. F. Some aspects of the investigation of embezzlement committed through the use of cellular // Bulletin of VSI the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (82). P. 22—28.

9. Yakovlev A. N. Legal status of digital information extracted from computer and mobile devices: “e-mail” / / Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. N. 4. P. 46.

10. Definition of Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of September 30, 2014 in case No. 55-O14-6 // https://sudact.ru/vsrf/doc/-0dPzawB0fmm6/

11. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 25.01.2018 No. 189-O “About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Prozorovsky Dmitry Aleksandrovich on violation of its constitutional rights by articles 176, 177 and 195 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” / / ATP Consultant Plus.

УДК: 343.13
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10064

Загорьян Сергей Георгиевич
доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: zagoryan_sg@mail.ru

Zagoryan Sergey Georgievich
associate professor,
Department of Criminal Procedure,
East Siberian Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: zagoryan_sg@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ

Введение: в статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы уголовно-процессуального задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. Рассмотрены отличия между уголовно-процессуальным и административным задержаниями, а также задержанием лица, уклоняющегося от направления к месту отбывания наказания. Исследованы отличия между фактическим задержанием подозреваемого лица и юридическим задержанием. Обозначен вопрос о целесообразности законодательного закрепления физического задержания подозреваемого гражданским лицом.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальный закон и локальные нормативно-правовые акты Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, а также методы логической дедукции, познания, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: в статье анализируются процессуальные аспекты задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, рассматриваются некоторые проблемные вопросы процессуального задержания и его отличия от других видов задержания. До настоящего времени законом не обозначен конкретный момент определения начала задержания подозреваемого лица.

Выводы и заключения: предлагается внести некоторые изменения в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части, касающейся задержания подозреваемого лица.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное задержание, права и свободы человека, доставление, подозреваемый, показания, следы преступления.

SEVERAL ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURE DETENTION

Introduction: the article deals with some of the problematic issues of criminal procedure detention of persons suspected of committing a crime. The article examines the differences between criminal procedural and administrative detention, as well as the de-

tention of a person evading directions to the place of serving the sentence. It also analyses the differences between the actual detention of a suspect and legal detention. It considers the issue of the advisability of legislative consolidation of the physical detention of a suspect by a civilian.

Materials and Methods: the normative basis of the research is the Constitution of the Russian Federation, the criminal procedure law and local regulatory legal acts of the Russian Federation. The methodological basis of the study is the dialectical method of cognition, as well as the methods of logical deduction, cognition of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: the article analyzes the procedural aspects of the detention of a person suspected of committing a crime, discusses some of the problematic issues of procedural detention and its differences from other types of detention. Up today, the law has not defined a specific moment in determining the beginning of the detention of a suspected person.

Findings and Conclusions: it is suggested to make some changes to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the detention of a suspected person.

Keywords: criminal procedure detention, human rights and freedoms, delivery, suspect, evidence, evidence of crime.

Уголовно-процессуальное задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, представляет собой достаточно сложное формирование, в отношении которого в научной литературе и правоприменительной деятельности ведутся споры. В целях соблюдения конституционных прав и свобод человека процедура задержания обязана быть строго регламентированной нормами уголовно-процессуального права. Соответственно, основания задержания должны быть юридически грамотно сформулированы и проверены на их практическую реализуемость.

К сожалению, современная формулировка статьи, вводящей основания задержания, вызывает критику как в плане своей полноты в связи с тем, что в уголовно-процессуальном законе она регламентирована недостаточно, так и в плане использования непроцессуального языка в изложении.

Для начала необходимо обратить внимание на не совсем юридически корректную формулировку названия главы 12 УПК РФ, которая гласит: «задержание подозреваемого» и далее все статьи данной главы в своем названии говорят о подозреваемом. Возникает вопрос: подозреваемый в чем? Поэтому, на наш взгляд, необходимо название главы 12 УПК РФ и последующие статьи данной главы формулировать более конкретно, а именно «подозреваемый в совершении преступления».

Неразрешенным остается вопрос о субъектах уголовно-процессуального задержания ввиду отсутствия четкой позиции законодателя по вопросам возможности проведения физического задержания гражданским лицом.

Как мы видим, анализ оснований задержания на данный момент остается актуальным и дискуссионным вопросом.

Теме задержания подозреваемого в совершении преступления посвящены ст.ст. 91—96, помещенные в главу 12 УПК РФ. Непосредственно основания задержания перечислены в ст. 91 УПК РФ. Сущность оснований задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, заключается в предпосылках, которые позволяют указать на лицо, совершившее преступление.

Основания задержания подозреваемого должны быть достаточно вескими, т. к. задержание ограничивает конституционные права и свободы человека. Неправомерное задержание может повлечь за собой нарушение следующих конституционных прав:

1) действующих прав и свобод гражданина нашей страны (ст. 18 Конституции РФ);

2) обязанность охраны государством достоинства человека (ст. 21 Конституции РФ);

3) право на неприкосновенность частной, личной, семейной жизни (ст. 23 Конституции РФ);

4) возможности свободы передвижения и выбора места жительства по своему усмотрению, возможности свободного выезда из страны и возвращения обратно (ст. 27 Конституции РФ);

5) право на свободу и неприкосновенность личности (ст. 22 Конституции РФ).

В связи с тем, что задержание существенно ограничивает права и свободы гражданина, уже сам статус задержанного должен быть таким, чтобы была гарантирована возможность защиты. В частности, данное утверждение реализуется посредством предоставления адвоката в качестве защитника задержанному лицу.

Ряд авторов считает, что должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, имеет право задержать подозреваемое лицо при наличии достаточных данных, указывающих на причастность лица к совершению преступления, и отсутствии оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу [3, с. 19]. Однако следует отметить, что быть причастным к преступлению и быть подозреваемым — не совсем равнозначные понятия.

В соответствии со ст. 91 УПК РФ основаниями задержания являются ситуации, когда:

1) лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

2) на данное лицо как на совершившее преступление показали потерпевшие или очевидцы;

3) на теле либо одежде подозреваемого, при нем или в его жилище были обнаружены явные следы преступления;

4) другие сведения при обязательном наличии следующих условий: лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, также если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Вышеуказанные основания являются исчерпывающими и не допускают своего расширительного толкования.

Единообразного толкования процессуального порядка задержания лица по подозрению в совершении преступления в практической деятельности нет. Неоднозначное толкование возникает при определении начала фактического и процессуального задержания и момента исчисления начала данной меры пресечения. Если задержание считать с момента фактического ограничения свободы передвижения, то как быть с обязательным участием защитника, когда задерживаемое лицо является несовершеннолетним, либо задерживаемое лицо не имеет возможности в силу определенных недостатков само лично защищать свои права? Ведь в момент данного задержания предоставить задерживаемому лицу защитника практически невозможно.

Срок, на который может быть задержано лицо, подозреваемое в совершении преступления, по общему правилу составляет 48 часов. В дальнейшем ему необходимо избрать меру пресечения [5, с. 120]. Началом исчисления данного срока, в соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ, считается момент фактического задержания подозреваемого лица. В соответствии с этим же пунктом данной статьи УПК РФ, задерживать подозреваемого в совершении преступления имеют право следователь, дознаватель и орган дознания. Оперативный уполномоченный уголовного розыска, являясь органом дознания, зачастую вынужден осуществлять самостоятельно фактическое задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. Наиболее актуальным и проблемным вопрос исчисления начала срока фактического задержания возникает в отдаленных сельских районах, либо где-то в тайге, на полевом стане и т. п. Фактически задержанное подозреваемое лицо уже ограничено в свободе передвижения, но доставить его в правоохранительный орган в кратчайшие сроки не представляется возможным. В данной ситуации от момента фактического задержания подозреваемого лица оперативным уполномоченным до момента доставления его в правоохранительный орган иногда проходит гораздо более 48 часов. Иными словами, по сути своей подозреваемое лицо еще не было подвергнуто уголовно-процессуальному задержанию, а сроки уже истекли. Поэтому и в научной литературе и правоприменительной деятельности вопрос о моменте, с которого начинается течение срока в 48 часов, является спорным и до настоящего времени нерешенным.

Согласно п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ предусматривается при наличии ходатайства со стороны обвинения либо со стороны защиты по судебному решению продление срока задержания подозреваемого лица до 72 часов. Началом исчисления данного срока является момент принятия судебного решения о продлении срока задержания подозреваемого лица. Целью данного продления является предоставление дополнительного времени для собирания доказательств обоснованности или необоснованности избрания в дальнейшем меры пресечения в виде заключения под стражу.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны не обозначены цели, которые преследуются, когда задерживается лицо, подозреваемое в совершении преступления. Однако в ранее действовавшем законодательстве

нашей страны данная норма была закреплена. В соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-1Х «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления», целями задержания являлись:

1) выяснение причастности задержанного лица к совершению преступления;

2) решение вопроса о необходимости применения к задержанному лицу меры пресечения в виде заключения под стражу [6].

Установление четко определенного срока задержания является гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина. При этом спорными и нерешенными остаются вопросы о моменте, с которого надлежит отсчитывать течение срока задержания.

Статья 91 УПК РФ говорит об основаниях уголовно-процессуального задержания, которое следует отграничивать от фактического задержания, от административного задержания, от задержания осужденного лица, в случае уклонения его от исполнения наказания.

Уголовно-процессуальное задержание, как и остальные виды задержания, является способом на небольшой промежуток времени ограничить свободу лица. В случае уголовно-процессуального задержания это делается без предварительного разрешения суда и, по своей сущности, представляет собой кратковременное содержание под стражей подозреваемого в преступлении лица.

Необходимо отграничивать уголовно-процессуальное задержание от административного задержания. Во-первых, административное задержание регулируется Кодексом об административных правонарушениях. Во-вторых, административное задержание — это кратковременное ограничение физической свободы, целями которого, согласно КоАП являются:

1) справедливое, законное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении;

2) исполнение постановления по делу об административном правонарушении.

Как правило, административному задержанию подвергаются лица, грубо нарушающие общественный порядок, находящиеся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения. В отличие от уголовно-процессуального задержания, административное задержание может осуществлять достаточно большой круг лиц, перечисленных в КоАП, в том числе должностные лица органов внутренних дел.

Уголовно-процессуальное задержание обычно осуществляется следователем или дознавателем. В научной литературе и законодательстве субъектом задержания называют и орган дознания, однако сам по себе осуществлять данную меру принуждения он не может, реализуя её через следователя или дознавателя, выполняя письменное поручение указанных лиц.

Существует две отправных точки, относительно которых рассматривается начало течения времени задержания подозреваемого лица: фактическое и юридическое. Как мы уже говорили, возникает множество вопросов, связанных с отграничением юридического (уголовно-процессуального) задержания от фактического.

Кроме того, с таким разделением возникает проблема субъекта задержания и ставится вопрос о возможности проведения задержания застигнутого на месте преступления подозреваемого лица другим гражданским лицом. В практике правоохранительных органов г. Иркутска примечателен случай задержания на месте совершения преступления серийного маньяка-убийцы Василия Кулика, который был задержан простыми гражданами [1, с. 5]. И таких случаев можно привести великое множество.

Под началом фактического задержания, согласно п. 15 ст. 5 УПК РФ, понимается момент фактического лишения возможности свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. А. А. Сумин считает, что субъектом задержания подозреваемого в совершении преступления по фактическому моменту может быть любое лицо, а в случае придания задержанию уголовно-процессуальной окраски только следователь, дознаватель или орган дознания при наличии возбужденного уголовного дела [4, с. 44]. И мы с этой точкой зрения полностью согласны. Однако следует добавить, что уголовно-процессуальное задержание может осуществлять только следователь или дознаватель и только по уголовному делу, находящемуся у них в производстве, а орган дознания — только по письменному поручению указанных должностных лиц. Фактическое же задержание может осуществлять любое физическое лицо независимо от процессуального статуса и даже при отсутствии возбужденного уголовного дела.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации содержит информацию о задержании осужденного, который скрывается от получения уведомления о необходимости прибытия к месту отбывания наказания либо не явился к месту отбывания наказания без каких-либо уважительных причин в установленные для него временные рамки. Срок задержания установлен законодателем в 48 часов с возможностью продления до 72 часов. Отличие прослеживается в статусе задерживаемого лица.

Таким образом, законодательством нашей страны определено несколько видов задержания, которые различаются своими целями и статусом задерживаемого лица. Схожесть наблюдается в сроке задержания и возможности его продления, а также в необходимости соблюдения прав и свобод задерживаемого лица.

Задержание лица на месте совершения противоправного преступного деяния может вызывать проблемы в условиях неочевидности неправомерности деяния или если деликтоспособность субъекта исключена. При этом в таком случае явно не соблюдается условие необходимости возбуждения уголовного дела до осуществления задержания.

На данном этапе уголовного процесса возможность задержания не связывается с наличием возбужденного уголовного дела. Показательным в данном вопросе является постановление Верховного суда РФ, в котором суд прямо указывает, что при наличии оснований к задержанию лица оно может быть произведено до принятия решения о возбуждении уголовного дела. При этом ст. 301 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное задержание, субъектами которого являются следователь, дознаватель, начальник органа дознания, прокурор или судья. В данном случае речь идет об уголовно-процессуальном задержании.

Следует иметь в виду, что само по себе нахождение лица на месте совершения преступления не означает, что данное лицо совершило его или вообще причастно к нему. В такой ситуации следователь или дознаватель обязаны предпринять действия для скорейшего установления причинно-следственных связей нахождения лица на месте преступления и его совершения. В том случае, если проверка показывает непричастность лица к преступлению либо не выявлена связь между преступлением и действиями задержанного, то последний в обязательном порядке должен быть отпущен по истечении 48 часов или ранее.

Под непосредственным обнаружением подозреваемого лица в момент совершения преступления понимается не только момент совершения самого преступного деяния, но и то время, в течение которого сотрудники правоохранительных органов преследовали подозреваемого. А как быть в случае, если подозреваемое лицо преследовалось, а затем было задержано гражданскими лицами (лицом)?

С задержанием лица на месте совершения преступления непосредственно связан вопрос о субъекте задержания. Может ли гражданское лицо осуществить задержание подозреваемого лица, которое было им обнаружено на месте преступления и попыталось скрыться? И если да, то какова правовая основа данного задержания?

К сожалению, законодательство нашей страны не выработало четкого подхода к данной проблеме. При этом в ряде зарубежных стран данный вопрос решен путем введения понятия «гражданский арест». В некоторых странах данный институт включён в уголовные законы и кодексы. Например, Франция, Германия, Япония и некоторые другие страны поместили нормы о гражданском аресте в уголовно-процессуальные кодексы. Так, в Австралии закон напрямую указывает на возможность гражданского лица задержать подозреваемого в совершении преступления. При этом должно быть организовано как можно скорейшее доставление самого задержанного и найденных при нем вещественных доказательств в правоохранительные органы. Бразильское законодательство указывает на то, что любой гражданин может задержать подозреваемое лицо, застигнутое на месте преступления.

Представляется, что аналогичные нормы законодателю надлежит ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В настоящее время о возможности задержания подозреваемого лица на месте совершения преступления гражданским лицом можно обратить внимание на следующее. В соответствии со ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не было возможности и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. Из смысла данной нормы следует признание возможным задержание подозреваемого лица другим лицом, не являющимся сотрудником правоохранительных органов. Однако характер данного задержания является только фактическим, а не уголовно-процессуальным, т. к. лицо, осуществляющее задержание, не является уполномоченным на то должностным лицом. Да и на данный момент нет в наличии и возбужденного уголовного дела.

Как правило, момент совершения преступления следователь (дознаватель) не наблюдают лично. Они прибывают на место преступления уже после его совершения. Таким образом, применение первого основания задержания достаточно редкое явление (п. 1.1 ст. 91 УПК РФ). Более того, если следователь (дознаватель) становится очевидцем совершения преступления, то его процессуальный статус в дальнейшем будет определяться как «свидетель», что влечет невозможность расследования уголовного дела данным следователем (дознавателем). В данном случае, как правило, речь идет о задержании подозреваемого лица гражданскими лицами либо сотрудниками органов внутренних дел, находившимися поблизости от места совершения преступления.

В отношении некоторых категорий должностных лиц задержание обладает рядом особенностей. Так, согласно ст. 449 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следующие лица должны быть освобождены, как только будет подтвержден их статус:

1) члена Совета Федерации;

2) депутат Государственной Думы;

3) судьи федерального или мирового суда;

4) прокурор;

5) председатель Счетной палаты РФ, его заместитель, аудитор Счетной палаты РФ;

6) уполномоченный по правам человека в РФ;

7) прекративший исполнение своих полномочий президент РФ.

И только лишь, если вышеуказанные лица застигнуты на месте совершения преступления, они не могут быть освобождены даже после установления их личности.

На наш взгляд, вышеуказанная статья уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации находится в полном противоречии с п. 2 ст. 6 Конституции Российской Федерации, где конкретно сказано, что все граждане нашей страны обладают всеми правами и свободами, а также несут равные обязанности. А как быть с п. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, где еще конкретнее указано, что «все равны перед законом и судом»? Так всё же все или не все имеют равные права перед законом? Может быть, и данную норму УПК РФ следует привести в соответствие с Конституцией нашей страны? Обоснованы и так ли необходимы такие привилегии при принятии решения о задержании определенной категории лиц?

Представляется необходимым осуществить доработку ст. 91 УПК РФ не только в вопросах её актуальности и применимости, но и в вопросе юридически грамотной формулировки.

Так, в п. 2 ст. 91 УПК РФ целесообразно отметить не совсем правильное использование такого понятия, как «очевидец». Формулировка п. 2 ст. 91 УПК РФ является не совсем корректной и точной с юридической стороны. Целесообразно было бы заменить слово «очевидец» на фразу «свидетель, являющийся очевидцем преступления», т. к. в статусе участников уголовного судопроизводства «очевидец преступления» не обозначен.

Согласно п. 3 ст. 91 УПК РФ подозреваемое лицо может быть задержано, если на теле подозреваемого или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Явными следами на теле человека могут являться различные ссадины, ранения и иные следы, которые говорят о том, что задержанный контактировал с потерпевшим. Так же к явным следам следует относить пятна крови и других биологических жидкостей, следы наркотических веществ и др. на теле или одежде подозреваемого, в его жилище или транспорте. Как правило, данные следы обнаруживаются при осмотре места происшествия, который может быть осуществлен и до возбуждения уголовного дела. Явные следы могут быть обнаружены при личном обыске.

Следы, которые могут указать на причастность лица к совершению преступления, можно классифицировать только как материальные. Поэтому в контексте п. 3. ст. 91 УПК РФ, прежде всего, следует говорить только о материальных следах. К материальным следам совершения преступления относятся следы, оставленные на материальных носителях: следы крови на одежде, следы исправлений на документе и т. д.

Итак, традиционно под следами в контексте ст. 91 УПК РФ понимаются материальные следы, свидетельствующие о причастности лица к совершению преступления. При этом наличие следов на теле и одежде лица не означает, что именно оно совершило преступление. Данные следы могут указывать только на возможную причастность лица к совершению преступления. Поэтому при принятии решения о процессуальном задержании подозреваемого лица желательно, чтобы указание на лицо, как на совершившее преступление, не вызывало сомнения [2, с. 61]. За время задержания должно быть принято решение либо об освобождении подозреваемого лица, либо об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

В случаях, когда имеются другие данные, не предусмотренные ч. 1 ст. 91 УПК РФ, дающие право подозревать лицо в совершении преступления, задержание возможно лишь при наличии следующих условий, предусмотренных в ч. 2 данной статьи:

1) подозреваемое лицо предприняло попытку скрыться с места совершения преступления;

2) подозреваемое лицо не имеет постоянного места проживания;

3) не установлена личность подозреваемого лица;

4) в отношении подозреваемого лица в суд направлено ходатайство о заключении его под стражу.

Задержание лица в уголовно-процессуальном плане отличается от административного и иных видов задержания. Сущность уголовно-процессуального задержания проявляется в кратковременном содержании под стражей без предварительного разрешения суда.

Неправомерное задержание лица нарушает основные права и свободы человека и гражданина, в том числе право на неприкосновенность и свободу передвижения.

Задержание является неотложной мерой. Необходимость её применения возникает в определенный момент и требует немедленного разрешения. При этом задержание может быть осуществлено только на тех основаниях, которые перечислены в ст. 91 УПК РФ.

Первые три основания задержания, приведенные в ст. 91 УПК РФ, опосредуются наличием прямых доказательств виновности лица. Четвертое основание представляет собой совокупность косвенных доказательств.

Срок задержания в 48 часов устанавливается, во-первых, в целях невозможности длительное время удерживать подозреваемое лицо без веских обстоятельств, не нарушая его конституционных прав и свобод, а во-вторых, для создания временного интервала, в течение которого следователь, дознаватель или прокурор смогут получить больше информации о характере совершённого преступления и, как следствие, определить причастность задержанного к совершению преступного деяния.

В уголовно-процессуальном законе надлежит осуществить разделение уголовно-процессуального и фактического задержания лица. Отправной точкой для данного деления должно выступать возбуждение уголовного дела. Под фактическим задержанием лица, которое может быть осуществлено и до возбуждения уголовного дела, должно пониматься доставление подозреваемого лица в правоохранительный орган, закрепленное в норме УПК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ишигеев В. С. Некоторые размышления о создании методики расследования серийных убийств Текст // Российский следователь. — 2016. — № 19. — С. 3—5.

2. Маркелов А. Г., Кошкин В. Н. О необходимости совершенствования оснований уголовно-процессуального задержания подозреваемого в совершении преступлений [Текст] // Oeconomia et Jus. — 2018. — С. 61—66.

3. Ретюнских И. А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления [Текст] // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2016. — № 1. — С. 18—21.

4. Сумин А. А. Задержание по подозрению в совершению преступления: некоторые правовые вопросы [Текст] // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 5 — С. 44.

5. Удовиченко В. С., Васильков К. А. Совершенствование процессуального статуса «подозреваемого» как предупредительно-профилактическая мера в рамках обеспечения прав лица при проверке сообщения о преступлении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 4 (91). — С. 115—124.

6. Определение Конституционного суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 53-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда о проверке конституционности пункта 3 части седьмой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253480/ (дата обращения: 21.04.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ishigeev VS Some reflections on the creation of a methodology for the investigation of serial murders Text // Russian Investigator. 2016. No. 19. P. 3—5.

2. Markelov A. G., Koshkin V. N. On the need to improve the grounds for criminal procedural detention of a suspect in committing crimes [Text] // Oeconomia et Jus. 2018. P. 61—66.

3. Retyunskikh IA On the grounds for the arrest of a person suspected of committing a crime [Text] // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1. P. 18—21.

4. Sumin A. A. Detention on suspicion of committing a crime: some legal issues [Text] // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 5. P. 44.

5. Udovichenko V. S., Vasilkov K. A. Improvement of the procedural status of the "suspect" as a preventive measure within the framework of ensuring the rights of a person when checking a crime report // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (91). P. 115—124.

6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 6, 2004 No. 53-O "On refusal to accept for consideration the request of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Murmansk Regional Court to verify the constitutionality of clause 3 of part seven of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253480/ (Date of access: 21.04.2020).

УДК: 343.13
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10065

Павлов Антон Васильевич
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: pavlov_oma@mail.ru

Чемерилова Елена Николаевна
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
E-mail: echemerilova@mail.ru

Pavlov Anton Vasilievich
deputy chief,
Department of Criminal Procedure
of the Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: pavlov_oma@mail.ru

Chemerilova Elena Nikolaevna
senior lecturer,
Department of Criminal Procedure
of the Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
E-mail: pavlov_oma@mail.ru

ЗАОЧНЫЙ АРЕСТ ОБВИНЯЕМОГО, ОБЪЯВЛЕННОГО В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ РОЗЫСК

Введение: в целях разрешения проблем, возникающих при обнаружении скрывающегося лица на территории государства-участника Содружества Независимых Государств, законодатель предусмотрел возможность заочного ареста обвиняемого, объявленного в межгосударственный розыск.

В статье рассмотрены проблемы порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении отсутствующего обвиняемого и определены способы их решения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие ограничение свободы передвижения обвиняемого, объявленного в межгосударственный розыск, а также следственно-судебная практика по указанным вопросам.

Методологической основой исследования послужил диалектический метод научного познания, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения.

Результаты исследования: определен порядок избрания меры пресечения в отношении обвиняемого, объявленного в межгосударственный розыск.

Выводы и заключения: выделены этапы порядка избрания в отношении обвиняемого, объявленного в межгосударственный розыск, меры пресечения в виде ареста. Кроме того, выявлены особенности принятия данного решения, которые касаются: оснований избрания меры пресечения; перечня материалов, представляемых в суд; порядка проведения судебного заседания; участия защитника; момента исчисления срока содержания под стражей; правомерности реализации заочно избранной меры пресечения на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: межгосударственный розыск, международный розыск, заключение под стражу, заочный арест, обвиняемый, доставление.

ARREST IN ABSENTIA OF THE ACCUSED, DECLARED ON THE INTERSTATE WANTED LIST

Introduction: in order to resolve the problems that arise when a fugitive is found on the territory of a member state of the Commonwealth of Independent States, the legislator has provided for the possibility of arrest in absentia of an accused person who has been put on the interstate wanted list.

The article deals with the problems of the procedure for choosing a preventive measure in the form of detention in relation to an absent accused and identifies ways to solve them.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, the Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases, the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, local regulations governing the restriction of freedom of movement of an accused person declared on an interstate wanted list, as well as investigative and judicial practice on these issues.

The methodological basis of the research was the dialectical method of scientific knowledge, methods of logical deduction, induction, cognitive methods of observation, comparison, analysis, generalization.

Results of the Study: the procedure for selecting a preventive measure against an accused person declared on the interstate wanted list has been determined.

Findings and Conclusions: the stages of the procedure for selecting a preventive measure in the form of arrest in relation to an accused person declared on the interstate wanted list are highlighted. In addition, there are detected peculiarities of this decision that relate to the grounds for the preventive measure; the list of materials submitted to the court; order of the hearing; the participation of counsel; the date of calculation of period of detention; legality of in absentia implementation of the chosen measure of restraint in the territory of the Russian Federation.

Keywords: inter-state arrest warrant, international arrest warrant, detention, arrest in absentia, the accused, the delivery.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) реализованы международные нормы [1], в соответствии с которыми задержанное лицо должно незамедлительно предстать перед судом и может воспользоваться правом высказать свою позицию относительно оснований и порядка лишения его свободы передвижения [1, с. 88]. В соответствии с конституционными положениями срок незамедлительного доставления лица в суд не может превышать 48 часов. Кратковременное лишение свободы лица, преследуемого за совершение преступления, осуществляется в форме задержания подозреваемого. К сожалению, в отношении обвиняемого данные вопросы регламентированы фрагментарно, несмотря на то, что необходимость обеспечения судебной процедуры его ареста востребована в той же мере. Гарантии реализации конвенционного права не должны зависеть от этапа уголовного преследования и должны быть обеспечены на всем протяжении уголовного судопроизводства. В свою очередь, органы предварительного расследования должны иметь объективную возможность своевременно и на законных основаниях ограничить свободу передвижения преследуемого лица.

Эффективность подобной гарантии несомненна, однако ее реализация в практической деятельности вызывает существенные трудности, а порой полностью исключает возможность обеспечения участия обвиняемого в уголовно-процессуальных отношениях [2, с. 10]. Например, непонятно, как обеспечить участие в судебном заседании обвиняемого, обнаруженного в другом субъекте Российской Федерации [3, с. 7—9]. Еще более сложной оказалась ситуация в случае задержания лица за пределами Российской Федерации.

Законодателем были предприняты определенные шаги по урегулированию данной проблемы. Во-первых, была предусмотрена возможность заочного ареста обвиняемого, объявленного в международный розыск. Но эта мера востребована по незначительному количеству уголовных дел. В 2018 г. каналы Интерпола задействовались для розыска 5,3 тыс. обвиняемых, подсудимых, осужденных. В международный розыск объявлено 1,2 тыс. обвиняемых[2]. В то время как в целом в Российской Федерации в 2018 г. разыскивалось 97,7 тыс. лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, установлено местонахождение 54,4 тыс. лиц.

Во-вторых, законодатель попытался найти альтернативное заочному аресту решение, позволяющее обеспечить реализацию права обвиняемого изложить суду свои суждения относительно его задержания. С этой целью была введена новая мера процессуального принуждения в виде задержания обвиняемого, находящегося в розыске (ч. 3 ст. 210 УПК РФ). Системное толкование указанной нормы и главы 12 УПК РФ позволяет установить основания, условия и порядок задержания разысканного обвиняемого. Вместе с тем использованный законодателем прием отсылочной нормы существенно снижает эффективность этого вида задержания [4].

---

[1] Пункт 3 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Официальный перевод на русский язык в редакции 2001 г. — Екатеринбург, 2001. — С. 8; Пункт 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах // Международные акты о правах человека: сб. док-тов. 2-е изд. М., 2002. С. 55.

[2] Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2018 г. С. 25. [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/ (дата обращения: 24.01.2020).

Принятые законодателем меры в определенной мере разредили ситуацию, но не позволили решить весь спектр проблем, возникающих при ограничении свободы обнаруженного обвиняемого. Особо сложной оказалась ситуация, связанная с обеспечением экстрадиции обвиняемого при его установлении на территории государства-участника Содружества Независимых Государств (далее — государства — участники СНГ) [5, с. 200]. Традиционно правоохранительные органы государств — участников СНГ в ходе розыскной деятельности активно взаимодействуют. Так, в 2018 г. осуществлялась реализация межгосударственных программ правоохранительной направленности. В частности, проведена в два этапа (в марте и октябре 2018 г.) совместная целевая комплексная операция «Розыск». В результате органами внутренних дел Российской Федерации задержано почти 7,7 тыс. лиц, разыскиваемых за совершение преступлений (в том числе 480 — скрывавшихся от правоохранительных органов государств — участников СНГ). В государства — участники СНГ командировались 22 группы сотрудников территориальных органов МВД России. Это способствовало установлению местонахождения 190 разыскиваемых обвиняемых (подозреваемых), скрывшихся от органов дознания, следствия и суда Российской Федерации[1]. Изложенное свидетельствует о высокой степени востребованности оптимального правового регулирования вопросов, связанных с ограничением свободы передвижения лиц, подлежащих экстрадиции. Это необходимое условие эффективной организации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Решение суда о заключении обвиняемого под стражу является обязательным условием процедуры выдачи лица, находящегося на территории иностранного государства (ч. 5 ст. 460 УПК РФ). При этом вопрос о заочной мере пресечения в ч. 5 ст. 108 УПК РФ был решен лишь в случае объявления международного розыска [6, с. 65]. Данный вид розыска производится через посредничество национального центрального бюро Интерпола при МВД России и не осуществляется на территории государств — участников СНГ[2].

Межгосударственный розыск осуществляется на основании Договора государств — участников СНГ о межгосударственном розыске лиц от 10 декабря 2010 г. (далее — Договор). В целях реализации положений Договора разработан Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц (далее — Регламент), утвержденный Решением Совета глав правительств СНГ[3]. В соответствии с Регламентом порядок действий сотрудников правоохранительных органов при обна-

[1] Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2018 г. С. 9.

[2] Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

[3] О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц: решение Совета глав правительств СНГ. (Принято в г. Душанбе 30 окт. 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

ружении обвиняемого будет зависеть от вида меры пресечения, избранной в отношении данного лица (заключение под стражу или иная мера пресечения)[1].

Например, в Российской Федерации лицо, в отношении которого поступило требование о выдаче, задерживается в соответствии с п. 13 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Дальнейшее применение меры пресечения в виде заключения под стражу допускается лишь по судебному постановлению (ч. 1 ст. 466 УПК РФ) [7, с. 12—13]. В тех случаях, когда решение судебного органа не представлено, прокурор должен принимать меры к заключению задержанного под стражу в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ[2]. Несомненным преимуществом наличия решения о заочном аресте является то, что в этом случае исключается необходимость получения судебного решения правоохранительными органами иностранного государства.

В целях совершенствования процедуры выдачи Российской Федерации обвиняемого, объявленного в межгосударственный розыск, суду предоставлено право рассмотреть вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу в его отсутствие (ч. 5 ст. 108 УПК РФ)[3]. Это позволяет указывать в требовании о выдаче либо в ходатайстве до получения требования о выдаче на наличие решения о мере пресечения и освобождает компетентный орган иностранного государства от необходимости принимать решение о задержании скрывающегося обвиняемого на основании п. 2 ст. 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. Введение заочного ареста существенно оптимизирует порядок заключения под стражу как для следователя, объявившего розыск, так и для обнаруживших обвиняемого сотрудников правоохранительных органов государств — участников СНГ. В юридической литературе дана положительная оценка расширения сферы действия заочного ареста [8, с. 57—58].

---

[1] Так, при задержании лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, компетентный орган информирует инициатора розыска и одновременно запрашивает у него документы, являющиеся основанием для содержания задержанного лица под стражей. В ином случае компетентный орган информирует инициатора розыска и согласовывает с ним последующие действия.

Вопрос о дальнейшем содержании под стражей задержанного лица решается уполномоченными органами стороны, на территории которой было осуществлено задержание, в порядке, установленном международными договорами и национальным законодательством. Так, в соответствии со ст. 60 и п. 1 ст. 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года (далее — Конвенция) основанием для взятия под стражу является требование о выдаче либо ходатайство до получения требования о выдаче. В отсутствие ходатайства лицо может быть задержано, если имеются основания подозревать, что оно совершило на территории другой стороны преступление, влекущее выдачу (п. 2 ст. 61 Конвенции).

[2] О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора: указание Генеральной прокуратуры России от 5 мая 2018 г. № 116/35. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

[3] О внесении изменения в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 6 марта 2019 г. № 21-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

Казалось, ситуация нашла логическое разрешение, тем не менее в правоприменительной практике возникают трудности, которые существенно осложняют реализацию внесенной в ст. 108 УПК РФ новеллы. Основной вопрос связан с обоснованием в суде факта объявления обвиняемого в межгосударственный розыск. Учитывая, что вынесение отдельного постановления об объявлении межгосударственного розыска не требуется, поскольку данная процедура осуществляется в системе федерального розыска, можно предположить, что заочный арест распространяется на все виды розыска. Тем не менее заочный арест допускается лишь при условии, что обвиняемый объявлен в международный и (или) межгосударственный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). Это требование неукоснительно соблюдается и в судебной практике[1].

В связи с однородностью по своей юридической природе отношений, складывающихся при решении вопроса о мере пресечения в отношении обвиняемого, объявленного как в международный, так и в межгосударственный розыск (эти виды розыска связаны с нахождением лица за пределами Российской Федерации), они должны регулироваться одинаковым образом. Возможность осуществления межгосударственного розыска и в случае избрания в отношении разыскиваемого лица меры пресечения, не связанной с лишением свободы (в отличие от международного розыска), не имеет принципиального значения и не может поставить под сомнение тождественность этих отношений. Об этом свидетельствует и введение дополнения в ч. 5 ст. 108 УПК РФ. В этой связи уместно обратиться к порядку заочного ареста при объявлении лица в международный розыск. Так, в соответствии с Инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, постановление об объявлении обвиняемого в международный розыск является обязательным условием, позволяющим в суде рассмотреть вопрос об избрании меры пресечения в порядке ч. 5 ст. 108 УПК РФ. Данное постановление в суд представляется следователем[2]. Подобный порядок может быть взят за основу и в случае объявления обвиняемого в межгосударственный розыск.

Предшествующий обзор правового регулирования позволил нам предложить следующий порядок заочного ареста обвиняемого, объявленного в межгосударственный розыск:

1. Следователь принимает решение об объявлении обвиняемого в розыск

[1] Так, ходатайство следователя об избрании меры пресечении рассмотрено судом в отсутствие обвиняемого со ссылкой на ч. 5 ст. 108 УПК РФ при наличии постановления об объявлении его в федеральный розыск. Между тем, как отметил суд апелляционной инстанции, принимая решение по ходатайству, суд первой инстанции не в полной мере проверил материалы, представленные следствием. В представленных в суд материалах отсутствует постановление об объявлении межгосударственного розыска обвиняемого. При отсутствии данных о нахождении обвиняемого в межгосударственном розыске у суда первой инстанции не имелось оснований для удовлетворения ходатайства следователя о заочном избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу (Апелляционное постановление Калининградского областного суда № 22-943/2019 22К-943/2019 от 10 июня 2019 г. по делу № 22-943/2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://sudact.ru (дата обращения: 02.02.2020))

[2] Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

(ст. 210 УПК РФ).

2. Орган дознания представляет следователю постановление об объявлении обвиняемого в межгосударственный розыск либо данный документ может быть истребован следователем. В соответствии с п. 18 Регламента межгосударственный розыск лица объявляется постановлением компетентного органа, осуществляющего розыск. Как было отмечено ранее, в органах внутренних дел Российской Федерации по общему правилу подобный документ не составляется. Тем не менее оформление данного решения мы не исключаем в ситуациях, когда это необходимо для рассмотрения вопроса о заочном аресте разыскиваемого обвиняемого. Следует обратить внимание на то, что для вынесения постановления об объявления межгосударственного розыска самого факта объявления обвиняемого в федеральный розыск явно недостаточно. Постановление об объявлении межгосударственного розыска может быть вынесено только при наличии оснований, предусмотренных в п. 15 Регламента: «в случаях, когда меры, принятые инициатором розыска, не привели к установлению местонахождения или задержанию разыскиваемого лица и (или) имеются основания предполагать, что разыскиваемое лицо выехало или намеревалось выехать на территорию Стороны, не являющейся инициатором розыска, и (или) имеются сведения о наличии родственных и иных связей разыскиваемого на ее территории». Основания объявления в межгосударственный розыск неоднородны по содержанию. Во-первых, в качестве таковых могут выступать временные рамки, которые в Регламенте указаны достаточно неопределенно (принятые меры не привели к положительному результату). Во-вторых, это сведения вероятностного характера о том, что лицо выехало или намеревалось выехать на территорию другого государства, а также о установлены его родственные и иные связи на её территории. В любом случае должностное лицо, определяющее необходимость объявления межгосударственного розыска, должно обосновать данное решение.

Не исключается и иной способ установления обоснованности пребывания обвиняемого в межгосударственном розыске. Это возможно в ситуациях, когда сведения о нахождении обвиняемого за пределами Российской Федерации установлены в ходе производства по уголовному делу и могут быть представлены в суд следователем. Эти сведения в совокупности с тем, что лицо объявлено в федеральный розыск, могут быть достаточными для заочного решения о мере пресечения в соответствии с ч. 5 ст. 108 УПК РФ. Тем не менее подход, в соответствии с которым в суд представляется постановление об объявлении межгосударственного розыска, по нашему мнению, более предпочтителен в силу того, что он является более определенным, т. к. имеется оформленное решение. Кроме того, в этом случае суд освобождается от оценки обоснованности решения органа, осуществляющего ОРД, достаточно ограничиться лишь выяснением вопросов соблюдения процедуры объявления межгосударственного розыска.

К тому же следует учитывать, что розыск обвиняемого преимущественно объявляется одновременно с приостановлением предварительного расследования. Деятельность на данном этапе фактически осуществляется органом дознания, которому поручен розыск [9, с. 19—23]. В связи с этим вероятность получения сведений о пребывании обвиняемого за пределами Российской Федерации следователем будет незначительной. В случае, если следователь получил подобные сведения, он должен

незамедлительно об этом уведомить сотрудников розыскного подразделения. Это позволит обеспечить целенаправленность розыскной деятельности.

Таким образом, межгосударственный розыск начинается с момента объявления федерального розыска, но позволяет создать предпосылки для заочного ареста лишь при наличии фактических сведений о возможном пребывании обвиняемого на территории государств — участников СНГ. Оптимальной является ситуация, когда решение о межгосударственном розыске подтверждено соответствующим постановлением органа дознания;

3. Следователь обращается в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В обосновании решения в суд представляются соответствующие материалы[1], к которым приобщается в том числе и постановление об объявлении обвиняемого в межгосударственный розыск.

Ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подлежит рассмотрению без личного участия обвиняемого, единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня. Интересы обвиняемого в суде будет отстаивать защитник, участие которого с учетом правовых позиций Конституционного и Верховного судов РФ в данном случае является обязательным[2]. Следует согласиться с авторами, которые предлагают данное правило закрепить в УПК РФ [11, с. 180]. Не ограничиваются и иные права обвиняемого, в частности, он может обжаловать судебное решение об избрании в отношении него заочного ареста[3].

Дискуссионным является вопрос о включении в предмет судебной оценки достаточности сведений о пребывании обвиняемого за пределами Российской Федерации и приобщении к ходатайству материалов, свидетельствующих о наличии оснований для объявления межгосударственного розыска. Наличие этой дилеммы объясня-

[1] Копии постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого; копии протоколов задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого; иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, а также сведения об участии в деле защитника, потерпевшего; имеющиеся в деле данные, подтверждающие необходимость избрания в отношении лица заключения под стражу (сведения о личности обвиняемого, справки о судимости и т. п.) и невозможность избрания иной, более мягкой, меры пресечения (О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шрамко Ирины Вадимовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 2 и 3 части первой статьи 97, частями первой и пятой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 2068-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»; О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шрамко Ирины Вадимовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 2 и 3 части первой статьи 97, частями первой и пятой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 2068-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

ется тем, что законность и обоснованность решения об объявлении в межгосударственный розыск напрямую влияет на правомерность заочного ареста обвиняемого. Принимая во внимание, что основания объявления межгосударственного розыска устанавливаются в ходе ОРД, считаем, что судья может ограничиться проверкой того, что решение об объявлении розыска вынесено должностным лицом в пределах полномочий, предоставленных законом, а также соблюдения процедуры объявления в межгосударственный розыск. На наш взгляд, это позволит исключить принятие решения об объявлении в межгосударственный (международный) розыск обвиняемого ненадлежащим субъектом. Так, суд надзорной инстанции отменил решение суда первой инстанции о заочном аресте обвиняемого, объявленного в международный розыск на основании постановления следователя[1]. Подобные примеры в правоприменительной практике не единичны[2].

Гарантии обоснованности решения об объявлении лица в межгосударственный розыск обеспечиваются благодаря ведомственному контролю и прокурорскому надзору. При наличии сомнений в правомерности объявления в межгосударственный розыск обвиняемый, а также его защитник вправе обжаловать это решение прокурору или в суде. Правоприменительная практика обжалования в суде решений об объявлении в межгосударственный розыск складывается противоречиво. Как правило, суды ограничиваются оценкой соблюдения процедуры объявления в межгосударственный розыск. Встречаются примеры, когда суды отказывают в рассмотрении жалобы в обоснованности объявления межгосударственного розыска в порядке ст. 125 УПК РФ. Так, суд апелляционной инстанции признал законным решение суда первой инстанции об отказе в принятии жалобы об объявлении С. в международный розыск к рассмотрению, в связи с тем, что она не подлежит рассмотрению в порядке статьи 125 УПК РФ[3].

Следует выяснить, в каком порядке возможно обжалование в суд решения об объявлении межгосударственного розыска. Во-первых, мы не исключаем обжалования в порядке оспаривания решений действий органа государственной власти, должностного лица, государственного служащего (глава 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Во-вторых, следует выяснить, правомерно ли обжалование данного решения в суде в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. В первую очередь обратимся к правовой позиции Верховного суда РФ, в соответствии с которой, согласно ст. 125 УПК РФ, могут быть обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений в порядке выполнения поручения

[1] Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 22 мая 2013 г. № 44у-123/13. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Постановление Верховного Суда Республики Карелия (Республика Карелия) от 17 октября 2012 г. № 44-У-89/2012. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 02.02. 2020); Постановление президиума Кировского областного суда от 15 июня 2011 г. № 55/2011 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 02.02. 2020).

[3] Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 15 марта 2016 г. № 22К-143/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 02.02.2020).

следователя[1]. Учитывая, что указанные органы осуществляют розыск на основании поручения следователя (ст. 210 УПК РФ), целесообразно признать правомерность обжалования решения о межгосударственном розыске в порядке ст. 125 УПК РФ [10, с. 62]. Об обоснованности данного вывода свидетельствует и то, что решение о межгосударственном розыске влечет существенные правовые последствия в сфере уголовного судопроизводства. Таким образом, мы полагаем, что обоснованность решения об объявлении межгосударственного розыска входит в предмет судебной оценки в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

4. По итогам судебного заседания принимается решение об избрании меры пресечения или об отказе в удовлетворении ходатайства. Учитывая, что обвиняемый на момент разрешения ходатайства не задержан, вопрос о продлении срока задержания не ставится. Тем не менее мы не исключаем ситуации, когда сторонам может потребоваться дополнительное время для представления доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения. Таким правом они могут воспользоваться в пределах сроков, предусмотренных п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

С момента принятия решения судом мера пресечения в виде заключения под стражу будет считаться избранной (п. 13 ст. 5 УПК РФ), ее применение в отношении разысканного обвиняемого (п. 29 ст. 5 УПК РФ) и исчисление срока содержания под стражей начнется с момента его фактического задержания.

Следует рассмотреть вопрос о правомерности реализации заочно избранной меры пресечения в связи с объявлением обвиняемого в межгосударственный розыск при его обнаружении на территории Российской Федерации. Возникновение подобной ситуации не исключается по ряду причин. Во-первых, сведения о нахождении обвиняемого в другом государстве носят вероятностный характер, т. е. лицо, возможно, не покидало пределов Российской Федерации. Во-вторых, оно может нелегально вернуться в Российскую Федерацию. Основным аргументом утвердительного ответа на этот вопрос является то, что основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу были предметом судебной оценки, выводы суда базируются на исследованных доказательствах. Кроме того, обвиняемый вправе обжаловать решение о заочном аресте и сообщить суду свои возражения относительно лишения его свободы[2].

В заключение отметим, что расширение сферы действия заочного ареста в отношении лиц, объявленных в межгосударственный розыск, позволяет своевременно решить вопрос о мере пресечения и создать необходимые условия для экстрадиции лица в Российскую Федерацию. Вместе с тем считаем необходимым на ведомственном уровне предусмотреть требования к порядку и форме объявления обвиняемого в межгосударственный розыск. Данный шаг позволит устранить неопреде-

[1] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1. (п. 4). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

[2] Сотрудники правоохранительных органов, обнаружившие обвиняемого не по месту расследования, в отсутствие формального основания для заключения его под стражу сталкиваются с проблемой реализации заочно избранной меры пресечения. До получения постановления судьи о заочном заключении под стражу обвиняемый может быть задержан по месту его обнаружения в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 210 УПК РФ.

ленность в вопросах обоснования в суде факта пребывания обвиняемого в межгосударственном розыске и будет являться дополнительной гарантией правомерности заочного ареста. Более радикальным способом решения данной проблемы мы видим в дозволении в УПК РФ заочного ареста обвиняемого, объявленного в федеральный розыск. Реализация данного предложения позволить оптимизировать порядок ограничения обвиняемого, в том числе при его обнаружении на территории Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кругликов А. П., Дикарев И. С. О сущности и проблемах избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого // Уголовное право. — 2006. — № 1. — С. 88.

2. Гаврилов Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. — 2019. — № 3 (8). — С. 101.

3. Архипов А. С. Задержание подозреваемого по поручению следователя вне места производства предварительного расследования (процессуальный аспект) // Российский следователь. — 2017. — № 8. — С. 7—9.

4. Павлов А. В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске: моногр. — Омск, 2015. — 207 с.

5. Колдин С. В. Проблемы регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, находящихся в межгосударственном розыске // Судебная власть и уголовный процесс. — 2012. — № 1. — С. 200.

6. Чемерилова Е. Н. Соотношение международного и межгосударственного розыска обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления // Законодательство и практика. — 2014. — № 2. — С. 65.

7. Лятифов Р. Г. Избрание меры пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2019. — С. 12—13.

8. Миняев А. А. Объявление преступников в розыск по линии Интерпола: нормативные основания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-лов XXIV междунар. науч.-практ. конф. — Восточно-Сибирский институт МВД России. — 2019. — С. 57—58.

9. Бычков В. В. Розыскная деятельность следователя: проблемы и пути решения // Российский следователь. — 2014. — № 14. — С. 19—23.

10. Артамонов А. Н. Обжалование действий (бездействия) и решений органов расследования, прокурора в суд // Законодательство и практика. — 2019. — № 2. — С. 62.

11. Балакшин В. С., Клевцов К. К. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении уголовно-преследуемых лиц, находящихся за пределами Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 2 (115). — С. 180.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Kruglikov A. P., Dikarev I. S. About the essence and problems of choosing a preventive measure in the form of detention in the absence of the accused // Criminal Law. 2006. No. 1. P. 88.

2. Gavrilov B. Ya. does modern pre-trial proceedings Meet the realities of fighting crime? // Academic Thought. 2019. No. 3 (8). P. 101.

3. Arkhipov A. S. Detaining a suspect on behalf of an investigator outside the place of preliminary investigation (procedural aspect) / / Russian Investigator. 2017. No. 8. P. 7—9.

4. Pavlov A. V. Detaining an accused person who is wanted: monograph. Omsk, 2015. 207 p.

5. Koldin S. V. Problems of regulation of election of a measure of restraint in the form of detention of persons on the interstate wanted list // Judicial Power and Criminal Procedure. 2012 No. 1. P. 200.

6. Chemerilova E. N. the Ratio of international and interstate search for accused (suspects) in the Commission of a Crime // Legislation and Practice. 2014. No. 2. P. 65.

7. Latifov R. G. Election of a preventive measure to ensure the extradition of a person requested by a foreign state for the purpose of criminal prosecution or execution of a sentence: abstract of the thesis of the Candidate of Law. Ryazan, 2019. P. 12—13.

8. Minyaev A. A. Announcement of criminals wanted by Interpol: normative grounds // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the scientific and practical XXIV conference. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. P. 57—58.

9. Bychkov V. V. Investigative activity of the investigator: problems and solutions // Russian Investigator. 2014. No. 14. P. 19—23.

10. Artamonov A. N. Appeal of actions (inaction) and decisions of the investigation bodies, the Prosecutor to the court // Legislation and Practice. 2019. No. 2. P. 62.

11. Balakshin V. S., Klevtsov K. K. Election of a preventive measure in the form of detention in relation to criminally persecuted persons located outside the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 2 (115). P. 180.

УДК: 351.74
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10066

Слышалов Игорь Викторович
заместитель начальника кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: 8913967@gmail.com

Slyshalov Igor Victorovich
deputy Head of the Department of Activity of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: 8913967@gmail.com

Огородников Максим Анатольевич
доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: azzz.85@yandex.ru

Ogorodnikov Maksim Anatolevich
associate Professor of the Department of Activity of Activity of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Candidate of Law
E-mail: azzz.85@yandex.ru

О ПОНЯТИИ, ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ И ТЕНДЕНЦИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Введение: в статье рассмотрены наиболее общие вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. Предложены различные подходы к определению понятия «личная безопасность сотрудников органов внутренних дел». Рассмотрены проблемы, связанные с недостаточностью правового регулирования обеспечения личной безопасности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует законодательство Российской Федерации, регламентирующее осуществление полицейской деятельности, а также нормативные правовые акты Министерства внутренних дел Российской Федерации. При подготовке работы были использованы общенаучные методы: анализ, сравнение, дедукция, индукция и частнонаучные: формально-юридический и метод анализа нормативно-правовых актов, толкование норм права.

Результаты исследования: уточнено соотношение понятий «личная безопасность» и «личная физическая безопасность». Предложены определения понятия «личная безопасность сотрудников органов внутренних дел» в узком и широком смыслах. Рассмотрены вопросы правового регулирования обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел, сделан вывод о возможности и необходимости применения норм права по аналогии. Названы основные пути повышения безопасности полицейской деятельности.

Выводы и заключения: понятийный аппарат в сфере обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел нуждается в уточнении. Правовое регулирование в данной области недостаточно. Основными направлениями обеспечения личной безопасности являются обучение приемам и способам минимизации рисков при осуществлении профессиональной деятельности, а также включение в число приоритетных задач деятельности органов внутренних дел обеспечение объективно возможного уровня личной безопасности сотрудников.

Ключевые слова: органы внутренних дел, личная безопасность, правовое регулирование, подготовка кадров.

ON THE CONCEPT, LEGAL REGULATION AND TRENDS ENSURING PERSONAL SECURITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Introduction: the article deals with the most general issues of personal security of employees of internal affairs bodies. Various approaches to defining the concept of "personal security of employees of internal affairs bodies" are proposed. The problems related to the lack of legal regulation of personal security are considered.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the legislation of the Russian Federation regulating the implementation of police activities, as well as normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. In preparing the work, general scientific methods were used: analysis, comparison, deduction, induction, and private scientific methods: formal legal and method of analysis of legal acts, interpretation of legal norms.

Results of the Study: the relationship between the concepts of "personal security" and "personal physical security" is clarified. Definitions of the concept "personal security of employees of internal affairs bodies" in narrow and wide senses are offered. The issues of legal regulation of personal security of employees of internal affairs bodies are considered, and the conclusion is made about the possibility and necessity of applying the rules of law by analogy. The main ways to improve the security of police activity are named.

Findings and Conclusions: the conceptual framework for ensuring the personal safety of employees of internal affairs bodies needs to be clarified. Legal regulation in this area is not sufficient. The main areas of personal security are training in techniques and methods for minimizing risks in the implementation of professional activities, as well as including the provision of an objectively possible level of personal security of employees among the priority tasks of the internal affairs bodies.

Keywords: internal affairs bodies, personal security, legal regulation, training.

В современных условиях проблема обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных со служебной деятельностью, характеризуется особой остротой и актуальностью.

Из открытых источников известно, что в России ежегодно при исполнении служебных обязанностей погибают около трехсот, получают ранения тысячи сотрудников органов внутренних дел[1].

Правительство Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации предпринимают активные меры по разрешению данной проблемы. Многие вопросы находят своё разрешение через Стратегию национальной безопасности Российской Федерации[2], а также формирующуюся в МВД России систему обеспечения безопасности органов внутренних дел. Вместе с тем богатейший опыт, накопленный в ходе осуществления правоохранительной деятельности, не нашел еще должного обобщения и системного применения. Об этом свидетельствует неснижающийся уровень гибели и травматизма сотрудников.

Таким образом, современные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в условиях повседневной деятельности, а также в особых условиях [3, с. 43] имеют комплексный, многогранный характер и требуют всестороннего исследования, как с научной точки зрения, так и с точки зрения выработки практических рекомендаций сотрудникам, выполняющим оперативно-служебные задачи.

В научной литературе предлагаются различные подходы к определению понятия «личная безопасность» [1, с. 36].

Принимая во внимание традиционную трактовку категории «безопасность», предполагающую понимание её как состояния защищенности объектов безопасности и (или) их жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз, которая заложена в большинстве документов стратегического планирования и нормативных правовых актов в сфере безопасности [4, с. 16, 17], и с учетом специфики правоохранительной деятельности предлагаем следующее определение понятия «личная безопасность сотрудников органов внутренних дел».

Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел — это состояние защищенности сотрудников органов внутренних дел от угроз внешнего и внутреннего характера, при котором обеспечивается высокий уровень их профессиональной готовности.

Состояние защищенности, как правило, раскрывается через направления защищенности, к числу которых относят:

— правовую защищенность,
— экономическую,
— материально-техническую,
— социальную,
— кадровую,
— информационную,
— специальную,

[1] Для сравнения, по данным американского портала Officer Down Memorial Page, в среднем в США в столкновениях с преступниками гибнет около 140 полицейских (все погибшие офицеры перечислены поимённо, указаны обстоятельства произошедшего) [Электронный ресурс]. URL: http://www.odmp.org (дата обращения: 03.03.2020).

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.01.2015 № 683 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 03.03.2020).

— психологическую,
— физическую [5, с. 6].

Как видим, физическая защищенность рассматривается в качестве одного из компонентов понятия «личная безопасность сотрудников органов внутренних дел». Между тем в большинстве случаев рассмотрение вопросов обеспечения *личной безопасности* сотрудников органов внутренних дел сводится к поиску способов обеспечения их *личной физической безопасности.* Широко распространенная практика использования данных терминов в качестве синонимов позволяет говорить о возможности рассмотрения понятия «личная безопасность сотрудников органов внутренних дел» в широком и узком смыслах. В *широком* смысле оно определяется через состояние защищенности (различной направленности) сотрудников органов внутренних дел от различных угроз внешнего и внутреннего характера, при котором обеспечивается высокий уровень их профессиональной готовности.

В *узком* смысле, под личной безопасностью сотрудников органов внутренних дел понимается состояние защищенности жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел от угроз внешнего и внутреннего характера. Соответственно, *обеспечением личной безопасности сотрудников органов* внутренних дел, понимаемой в узком смысле, является совокупность приемов и способов, направленных на сохранение жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел до объективно возможного предела при условии поддержания высокого уровня эффективности профессиональных действий.

Традиционная сложность рассмотрения вопросов, связанных с обеспечением личной безопасности сотрудников связана с тем, что конкретные приемы и способы снижения рисков причинения вреда жизни и здоровью сотрудников полиции в ходе выполнения ими оперативно-служебных задач либо не имеют нормативного закрепления либо характер их нормативно-правового регулирования минимален.

При этом следует отметить, что правовое регулирование обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел имеет комплексный характер и интегрирует нормы, закрепленные в различных нормативных правовых актах. Данные нормативные правовые акты в большинстве своем имеют подзаконный ведомственный характер. На уровне законодательного регулирования вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел освещены, на наш взгляд, в недостаточной мере. Так, например, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[1], имеющий основополагающее значение для организации деятельности полиции, содержит, пожалуй, только одну норму, закрепленную в ч. 2 ст. 24, прямо и непосредственно направленную на создание специальных условий для безопасного осуществления сотрудниками своих профессиональных обязанностей[2].

[1] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 03.03.2020).

[2] При попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнажённым огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его огнестрельному оружию сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктами 1 и 2 части 1 статьи 23 Федерального закона «О полиции» (ч. 2 ст. 24).

Основной массив правовых норм, направленных на обеспечение личной безопасности сотрудников органов внутренних дел, содержится в ведомственных нормативных правовых актах, к основным из которых относятся:

— приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции»;

— приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»;

— приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1 «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Кроме того, отдельные положения содержатся в приказах МВД России, содержащих информацию ограниченного распространения.

Следует отметить, что из всех перечисленных нормативных правовых актов наибольшей степенью детализации при описании (нормативном закреплении) конкретных приемов и способов, направленных на обеспечение личной безопасности сотрудников, обладает, бесспорно, Устав патрульно-постовой службы полиции[1]. Предписания Устава в части установления порядка подхода к подозреваемому, взаимного расположения при этом сотрудников, обращения к подозреваемому и далее вплоть до описания безопасного порядка преследования, задержания и доставления имеют универсальный характер и могут эффективно применяться в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности сотрудниками различных служб и подразделений органов внутренних дел. В связи с этим, несмотря на то, что рассматриваемый Устав регламентирует порядок организации деятельности подразделений одной из служб органов внутренних дел — патрульно-постовой службы полиции, в условиях недостаточного правового регулирования вопросов обеспечения личной физической безопасности сотрудников органов внутренних дел, полагаем возможным и целесообразным распространение действия данных норм по аналогии на сотрудников подразделений иных служб.

При этом считаем, что в силу многообразия возможных сценариев развития различных ситуаций оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел исчерпывающая правовая регламентация вопросов обеспечения личной безопасности сотрудников принципиально недостижима либо возможности для этого существенно ограничены. Сказанное не исключает необходимости определения должных (наиболее безопасных) моделей профессионального поведения сотрудников полиции, однако такое регулирование должно иметь не нормативный характер, а осуществляться на уровне методических рекомендаций, которые бы задавали целевые ориентиры в сфере обеспечения личной безопасности сотрудников полиции.

В этих условиях приоритетным направлением обеспечения личной безопасности становится *обучение* сотрудников органов внутренних дел приемам и способам минимизации рисков при осуществлении профессиональной деятельности, в связи

[1] Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 03.03.2020).

с чем принципиальное значение приобретает выработка единых подходов к определению оптимальных и наиболее эффективных приемов и способов обеспечения личной безопасности сотрудников. В связи с этим следует согласиться с мнением Н. Н. Невского, который указывает, что наличие в системе профессионального обучения специального направления — «педагогики личной безопасности» — является реальной возможностью получения соответствующих знаний, умений и навыков, которые повышают уровень профессиональной защищенности сотрудника и способствуют обеспечению личной безопасности. Сотрудник, владеющий стратегией, тактикой и приемами обеспечения безопасности (особенно руководитель), способен обеспечить более высокий уровень социально-психологической, физической защищенности своих коллег [2, с. 30].

Вместе с тем достижение цели обеспечения личной физической безопасности не должно и не может ограничиваться обобщением практического опыта сотрудников ОВД и выработкой на его основе практических рекомендаций, хотя данное направление деятельности и имеет ключевое значение на частном (тактическом) уровне решения проблемы.

Основным элементом системного (стратегического) подхода к вопросам обеспечения личной безопасности должно стать изменение профессиональной доктрины деятельности правоохранительных органов, которое бы предполагало включение в число приоритетных задач деятельности органов внутренних дел обеспечение объективно возможного уровня личной безопасности сотрудников, вплоть до отказа в ряде случаев от конфронтации (силового контакта) с правонарушителем, если нет реального риска для жизни граждан, но имеется вероятность гибели самих сотрудников. При этом умения и навыки сотрудника, связанные с обеспечением безопасности коллег и собственной безопасности, должны рассматриваться в качестве наиболее значимых при оценке уровня профессионализма сотрудников. Персональная способность обеспечивать личную физическую безопасность должна стать одним основных элементов профессиональной компетентности любого сотрудника органов внутренних дел.

В заключение следует отметить, что риск является объективной составляющей профессиональной деятельности сотрудников полиции, что предопределяет необходимость осуществления специальных мероприятий различной направленности, целью которых являлось бы снижение такого риска до минимально возможного предела. Решения могут быть различными и лежать как в области повышения материально-технической защищенности сотрудников (выдача защитных жилетов, оборудование полицейских автомобилей пулестойкими стеклами и баллистическими панелями и т. д.), так и в области более качественной их подготовки (обучение по программам переподготовки и повышения квалификации с обязательным изучением разделов, посвященных рассмотрению вопросов обеспечения личной безопасности) или повышения уровня правовой защищенности сотрудников (например, более четкая нормативно-правовая регламентация действий сторон в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности).

В настоящем материале рассмотрены лишь некоторые из проблем обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. Рассчитываем на то, что их обсуждение, в том числе на страницах научных изданий, способно положительно

повлиять на общий уровень защищенности сотрудников полиции, снизить риски причинения вреда жизни и здоровью, повысить эффективность и безопасность полицейской деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вишняков В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. — 2005. — № 9. — С. 27—39.

2. Невский Н. Н. Основные составляющие обучения сотрудников ОВД личной профессиональной безопасности // Вестник Владимирского юридического института. — 2007. — № 4. — С. 29—32.

3. Слышалов И. В. Особенности правового статуса сотрудников ОВД, выполняющих обязанности в особых условиях // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2014. — № 4. — С. 43—46.

4. Смирнов А. А. Критический анализ ревизионистских подходов к определению понятия «безопасность» // Административное право и процесс. — 2015. — № 5. — С. 16—20.

5. Чернов А. И. Организация личной безопасности сотрудников ОВД: учеб. пособ. — М., 2001. — 77 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Vishnyakov V. G. Methodological foundations of legal regulation of security problems in the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2005. No. 9. P. 27—39.

2. Nevsky N. N. Main components of training of employees of the Department of internal Affairs of personal professional security // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2007. No. 4. P. 29—32.

3. Slyshalov I. V. Features of the legal status of police officers performing duties in special conditions / / Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4. P. 43—46.

4. Smirnov A. A. Critical analysis of revisionist approaches to defining the concept of “security” // Administrative Law and Process. 2015. No. 5. P. 16—20.

5. Chernov A. I. Organization of personal security of police officers: textbook. Moscow, 2001. 77 p.

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК: 340.692:[343.985.7:343.61]
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10067

Васильченко Андрей Владимирович
доцент кафедры криминалистики
Уфимского юридического института
МВД России,
кандидат медицинских наук, доцент
avasilchenko6@mvd.ru
E-mail: avasilchenko6@mvd.ru

Vasilchenko Andrey Vladimirovich
associate Professor of the Criminalistics
Department of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor
E-mail: avasilchenko6@mvd.ru

Нугаева Эльвира Дамировна
начальник кафедры криминалистики
Уфимского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: enugaeva@mvd.ru

Nugaeva Elvira Damirovna
head of the Criminalistics
Department of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law
E-mail: enugaeva@mvd.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫХ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ИСПОЛНЕНИЕМ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Введение: в статье рассмотрены проблемы методики производства и оценки результатов комиссионных судебно-медицинских экспертиз, назначенных по уголовным делам, связанным с «профессиональными нарушениями медицинских работников». В настоящей работе отмечены причины отнесения данных экспертиз к разряду сложных, даны рекомендации по выбору экспертных учреждений и отбору допустимых доказательств по делу, кратко представлены требования к результатам комиссионной судебно-медицинской экспертизы и критерии оценки её результатов.

Материалы и методы: в ходе исследования изучены материалы 40 апелляционных и кассационных постановлений судов Российской Федерации по делам, связанным с профессиональной деятельностью медицинских работников, проведено ретроспективное изучение заключений судебно-медицинской экспертизы по анализируемой категории дел.

Результаты исследования: по итогам работы выявлены ошибки, допускаемые следователями при назначении экспертиз и при оценке доказательств по уголовному делу; ошибки, допускаемые экспертами при производстве экспертиз.

Выводы и заключения: при оценке доказательств по уголовным делам, связанным с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей имеют место проблемы методологического и оценочного характера. Выявленные факты свидетельствуют о необходимости совершенствования критериев судебно-экспертной оценки, пересмотра подхода к оценке результатов судебно-медицинской экспертизы, иных доказательств по делу.

Ключевые слова: оценка доказательств, медицинские работники, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, судебно-медицинская экспертиза.

ON THE ISSUE OF EVALUATING THE RESULTS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION ON CRIMINAL CASES RELATED TO INAPPROPRIATE IMPLEMENTATION OF MEDICAL WORKERS OF THEIR PROFESSIONAL PROJECT

Introduction: The article deals with the problems of methods of production and evaluation of the results of commission forensic examinations appointed in criminal cases related to “professional violations of medical workers”. This paper notes the reasons for classifying these examinations as complex, provides recommendations on the selection of expert institutions and the selection of admissible evidence in the case, and briefly presents the requirements for the results of commission forensic examination and criteria for evaluating its results.

Materials and Methods: the study examined materials 40 appellate and cassation rulings of courts of the Russian Federation on the Affairs connected with professional activity of medical workers conducted a retrospective study of forensic medical examination for the analyzed category of cases.

Results of the Study: based on the results of the work, errors made by investigators when assigning expert examinations and evaluating evidence in a criminal case were identified; errors made by experts when conducting expert examinations.

Findings and Conclusions: when evaluating evidence in criminal cases related to improper performance by medical professionals of their professional duties, there are problems of a methodological and evaluative nature. The revealed facts indicate the need to improve the criteria for forensic expert assessment, review the approach to evaluating the results of forensic medical examination, and other evidence in the case.

Keywords: assessment of evidence, medical personnel, improper performance of professional duties, forensic medical examination.

Неуклонный рост числа доследственных проверок, а также уголовных дел, связанных с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессио-

нальных обязанностей, обусловливает увеличение количества экспертных исследований, выступающих в качестве доказательств по уголовным делам подобного рода [1, С. 44; 2, С. 2; 3, С. 431; 6, С.27].

Результаты судебно-медицинской экспертизы перед иными источниками доказательств по уголовному делу преимуществ не имеют. В то же время выводам судебно-медицинских экспертов по результатам исследования, проведенного в соответствии с предъявляемыми требованиями, уделяется особое внимание [4, С. 276; 5, С. 55; 7, С.52].

Судебно-медицинская экспертиза по уголовным делам, связанным с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, относится к разряду сложных экспертиз по следующим причинам:

— ретроспективность оценки состояния здоровья пациента в определенный временной промежуток (до оказания медицинской помощи, на этапах оказания помощи и после оказания помощи) по документам, без возможности его объективного осмотра;

— индивидуальность реакции организма пациента на проводимые лечебно-диагностические вмешательства;

— этапный характер оказания медицинской помощи, привлечение к оказанию помощи нескольких специалистов смежных специальностей.

Сложность экспертиз усугубляется недостаточной степенью разработки критериев судебно-экспертной оценки действий медицинского работника. В частности, отсутствуют: учет системного характера причинения вреда; разработанные стандарты диагностики, лечения и реабилитации целого ряда заболеваний; учет влияния коморбидности (наличия нескольких заболеваний) на исход заболевания травмы.

При назначении судебно-медицинской экспертизы следователю особое внимание следует уделять выбору экспертного учреждения. Во избежание возможного субъективного подхода экспертов при производстве экспертизы, обусловленного высокой степенью корпоративности медицинских работников, широкое распространение получила практика направления экспертиз подобного рода в иные субъекты Российской Федерации. В редких случаях имело место назначение производства данных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства обороны Российской Федерации.

В ходе доследственной проверки возможно использование результатов экспертиз оценки качества оказанной медицинской помощи (акты контрольных мероприятий по проведению экспертизы качества медицинской помощи, экспертные заключения фонда обязательного медицинского страхования и пр.). Однако, по нашему мнению, применение подобного рода экспертиз в качестве доказательства по делу нецелесообразно в силу вероятной субъективности заключения эксперта, обусловленной его заинтересованностью, неприязненными отношениями и пр.

Следует помнить, что для доказательства вины медицинского работника в ненадлежащем выполнении профессиональных обязанностей необходимо наличие трех основных составляющих:

1) дефекта в процессе действий по оказанию медицинской помощи;

2) причинения вреда здоровья либо смерти пациенту;

3) прямой причинно-следственной связи между дефектом в процессе действия медицинских работников по оказанию медицинской помощи и ухудшением состояния больного (наступления неблагоприятных последствий для здоровья).

Дефект оказания медицинской помощи устанавливается на основании следующих признаков:

1. Не получено добровольное согласие пациента на проведение медицинских (лечебно-диагностических) процедур [8].

2. Объем медицинской помощи, отраженный в стандартах и рекомендациях, утвержденных Министерством здравоохранения РФ, оценён как недостаточный.

3. При выполнении медицинских манипуляций нарушены установленные нормативными документами требования безопасности для жизни и здоровья пациентов.

4. Не соблюдены установленные сроки оказания медицинской помощи, регламентированные нормативными актами Министерства здравоохранения России, постановлениями Правительства Российской Федерации и договорами, заключенными между администрацией медицинской организации и пациентом.

5. Выбран лечебно-диагностический, профилактический или реабилитационный метод оказания медицинской помощи, не соответствующий требованиям соответствующих национальных (при их отсутствии — международных) рекомендаций, протоколов ведения больных, стандартов медицинской помощи, утвержденных приказами Министерства здравоохранения РФ.

При оценке соблюдения методики производства подобного рода судебно-медицинских экспертиз следует ориентироваться на методические рекомендации, подготовленные А. В. Ковалевым [9]. Несмотря на рекомендательный характер, данная методика принята как обязательная при приведении экспертиз в Бюро судебно-медицинской экспертизы всех субъектов Российской Федерации. Сотрудникам правоохранительных органов целесообразно изучить и понять рекомендованную методику проведения судебно-медицинской экспертизы и использовать её в качестве эталона при оценке доказательной базы по уголовному делу. При проведении оценки результатов судебно-медицинской экспертизы следователю также необходимо удостовериться в использовании экспертами критериев оценки качества медицинской помощи, утвержденных приказом Министерства здравоохранения России от 10.05.2017 № 203н [10]. Кроме того, необходимо проверить алгоритм оценки экспертами действий медицинских работников, который должен реализовываться в:

1) восстановлении последовательности этапов (действий) оказания медицинской помощи пациенту;

2) оценке степени их соответствия существующим стандартам (протоколам) оказания медицинской помощи;

3) определении этапов, на которых были допущены дефекты оказания медицинской помощи, и медицинских работников, их допустивших;

4) уточнении времени, продолжительности и способа реализации дефектов оказания медицинской помощи;

5) определении тяжести последствий дефекта(-ов) оказания помощи;

7) диагностировании непосредственной причины неблагоприятного исхода и сопутствующих причин;

8) установлении наличия причинно-следственной связи (прямой, косвенной), между дефектом оказания медицинской помощи и неблагоприятным исходом или её отсутствия.

С целью исследования современного состояния проблемы оценки экспертных доказательств нами было изучено 40 апелляционных и кассационных постановлений судов Российской Федерации по жалобам медицинских работников, осужденных по уголовным делам, связанным с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Результаты проведенного исследования свидетельствуют как о методологических проблемах производства судебно-медицинских экспертиз, так и о проблемах оценки доказательств по уголовным делам, связанным с профессиональными нарушениями медицинских работников. В частности, в 16 наблюдениях (40 %) нами были выявлены ошибки методологического и оценочного характера.

Анализ практики показывает, что, к сожалению, нередко встречаются ошибки в заключениях экспертов.

Одним из видов экспертных ошибок является выход эксперта за рамки его компетенции. Так, судом исключены из числа доказательств как недопустимые выводы комиссионной экспертизы о нарушении и. о. главного врача «Аксарковская ЦРБ», дежурным врачом и дежурным администратором данного учреждения, приказов и должностных инструкций, т. к. в компетенцию экспертов разрешение данных вопросов не входит [11].

Отдельного внимания заслуживают оценка методики и научная обоснованность выводов судебно-медицинской экспертизы. Так, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы судом первичной инстанции был признан виновным врач-невролог З., не диагностировавший закрытую черепно-мозговую травму у больного Г. и осуществлявший неверное лечение вследствие неправильно выставленного диагноза (острое нарушение мозгового кровообращения). При этом судебно-медицинской экспертизой отмечена прямая причинно-следственная связь между неверно проведенным лечением и смертью пациента Г. Однако в заключении судебно-медицинской экспертизы имелись следующие недостатки: в исследовательской части отсутствовало обоснование используемых методик; не была учтена массивная кровопотеря у больного Г. вследствие обострения хронической язвы желудка; не проведена оценка транспортабельности больного Г. для проведения необходимых исследований (компьютерная томография) в другом населенном пункте [12].

Распространенной ошибкой является отсутствие учета системного причинения вреда больному. В частности, не учитываются организационные аспекты оказания медицинской помощи и роль специалистов смежных служб в неблагоприятном исходе заболевания или травмы пациента. Так, по результатам комиссионной судебно-медицинской экспертизы экспертами усмотрены: дефект оказания медицинской помощи акушером-гинекологом А. беременной Х. с диагнозом «Ущемленная диафрагмальная грыжа» и прямая причинно-следственная связь между недостатками в объеме

и своевременности проведения диагностических мероприятий и смертью данной пациентки Х. При этом экспертами не была учтена системность причинения вреда здоровью пациентки. В частности, сложность своевременной и полной диагностики в условиях центральной районной больницы, а также неверно выставленный диагноз и план обследования, рекомендованный приглашенными специалистами-консультантами. Так, хирургом Б. был поставлен неверный диагноз «Острый панкреатит», не было рекомендовано проведение рентгенографии органов грудной клетки; терапевтом В. при осмотре больной Х. было отмечено везикулярное дыхание, которого по заключению экспертов не могло быть при подобном диагнозе, также не было дано рекомендаций по проведению рентгенографии органов грудной клетки [13].

Важным условием получения объективного заключения комиссионной судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу является полноценный и всесторонний сбор материалов по делу и своевременное предоставление их в распоряжение экспертов. Неполное и несвоевременное предоставление материалов по делу может кардинально изменить выводы экспертов. Так, приговором Бежицкого районного суда г. Брянска по ч. 2 ст. 109 УК РФ осуждена врач-педиатр И., которая осуществляла медицинскую помощь малолетней пациентке М., находящейся на амбулаторном лечении по месту проживания. В течение нескольких дней И., небрежно относясь к исполнению своих профессиональных обязанностей, поверхностно осматривала пациентку М., получив от родителей пациентки данные об имевшихся симптомах кишечного инфекционного заболевания, не проявила врачебной насторожённости в диагностике заболевания, не выполнила соответствующие лечебно-диагностические мероприятия, вследствие чего не диагностировала у нее наличие кишечного инфекционного заболевания, проводила лечение согласно неверному диагнозу и не приняла мер к немедленной госпитализации пациента. Ненадлежащее исполнение врачом-педиатром И. своих профессиональных обязанностей при обследовании и установлении диагноза пациентке М. привело к развитию у последней нейроинфекции, отека и набухания головного мозга, а также острого инфекционного гастроэнтерита тяжелой формы. Больная М. 31 декабря 2015 года была экстренно госпитализирована в реанимационное отделение где, несмотря на проводимую в дальнейшем интенсивную терапию, 1 января 2016 года была констатирована её биологическая смерть. В заключении комиссионной судебно-медицинской экспертизы Брянского областного бюро судебно-медицинской экспертизы была отмечена прямая причинно-следственная связь между дефектом оказания медицинской помощи и смертью пациентки. Однако по заключению проведенной повторной судебно-медицинской экспертизы в Российском центре судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ причинно-следственная связь между дефектом оказания медицинской помощи и смертью больной отсутствует. В качестве причины, непосредственно повлекшей за собой смерть, указывался неоднократный отказ родителей от госпитализации малолетней пациентки. Документальное подтверждение отказа родителей не было представлено при направлении материалов дела для производства первичной экспертизы. Данный факт послужил основанием к возбуждению производства дела ввиду новых обстоятельств [14].

Методологические сложности судебно-экспертной оценки действий медицинских работников при выполнении ими профессиональных обязанностей усугубляются проблемами в оценке собранных по делу доказательств. В частности, имеют место случаи, когда медицинскому работнику вменялась вина за ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей при отсутствии прямой причинно-следственной связи между дефектом оказания медицинской помощи и причинением вреда здоровью. Так, судом первой инстанции Элистинского городского суда признан виновным в причинении смерти вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей дежурный врач-терапевт М. приемного покоя больницы. При этом результаты комиссионных судебно-медицинских экспертиз от 3 ноября 2016 года № 33 и от 28 июня 2017 года № 110/17 и дополнительной судебно-медицинской экспертизы от 24 октября 2017 года № 37 не усматривали прямой причинно-следственной связи между недооценкой тяжести состояния больного Т. и его смертью. Согласно материалам дела, дежурный врач-терапевт М, отказал в госпитализации больному Т., получившему ожог верхней конечности и имевшему сопутствующее заболевание туберкулез на основании рекомендаций специалистов-консультантов (травматолога Ж. и фтизиатра Л.). При этом больному Т. рекомендовано было обратиться за помощью в стационар, оказывающий помощь больным фтизиатрического профиля. В данной ситуации судебно-медицинскими экспертизами был усмотрен дефект оказания медицинской помощи, проявившийся в недооценке тяжести состояния больного и в отказе ему в госпитализации. При этом экспертами не был учтен системный характер причинения тяжести вреда, в частности, заключения специалистов-консультантов, неправильно трактовавших состояние больного и давших несостоятельные рекомендации по его дальнейшему наблюдению и лечению, что в целом определило общую неверную тактику оказания помощи данному больному и неблагоприятный исход термической травмы [15].

Кроме того, встречаются случаи, когда судом в основу обвинения ставятся результаты экспертизы качества оказанной медицинской помощи. Так, Тюменским областным судом была признана виновной в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ) врач-педиатр К., которая своевременно не диагностировала наличие цитомегаловирусной инфекции у новорожденной А. При этом отмечается игнорирование судом результатов первичной и дополнительной комиссионных судебно-медицинских экспертиз, указывающих на длительный латентный характер течения заболевания с его последующим обострением и молниеносным развитием и не усматривающих прямой причинно-следственной связи между летальным исходом и дефектом оказания медицинской помощи. В то же время в число обвинительных доказательств вошли: акт контрольных мероприятий по проведению экспертизы качества медицинской помощи, экспертное заключение Тюменского фонда обязательного медицинского страхования, рецензия медицинской документации и протокол заседания расширенной врачебной комиссии [16]. По нашему мнению, данные доказательства следует учитывать в качестве основания для возбуждения уголовного дела, однако в качестве

доказательства вины медицинского работника следует опираться на заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, проблема оценки доказательств вины медицинского работника за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей носит комплексный характер. С одной стороны, доработки требуют судебно-медицинские критерии оценки качества оказания медицинской помощи. С другой стороны, нередко в основу формирования обвинительного заключения ложатся недопустимые доказательства, а также косвенные причинно-следственные связи между дефектом в оказании медицинской помощи и ухудшением состояния больного.

Вышеуказанные факты свидетельствуют о необходимости пересмотра критериев оценки оказания медицинской помощи пациентам, изменения подхода к оценке доказательств, к установлению причинно-следственных связей дефектов оказания медицинской помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Альшевский В. В. Методика судебно-медицинского исследования при производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве по делам о причинении врачом вреда здоровью пациента (сообщение 2) / В. В. Альшевский // Медицинское право. — 2018. — № 5. — С. 44—49.

2. Гришин С.М. Преступления, совершенные медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (по материалам судебной практики Европейской части России 2015-2017 г.г.) / С.М. Гришин//Медицина. 2018. №1. С. 1—14.

3. Исхаков Э.Р. Причины роста уголовных дел против медицинских работников в связи с ненадлежащим исполнением ими профессиональных обязанностей/ Э.Р. Исхаков // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: матер. конф. – Уфа, 2020. – С. 431—434.

4. Ротков А.И. Ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей как признак преступления, предусмотренного частью 2 статьи 109 УК РФ/ А.И. Ротков, Чупрова А.Ю. // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №4. С. 27—280.

5. Семенова О.Ю. Роль специалиста-медика в процессе расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей/ О.Ю. Семенова //Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. №1. С. 77—79.

6. Чернышев С. А., Чиненов Е. В. Проблемы организации производства новых видов экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России (по опыту экспертно-криминалистического центра УМВД России по Белгородской области) // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2016. — № 4. — С. 25—28.

7. Эртель Л.А. Использование судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в качестве доказательства по делам о ненадлежащем испол-

нении медицинскими работниками профессиональных обязанностей)/ Л.А. Эртель//Медицинское право. 2018. №2. С. 52—55.

8. Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства: приказ Минздрава России от 21.12.2012 № 1177н // Российская газета. — 2013. — 5 июля. — № 145.

9. Ковалев А. В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации (утв. Минздравом России 21.06.2017). — М.: Российский центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, 2017. — 16 с.

10. Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.06.2019).

11. Уголовное дело № 1-150/2015. Приговор Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 19.05.2020)

12. Уголовное дело № 1-151/2019 Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 19.05.2020).

13. Судебные и нормативные акты РФ: Уголовное дело № 22-2397/2019. Апелляционное постановление Тюменского областного суда [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 19.05.2020).

14. Уголовное дело № 44-У-20/2019. Кассационное постановление Президиума Брянского областного суда [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 19.05.2020).

15. Судебные и нормативные акты РФ: Уголовное дело № 44У-21/2019. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Калмыкия [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 19.05.2020).

16. Уголовное дело № 44У-41/2019. Кассационное постановление Президиума Брянского областного суда [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 19.05.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alshevsky V. V. The methodology of the forensic medical examination during the examination in criminal proceedings on cases of the physician causing harm to the patient's health (communication 2) / B. V. Alshevsky // Medical Law. 2018. No 5. S. 44—49.

2. On the approval of the criteria for assessing the quality of medical care: Order of the Ministry of Health of Russia dated 10.05.2017 No. 203n. URL: http://www.pravo.gov.ru (accessed June 3, 2019).

3. Grishin S. M. Crimes committed by medical workers as a result of improper performance of their professional duties (based on the materials of judicial practice of the European part of Russia 2015-2017) / S. M. Grishin//Medicine. 2018. no. 1. pp. 1-14.

3. Iskhakov E. R. Reasons for the growth of criminal cases against medical workers in connection with improper performance of their professional duties/ E. R. Iskhakov // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen: mater. Conf. – Ufa, 2020. – P. 431-434.

4. Rotkov A. I. improper performance by a medical worker of their professional duties as a sign of a crime under part 2 of article 109 of the criminal code of the Russian Federation/ A. I. Rotkov, A. Yu. Chuprova //Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 276-280.

5. Semenova O. Y. the Role of the doctor in the process of investigation of crimes committed by medical workers due to improper performance of their professional duties/ O. Semenova //Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. P. 77-79.

6. Chernyshev S. A., Chinnov E. V. Problems of production of new types of expertise in the forensic units of the interior Ministry of Russia (experience of the expert and criminalistic center of Ministry of internal Affairs of Russia across the Belgorod region) // Problems of law enforcement. 2016. No. 4. P. 25-28.

7. Ertel L. A. Use of forensic medical expertise in criminal proceedings as evidence in cases of improper performance of professional duties by medical workers)/ L. A. Ertel//Medical law. 2018. No. 2. S. 52-55.

8. On approval of the procedure for giving informed voluntary consent to medical intervention and refusal of medical intervention in relation to certain types of medical interventions, forms of informed voluntary consent to medical intervention and forms of refusal of medical intervention: order of the Ministry of Health of Russia dated 12.21.2012 No. 1177n // Russian newspaper. - 2013 .- July 5. - No. 145.

9. Kovalev A. V. The procedure for conducting a forensic medical examination and establishing causal relationships on the fact of refusal or improper provision of medical care: guidelines (approved by the Russian Ministry of Health 06/21/2017) / A. V. Kovalev. M: FSBI Russian Center for Forensic Medical Examination Ministry of Health of Russia, 2017.

10. On the approval of the criteria for assessing the quality of medical care: Order of the Ministry of Health of Russia dated 10.05.2017 No. 203n. - URL: http://www.pravo.gov.ru (accessed June 3, 2019). - Text: electronic.

11. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: Criminal case No. 1—150 / 2015. Sentence of the Labytnangsky City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug [Electronic resource]. URL: http://www.sudact.ru (accessed date: 05.19.2020)

12. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: Criminal case No. 1—151 / 2019 Appeal resolution of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan [Electronic resource]. URL: http://www.sudact.ru (accessed: 05.19.2020).

13. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: Criminal case No. 22-2397 / 2019. Appeal ruling of the Tyumen Regional Court [Electronic resource]. URL: http://www.sudact.ru (accessed: 05.19.2020).

14. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: Criminal case No. 44-U-20/2019. Cassation resolution of the Presidium of the Bryansk Regional Court [Electronic resource]. URL: http://www.sudact.ru (accessed: 05.19.2020).

15. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: Criminal case No. 44U-21/2019. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Kalmykia [Electronic resource]. URL: http://www.sudact.ru (accessed: 05.19.2020).

16. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: Criminal case No. 44U-41/2019. Cassation resolution of the Presidium of the Bryansk Regional Court [Electronic resource]. URL: http://www.sudact.ru (accessed: 05.19.2020).

УДК: 343.985.4
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10068

Карпенко Юлия Александровна
эксперт экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Краснодарскому краю, аспирант кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
E-mail: k.ylia89@mail.ru

Karpenko Yulia Aleksandrovna
expert of the Expert and Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnodar territory, the Postgraduate Student of the Department of Criminology, the Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
E-mail: k.ylia89@mail.ru

СПЕЦИАЛИСТ И ЭКСПЕРТ — ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Введение: в данной статье рассматриваются роли специалиста и эксперта при раскрытии и расследовании незаконного оборота наркотических средств. Объясняется необходимость привлечения специалиста к проведению осмотра места происшествия, а также приводятся результаты наиболее частых осмотров с обязательным привлечением группы специалистов (экспертной группы) для оперативного проведения осмотра с целью обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки всей криминалистически значимой информации.

Материалы и методы: эмпирической базой исследования послужили результаты анкетирования по специально разработанным анкетам, 402 респондента (сотрудника подразделений МВД России). Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, методы логической дедукции, наблюдения, описания, обобщения, сравнения, анализа и синтеза.

Результаты исследования: показана роль специалиста и эксперта при расследовании незаконного оборота наркотических средств, эффективность и результаты привлечения специалиста (группы специалистов) для оперативного и качественного проведения осмотра места происшествия.

Выводы и заключения: обязательное участие специалиста и эксперта обеспечит оперативное, грамотное и полное расследование незаконного оборота наркотических средств.

Ключевые слова: эксперт, специалист, осмотр места происшествия, формы участия, группа специалистов (экспертная группа), передвижная криминалистическая лаборатория.

FORNSIC SPECIALIST AND EXPERT AS MANDATORY PARTICIPANTS IN THE INVESTIGATION OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING

Introduction: this article discusses the roles of a forensic specialist and an expert in the detection and investigation of illicit drug trafficking. The need to involve a forensic specialist in the examination of the scene is explained, as well as the results of the most frequent inspections with the mandatory involvement of a team of specialists (expert group) for prompt inspection in order to detect, fix, seize and package all forensically significant information are explained.

Materials and Methods: the empirical base of the study was the results of the survey on specially designed questionnaires of 402 respondents (employees of departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia). The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

Results of the Study: the role of a forensic specialist and expert in the investigation of illicit drug trafficking, the effectiveness and results of attracting a forensic specialist (group of specialists) for rapid and high-quality inspection of the scene have been shown.

Findings and Conclusions: mandatory participation of a forensic specialist and an expert will ensure prompt, competent and complete investigation of illicit drug trafficking.

Keywords: expert, forensic specialist, inspection of the scene, forms of participation, group of specialists (expert group), mobile forensic laboratory.

Незаконный оборот наркотических средств на территории Российской Федерации продолжает оставаться одной из главных национальных проблем. Ежедневно вовлекается большое количество людей, среди которых в основном молодежь, выступающая как в качестве потребителей, так и сбытчиков, с целью получения легкой материальной выгоды. Популярность и широкое распространение наркотических средств объясняется их легкодоступностью, быстрым ростом ассортимента наркотических средств на наркорынке по доступной стоимости, а также возможностью осуществления безопасной и скрытой сделки.

Расследование незаконного оборота наркотических средств чаще всего начинается с проверки сообщения о преступлении, при проведении которой необходимо обнаружить, собрать и изъять весь комплекс криминалистически значимой информации для оперативного, полного и грамотного расследования. Согласно ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа обязаны принять и проверить сообщение о готовящемся или совершённом преступлении. На проверку сообщения установлен срок не позднее трех суток со дня поступления сообщения, а по результатам решается вопрос о возбуждении уголовного дела или в его отказе, также срок может быть продлен до 10 и 30 суток. При проверке сообщения о преступлении уполномоченные лица имеют право получать

объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы, предметы и изымать их, назначать и принимать участие в производстве судебной экспертизы, получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов и трупов, как самостоятельно, так и привлекая к участию специалистов, как лиц, обладающих специальными знаниями.

Специальные знания — это знания, которые приобретаются субъектом в процессе практической деятельности в результате специальной подготовки или профессионального опыта и основываются на системе теоретических знаний в соответствующей области [1, с. 383].

Законодательно установлено, что лицами, обладающими специальными знаниями при раскрытии и расследовании преступлений, являются: руководитель следственного органа, следователь, дознаватель, оперативный сотрудник, эксперт, специалист, а также иные лица, обладающие специальными знаниями, но не наделенные процессуальными правами специалиста или эксперта. Остановимся более подробно на роли эксперта и специалиста в расследовании незаконного оборота наркотических средств, в качестве которых выступают сотрудники экспертно-криминалистических подразделений МВД России (далее — ЭКП).

Согласно ст.ст. 57,58 УПК РФ экспертом и специалистом являются лица, обладающие специальными знаниями, однако эксперт назначается для производства судебной экспертизы и дачи заключения, а специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Также установлено, что экспертом и специалистом должны быть независимые лица, незаинтересованные в исходе дела, профессионально владеющие определенными специальными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для решения вопросов, возникающих при раскрытии и расследовании преступлений.

При расследовании незаконного оборота наркотических средств, взаимодействие эксперта и специалиста с подразделениями предварительного следствия и органом дознания осуществляется по двум формам: процессуальной и непроцессуальной.

Процессуальная форма включает в себя: участие при проведении следственных действий, производство экспертиз, показания эксперта при допросе, заключение и показание специалиста, участие в судебном заседании, а также иные процессуальные действия, к которым они привлекаются по поручению следователя (дознавателя) и где приобретают процессуальный статус.

Непроцессуальная форма включает в себя: проведение исследований, участие в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, оказание помощи при использовании криминалистической техники, консультативно-справочная деятельность, производство ревизий и проверок, проверка по криминалистическим уче-

там, картотекам и коллекциям. Основной целью непроцессуальной формы является своевременное получение от специалистов криминалистически значимой информации, которая позволит сориентироваться в сложившейся обстановке, правильно выбрать порядок, время и место проведения действия, подобрать его участников, научно-технические средства и методы, выбрать тактические приемы и т. д. [2, с. 472].

Также стоит отметить, что главной непроцессуальной формой привлечения специалиста является проведение исследований, что подтверждается результатами анкетирования. Сотрудники оперативных подразделений чаще всего привлекают специалиста для производства исследований (36 %), далее для консультативно-справочной информации (14 %), оказания помощи при использовании криминалистической техники (13 %), для участия в оперативно-розыскных мероприятиях (12 %), проверке по криминалистическим учетам, картотекам и коллекциям (10 %) и пр.[1].

Согласно ст. 6 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативные подразделения назначают в ЭКП исследование обнаруженного и изъятого вещества, предмета и др., по результатам которого специалист оформляет проведенное исследование в виде «Справки об исследовании», которая чаще всего включает в себя ход исследования и его результаты. В зависимости от результата (вывода) исследования справка является основанием или для возбуждения уголовного дела и приобщается к материалам уголовного дела, или для отказа в его возбуждении.

Консультативно-справочная деятельность специалиста заключается в передаче и разъяснении криминалистически значимой информации следователю, дознавателю или оперативному сотруднику, позволяющей выбрать правильную тактику расследования и грамотно ориентироваться в сложившейся ситуации на всех этапах расследования, начиная с проверки сообщения о преступлении. Также специалист разъясняет непонятные моменты и выводы заключения эксперта (справки об исследовании), не вызывая его на допрос, целесообразность назначения в дальнейшем экспертиз [3, с. 153].

Производство ревизий и проверок происходит с целью контроля оборота наркотических средств (в медицинских учреждениях, аптеках и иных организациях), к проведению которых необходимы специальные знания специалиста, позволяющие обнаружить утрату, кражу и мошенничество, установить признаки поддельных рецептов и иных документов, а также проверить наличие, количество и качество наркотических средств и их прекурсоров [12, с.102].

Для разрешения задач предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности также используются экспертно-криминалистические учеты, картотеки и коллекции, по которым сотрудники ЭКП в установленном порядке проводят проверку обнаруженных и изъятых следов с мест преступлений с целью получения криминалистической информации и установления личности.

Основными процессуальными формами участия специалиста и эксперта при расследовании незаконного оборота наркотических средства являются участие в проведении следственных действий и проведение экспертиз. Рассмотрим более по-

[1] В анкетировании приняло участие 132 сотрудника подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России ЮФО и СКФО.

дробно участие специалиста при проведении следственных действий на примере осмотра места происшествия. Осмотр места происшествия является одним из основных следственных действий в получении розыскной и доказательственной информации. Сложность проведения осмотра в основном заключается в масштабах места происшествия, большого разнообразия объектов на месте, малого количества доказательственной информации, специфичности преступления, что, как правило, делает участие специалиста необходимым. Также, согласно результатам проведенного анкетирования, было установлено, что среди всех следственных действий при расследовании незаконного оборота наркотических средств, специалиста наиболее часто привлекают к участию в осмотре места происшествия. Сотрудники предварительного расследования часто привлекают специалиста для участия в осмотре места происшествия (следователи — 36 %, дознаватели — 42 %), далее получение образцов для сравнительного исследования (следователи — 26 %, дознаватели — 23 %), обыск (следователи — 15 %, дознаватели — 11 %) и иные следственные действия. Данный результат подтверждается и ответами сотрудников ЭКП, которые на вопрос «К производству каких следственных действий при расследовании незаконного оборота наркотических средств вас наиболее часто привлекают?» ответили: осмотр места происшествия (31 %), получение образцов для сравнительного исследования (24 %), обыск (17 %) и иные следственные действия[1].

При проведении осмотра места происшествия (далее — ОМП) участвует следственно-оперативная группа, в состав которой, как правило, входят следователь, оперативный сотрудник и сотрудник ЭКП, который, поступая в распоряжение руководителя следственного действия, приобретает статус специалиста. В действительности же сотрудники ЭКП направляются либо дежурным по ОВД, либо непосредственным руководителем ЭКП, после получения вызова от следователя (дознавателя). Согласно приказу МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» сотрудники ЭКП допускаются к самостоятельному участию в качестве специалистов в осмотрах мест происшествий после успешного прохождения испытаний по определению уровня подготовки в данной области. Однако необходимо учитывать, что сотрудники ЭКП являются специалистами в конкретных областях знаний и могут иметь недостаточно глубокие специальные знания в необходимых для расследования незаконного оборота наркотических средств областях, например, химия, биология, ботаника, фоноскопия, техника и пр. Поэтому инициатору нужно на подготовительном этапе установить наличие специальных знаний, умений и навыков в необходимых для расследования областях знаний у предоставленного специалиста или заранее обратиться к руководителю ЭКП для разъяснения, какого рода специальные знания ему необходимы, с целью выделения нужного специалиста, а при необходимости и группу специалистов (экспертную группу). По завершении подготовительного этапа следователь принимает решение о том, какие технико-криминалистические средства необхо-

[1] В анкетировании приняли участие: 100 сотрудников следственных подразделений, 70 сотрудников подразделений дознания и 100 сотрудников экспертных подразделений МВД России по ЮФО и СКФО.

димо взять для осмотра, проверяет их комплектность и работоспособность. Однако в реальности выбор необходимой криминалистической техники остается за специалистом, в связи с чем следователь должен сообщить заранее привлекаемому специалисту о характере происшествия [4, с. 229].

Игнорирование привлечения специалиста, а тем более волюнтаристские действия следователя (дознавателя) ведут, как показывает практика, к упущению многих следов преступления, преступника и ограничению объективной доказательственной базы. При проведении осмотра специалист окажет содействие в обнаружении, фиксации, изъятии и правильной упаковке всей криминалистически значимой информации о готовящемся или совершённом преступлении в сфере незаконного оборота наркотических средств. Следует также отметить, что, несмотря на наличие специальных знаний у сотрудников предварительного расследования и оперативных подразделений в обнаружении, закреплении, изъятии и упаковке объектов, на практике их знаний бывает недостаточно, что приводит утрате важных доказательств, либо они остаются необнаруженными. При проведении осмотра места происшествия специалист быстро ориентируется на месте, в зависимости от характера преступления и обстановки, устанавливает места, где могут быть обнаружены следы преступника, решает, какие и каким образом вещества и предметы необходимо обнаружить, изъять и упаковать и пр. Исходя из особенностей расследования незаконного оборота наркотических средств и проведения некоторых осмотров мест происшествий, мы предлагаем привлекать сотрудника ЭКП, имеющего право на самостоятельное производство экспертиз по специальности «Экспертиза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ» (специалист-химик). Это объясняется тем, что специалисты данной области имеют не только глубокие специальные знания в исследовании наркотических средств, но и отлично разбираются в видах наркотических средств, знают, какие вещества, предметы и растения используются для изготовления и употребления наркотических средств, как с ними правильно и безопасно обращаться и пр.

Также мы считаем, что наличие одного специалиста недостаточно при проведении осмотра места происшествия, поскольку в зависимости от характера преступления обнаружение, фиксация, изъятие и упаковка веществ и предметов, как правило, занимает продолжительное время, что исключает оперативность проведения данного следственного действия и возможность раскрыть преступление по горячим следам [13, с. 24]. Также необходимость оперативного проведения осмотра возникает при его проведении в плохих погодных условиях, когда имеется вероятность уничтожения следов преступления, или при ограниченности проведения осмотра дневным освещением, когда в последующем необходимо будет проводить дополнительный осмотр. Поэтому для оперативного проведения осмотра мы предлагаем привлекать к ОМП не одного специалиста, а группу специалистов (экспертную группу), в качестве которой будут выступать сотрудники ЭКП — специалисты различных областей специальных знаний, в зависимости от поставленных задач осмотра. Группа специалистов (экспертная группа) позволит оперативно и результативно провести осмотр, зафиксировать обстановку места происшествия, обнаружить, закрепить, изъ-

ять и правильно упаковать всю криминалистически значимую информацию, которая в последующем окажет положительное действие на раскрытие и расследование преступления. Группу специалистов (экспертную группу) целесообразно оснащать передвижными криминалистическими лабораториями, которые будут обеспечивать оперативное взаимодействие экспертных подразделений со следственно-оперативными группами на различных расстояниях [5, с. 102]. Подчеркнем важность правильной упаковки, от которой может зависеть не только безопасность окружающих, но и вывод эксперта при проведении исследования. Например, совместная упаковка органических растворителей, кислот, щелочей и воды может привести при их контакте друг с другом к взрыву, а длительное хранение частей наркосодержащего растения мак в неправильной упаковке, вызвавшей их гниение, приведет к уничтожению алкалоидов опия.

Рассмотрим некоторые примеры ОМП при расследовании незаконного оборота наркотических средств, где группа специалистов (экспертная группа), по-нашему мнению, наиболее необходима:

1. ОМП при расследовании незаконного изготовления, производства наркотических средств является наиболее трудоемким осмотром, который необходимо начинать с обязательного проведения инструктажа по технике безопасности. В момент производства в подпольной лаборатории синтеза наркотических средств помощь специалиста-химика особенно важна, когда без его участия, консультации нельзя проводить какие-либо действия с обнаруженными химическими веществами, предметами и приборами, т. к. неправильные действия могут привести к взрыву или воспламенению [6, с. 213]. К осмотру подпольной нарколаборатории необходимо привлекать группу специалистов, в которую будут входить: специалист-химик, специалист-криминалист и специалист-взрывотехник. Также необходимо оснащать группу специалистов (экспертную группу) передвижной криминалистической лабораторией, которая содержит необходимую современную криминалистическую технику: криминалистические чемоданы, фотоаппараты, цианокрилатная камера, мобильный комплекс АДИС «Папилон», измерительное и аналитическое оборудование (лабораторные весы, газовый хроматограф с масс-селективным детектором, ИК-спектрометр, набор для ТСХ, автоматизированное рабочее место эксперта и пр.).

Поскольку подпольная нарколаборатория является местом повышенной взрыво- и пожароопасности, специалист-химик и специалист-взрывотехник проводят инструктаж и обеспечивают безопасность участникам осмотра. Также обязательно наличие средств индивидуальной защиты на всех участниках осмотра. При проведении ОМП специалист-химик даст важную информацию о стадии синтеза и сориентирует, какое наркотическое средство изготавливалось. Затем окажет помощь в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке веществ, реактивов, прекурсоров, лабораторной и бытовой посуды, с сохранением следовой информации веществ на различных поверхностях, установит, какие именно записи относятся к рецептам изготовления и производства наркотических средств, обеспечит правильное отражение в протоколе наименований лабораторной химической посуды, реактивов, а также при обнаружении большого количества реактивов и прекурсоров обеспечит безопасный и правильный отбор

образцов. Специалист-криминалист обеспечит видео- и фотофиксацию места происшествия (особенно важна видеофиксация процесса, когда невозможно с помощью фотофиксации полностью отразить масштабы производства и стационарное оборудование), обеспечит полное обнаружение, закрепление, изъятие и упаковку всех криминалистических следов преступления и преступников.

Также отметим, что некоторые ученые считают, что при проведении ОМП специалистом может быть осуществлено предварительное исследование обнаруженных веществ с использованием экспресс-тестов, а также установление массы вещества в упаковке «специалист может провести экспресс-анализ изымаемого вещества в целях определения его вида (групповой принадлежности), взвешивание (с максимальной точностью)» [7, с. 77]. Мы не можем согласиться с данным мнением: во-первых, экспресс-тесты разработаны для небольшого количества групп наркотических средств, когда на сегодняшний день мы имеем большой перечень наркотических средств и еще больший перечень их производных, во-вторых, экспресс-тесты дают цветную химическую реакцию для определенной группы веществ, которая не обладает достаточной селективностью по отношению к индивидуальным соединениям, в-четвертых, при проведении экспресс-теста расходуется часть вещества, которую необходимо правильно отобрать, обеспечив представительность пробы на всё вещество, точно взвесить и оформить должным образом с разрешением на его уничтожение, в-пятых, взвешивание должно проводиться на лабораторных средствах измерения, прошедших метрологическую поверку. Взвешивание вещества при проведении осмотра с упаковкой и на неповеренных средствах измерения приводит к возникновению вопросов при расследовании, связанных с разницей масс одного и того же вещества на момент проведения осмотра и на момент проведения исследования. Согласимся с мнением Т. А. Косыгиной, что взвешивание вещества должно проводиться только сотрудником ЭКП, который проводит исследование и только в лабораторных условиях, исключая погрешности, влияющие на взвешивание [8, с. 42]. Тем самым практику применения экспресс-тестов и определения массы веществ совместно с упаковкой при проведении ОМП во внелабораторных условиях мы считаем неприемлемой. Однако при возникновении служебной необходимости в установлении массы вещества на момент проведения осмотра мы видим решение данной проблемы в использовании передвижных криминалистических лабораторий, оснащенных средствами измерения и условиями для взвешивания. Также стоит отметить, что данные лаборатории позволят в полевых условиях не только установить массу вещества, но и оперативно получить результаты по обнаруженным и изъятым веществам и следам (например, определить природу вещества на газовом хроматографе с масс-селективным детектированием, ИК-спектрометре, идентифицировать обнаруженные следы рук с помощью мобильного комплекса АДИС «Папилон» и др.).

2. При проведении ОМП по факту незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства, необходимо привлекать таких специалистов, как: специалист-ботаник, специалист-химик, специалист-агротехник и специалист-криминалист. Наличие специалистов объясняется тем, что при осмотре в протоколе необходимо правильно отражать следующую информацию: месторасположение участка, его

размеры, а также отношение к стационарным ориентирам; какие наркосодержащие растения произрастают, их точное количество, стадия вегетации; какие растения находятся рядом с посевом и на прилегающей к нему территории; наличие сельскохозяйственных орудий с описанием; факт изъятия образцов наркосодержащих растений для дальнейшего исследования; количество наркосодержащих растений, из которых производился отбор образцов для исследования; факт проведения фотографирования и факт изъятия выявленных следов [9, с. 581—582]. Специалист-ботаник и специалист-химик (в пределах компетенции) установят ботаническую принадлежность растений, стадию вегетации, определят посторонние растения, маскирующие их, произведут правильное изъятие только тех растений, которые относятся к наркосодержащим. Определение стадии вегетации и установление ботанической принадлежности представляется особенно важным, потому что незаконно культивироваться могут растения, которые не произрастают на территории нашей страны (гавайская роза, кат, кока и т. д.) [10. с. 105]. Специалист-агротехник соберет комплекс доказательственной информации для проведения в последующем агротехнической экспертизы с целью установления признаков незаконного культивирования (специальный посев или посадка, наличие междурядий, рядов, удаление сорняков, следы ухода (полив (капельный полив), окучивание растений, внесение удобрений и пр.), следы отщипа макушек, пригибание веток растений к земле с помощью различных предметов в целях сокрытия растений и другие признаки). Специалист-криминалист обеспечит фиксацию места происшествия, обнаружит всю криминалистически значимую информацию, изобличающую преступника (следы рук, ног, транспортного средства; оброненные или забытые предметы (спичечные коробки, окурки, банки, бутылки со следами рук, обрывки газет, остатки продуктов, вещи и др.), произведет отбор образцов почвенного происхождения и др.

3. При проведении ОМП по факту незаконной пересылки (контрабанды) наркотических средств достаточно специальных знаний и специалиста-криминалиста, однако при служебной необходимости оперативного установления природы обнаруженного вещества требуется привлекать специалиста-химика с использованием передвижной криминалистической лабораторией, а также начальника ЭКП для организации процесса проведения исследования. Специалист-криминалист обеспечит полную фиксацию посылки и находящихся в ней предметов, веществ, с обнаружением различных следов отправителя (волокна, волосы, следы рук, ДНК и пр.). Специалист-химик обеспечит безопасное изъятие вещества и проведет его исследование в передвижной криминалистической лаборатории с целью установления природы вещества. После того, как установлено, что изъятое вещество является наркотическим средством, специалисты готовят «муляж» и создают условия для следообразования (посылка оснащается дополнительными предметами-препятствиями (ловушками) для вынужденного контакта получателя с ними, проводится нанесение на поверхности упаковки «муляжа» и всех предметов в посылке невидимого при обычном освещении специального маркирующего вещества).

После проведения ОМП следователь (орган дознания) на основании ст. 144 УПК РФ направляет в ЭКП все обнаруженное и изъятое вместе с постановлениями

о назначении судебных экспертиз. Производство экспертизы с целью установления природы вещества, отнесения его к наркотическому средству и определение массы — является отправной точкой как при проверке сообщения о преступлении, где решается вопрос о возбуждении уголовного дела или нет, так и всего расследования незаконного оборота наркотических средств.

Исходя из практической деятельности при проведении судебных экспертиз и исследований, часто на разрешение эксперта ставятся некорректные вопросы или вопросы, не относящиеся к компетенции эксперта с определенной экспертной специальностью. Согласно постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» не допускается постановка перед экспертом вопросов, которые могут выходить за пределы его специальных знаний, а также правовых вопросов, связанных с оценкой деяния. Если смысл вопросов эксперту понятен, то, в соответствии с приказом МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», эксперт при необходимости имеет право изменить редакцию вопросов, не изменяя их смысл. Также необходимо при формулировании вопросов, которые предстоит решить эксперту, их следует конкретизировать по отношению к представленным на исследование объектам [11, с. 113]. Это объясняется тем, что эксперт отвечает только на поставленные вопросы, не рассматривая иные объекты, результат исследования которых может иметь значение для расследования в целом. Решением данной проблемы мы видим в необходимости инициатору обращаться к специалистам для консультации с целью правильной организации назначения экспертиз и постановки вопросов, а сотрудникам ЭКП чаще проводить занятия в рамках служебной подготовки с сотрудниками иных служб о возможностях различных видов судебных экспертиз для расследования и правильной постановки вопросов.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что специалист и эксперт являются обязательными участниками расследования незаконного оборота наркотических средств. Они оказывают содействие в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке полного комплекса криминалистически значимой информации, помогают с использованием специальной криминалистической техники, консультируют, проводят исследования и дают расследованию нужное направление, что позволяет оперативно и качественно расследовать незаконный оборот наркотических средств с выявлением всех причастных лиц и установлением истины по делу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 944 с.

2. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: Учебник. изд. 2-е., испр. и доп. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. — 748 с.

3. Карпенко Ю. А. Непроцессуальная форма привлечения специалиста при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. тр.

по мат-лам 4-й всерос. науч.-практ. конф. мол. учен., аспирантов, соиск. И магистрантов (23 нояб. 2018 г.). — Краснодар: КубГАУ, 2019. — С. 146—154.

4. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — 724 с.

5. Карпенко Ю. А., Балабаев И. А. Участие специалиста-химика при проведении обыска подпольных химических лабораторий по изготовлению и производству наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXII междунар. науч.-практ. конф. (4—5 апр. 2019 г.). Ч. II. — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. — С. 100—102.

6. Чистова Л. Е. Этапы взаимодействия следователя с иными субъектами правоохранительной деятельности при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 3. — С. 209—214.

7. Земцова С. И., Чулахов В. Н. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 176 с.

8. Косыгина Т. А. Актуальные аспекты применения специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Информационная безопасность регионов. — 2016. — № 3 (24). — С. 40—45.

9. Зеленский В. Д., Меретуков Г. М. Криминалистика: учебник. — СПб: Изд-во «Юрид. центр», 2015. — 704 с.

10. Чистова Л. Е. Расследование незаконного культивирования наркосодержащих растений: моногр. — М.: Юрлитинформ. — 2015 с. — 184.

11. Меретуков Г. М., Гусев А. В. Производство судебной экспертизы: учеб. пособ. — Краснодар. ФГОУ ВПО «КубГАУ», 2011. — 338 с.

12. Амельчаков И. Ф., Чиненов Е. В., Спичак И. В. К вопросу использования криминалистически значимой информации в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере обращения лекарственных средств // Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Белгород: Белгородский ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина.2017. — С. 100—102.

13. Чиненов Е. В., Скоморохов О. Н., Чурсин А. В. Особенности изъятия материальных объектов в ходе проведения следственных действий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2015. — № 2 (26). — С. 22—25.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Criminalistics: textbook. — 3rd ed., revised and supplemented. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 944 p.

2. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. Criminalistics: textbook. — 2nd ed., Rev., Ext., and rev. M.: CONTRACT, INFRA-M, 2006. 748 p.

3. Karpenko Y. A. Non-procedural form of involvement of a specialist in the investigation of crimes related to drug trafficking // Actual problems of criminal law, criminal procedure and criminalistics: collection of scientific papers based on the materials of the 4th all-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduates, applicants and undergraduates (November 23, 2018). Krasnodar: Kubgau, 2019. P. 146—154.

4. Practical guide to forensic examinations for experts and specialists under the editorship of T. V. Averyanova and V. F. Statkus: — 2nd ed., revised and supplemented. M: Yurayt publishing House, 2013. 724 p.

5. Karpenko Y. A., Balabaev I. A. Participation of a chemist in the search of clandestine chemical laboratories for the manufacture and production of narcotic drugs and psychotropic substances // Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XXIth International Scientific-Practical Conference (April 4—5, 2019). Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2019. II part. P. 100—102.

6. Chistova E. L. Stages investigator interaction with other law enforcement entities activities in the investigation of crimes related to illegal trafficking in narcotic drugs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3. P. 209—214.

7. Zemtsova S. I., Chulakhov V. N. Participation of a specialist in the disclosure and investigation of crimes related to illicit drug trafficking: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 176 p.

8. Kosygina T. A. Some pressing aspects of using specialized knowledge in investigation of drug trafficking related crime // Regional Information Security. 2016. No 3 (24). P. 40—45.

9. Zelensky V. D., Meretukov G. M. Criminalistics: textbook. — Saint Petersburg, publishing house "Legal Center", 2015. 704 p.

10. Chistova E. L. Investigation of illicit cultivation of narcotic plants: monograph. M: Yurlitinform. 2015. 184 p.

11. Meretukov G. M., Gusev A. V. Production of forensic expertise: textbook. Krasnodar. Federal state educational institution of higher professional education "The Kuban State Agrarian University", 2011. 338 p.

12. Amelchakov I. F., Chinenov E. V., Spichak I. V. On the issue of using criminally significant information in the disclosure and investigation of crimes committed in the sphere of drug circulation // Belgorod criminalistic readings: collection of scientific papers. Belgorod: Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2017. P. 100—102.

13. Chinenov E. V., Skomorokhov O. N., Chursin A.V. features of withdrawal of material objects during investigative actions // Bulletin of the Belgorod legal Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2015. No 2 (26). Pp. 22—25.

УДК: 343.982.4
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10069

Колесникова Елена Николаевна
профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор экономических наук, доцент
E-mail: kolesnicova@mail.ru

Kolesnikova Elena Nikolaevna
professor of the Economic Security Department of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot
Doctor of Economics, Associate Professor
E-mail: kolesnicova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ БУХГАЛТЕРСКИХ ПОЗНАНИЙ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Введение: в статье рассматривается совокупность общественных отношений, направленная на использование специальных бухгалтерских познаний при выявлении и документировании мошенничеств, совершаемых в агропромышленном комплексе (далее — АПК). Значительные меры государственной поддержки, оказываемые сельскохозяйственным товаропроизводителям, делают эту отрасль привлекательной для мошеннических действий. Многие из них выявляются только в рамках тематических проверок (например, использования бюджетных средств) или при расследовании преступлений иной направленности. Актуальные методические материалы по рассматриваемой тематике, отвечающие складывающейся оперативной обстановке и учитывающие специфику документирования преступлений экономической направленности, совершаемых в агропромышленном комплексе, отсутствуют.

Материалы и методы: методология исследования опирается на использование методов материалистической диалектики. При проведении исследования, результаты которого обобщены в настоящей научной статье, применялась совокупность общенаучных, специальных и частных методов изучения экономических процессов и явлений, детерминированных совершением мошеннических действий в АПК. Теоретическую основу исследования составили действующие норматив-ные правовые акты в сфере оперативно-служебной деятельности специалистов-ревизоров подразделений ЭБиПК МВД России; законодательные и нормативные правовые акты по организации и ведению бухгалтерского учета; отраслевые нормативные правовые акты в сфере

АПК, опубликованные результаты научных и прикладных исследований по схожей проблематике.

Результаты исследования: в статье описан порядок применения специальных бухгалтерских познаний специалистами-ревизорами подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции системы МВД России при проведении исследования документов финансово-хозяйственной деятельности в сфере АПК, отличающийся детальным описанием используемых источников информации, методов контрольно-ревизионной работы и порядка оформления результатов в справке об исследовании документов.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволило выработать рекомендации, ориентированные на сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел РФ на территориальном уровне по использованию данных первичного, аналитического и синтетического учета при выявлении и документировании признаков совершения мошеннических действий с имуществом и хозяйственными средствами на объектах агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, мошенничество, бухгалтерские документы, справка об исследовании документов.

FEATURES OF APPLICATION OF THE SPECIAL ACCOUNTING KNOWLEDGE FOR THE PURPOSE OF IDENTIFICATION AND DOCUMENTATION OF SIGNS OF PERFORMANCE OF FRAUDAL ACTIONS IN THE AGRICULTURAL COMPLEX

Introduction: the article examines the totality of social relations aimed at using the special accounting knowledge in identifying and documenting frauds committed in the agricultural complex (hereinafter referred to as the AC). Significant measures of state support provided to agricultural producers make this industry attractive for fraudulent activities. Many of them are detected only within the framework of thematic checks (for example, the use of budget funds) or during the investigation of crimes of a different direction. There are no up-to-date methodological materials on the subject under consideration that correspond to the current operational situation and take into account the specifics of documenting economic crimes committed in the agro-industrial complex.

Materials and Methods: the research methodology is based on the use of methods of materialistic dialectics. When conducting the study, the results of which are summarized in this scientific article, a set of general scientific, special and private methods was used to study economic processes and phenomena determined by the commission of fraudulent actions in the agro-industrial complex. The theoretical basis of the study was the current regulatory legal acts in the field of operational and service activities of specialist auditors of the economic security and anti-corruption departments of the Ministry of Internal Affairs

of Russia; legislative and regulatory legal acts on the organization and maintenance of accounting; branch regulatory legal acts in the field of agribusiness, published results of scientific and applied research on similar issues.

Results of the Study: the article describes the procedure for applying special accounting knowledge by specialists-auditors of the economic security and anti-corruption departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia when conducting research on documents of financial and economic activity in the agricultural sector, characterized by a detailed description of the sources of information used, methods of control and audit work and the procedure for processing results in the certificate of research documents.

Findings and Conclusions: the study made possible to develop recommendations aimed at employees of economic security and anti-corruption units of the internal affairs bodies of the Russian Federation at the territorial level on the use of primary, analytical and synthetic accounting data when identifying and documenting signs of fraudulent actions with property and household assets at agricultural facilities complex.

Keywords: agribusiness, fraud, accounting documents, certificate of research documents.

Агропромышленный комплекс является одним из важнейших секторов экономики России и представляет собой совокупность отраслей народного хозяйства, связанных между собой экономическими и правовыми отношениями, направленными на производство, распределение, обмен и переработку сельскохозяйственной продукции. Традиционно развитию данной отрасли уделяется значительное внимание, и рост агропромышленного сектора экономики России по итогам 2018 г. равный 2,3 %, оценивается как существенное достижение.

Активизация преступной деятельности в агропромышленной комплексе начала отмечаться в 2007 г. и была связана с реализацией национального проекта «Развитие АПК». Основная часть выявленных в этом периоде преступлений совершалась при получении кредитов на развитие личного подсобного хозяйства [2, с. 38]. В течение всего последующего периода АПК превращался в один из самых криминализированных секторов российской экономики. Именно в нем совершалась значительная часть преступных действий мошеннического характера [9, с. 177].

Необходимо учитывать и высокую латентность преступлений в рассматриваемой сфере, особенно связанных с реализацией мошеннических схем. Многие из них выявляются только в рамках тематических проверок (например, использования бюджетных средств) или при расследовании преступлений иной направленности. Учетное оформление хозяйственных процессов является сложным и запутанным, что осложняет выявление и документирование преступлений в аграрном секторе экономики.

Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его

полномочиям, намерениям[1], что определяет особую роль справки об исследовании документов (далее — справка), формируемой специалистами отделов (отделений) документальных исследований подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (далее — ЭБиПК) как важнейшего источника доказательств, позволяющего правильно определить объективную сторону состава преступления.

Вместе с тем объективная сторона мошеннических действий в сфере агропромышленного комплекса обладает рядом специфических особенностей, обусловленных, прежде всего, спецификой сельскохозяйственного производства, что необходимо учитывать при проведении документальных исследований [11, с. 370].

Качественная подготовка к проведению исследования на основе подбора релевантной информации, выбора эффективной методики проверки документов является залогом формулирования верных выводов в справке.

Информационную основу исследования специалист-ревизор определяет самостоятельно, в соответствии с вынесенными для проведения исследования вопросами.

Для определения совокупности источников информации значение имеет:

— организационно-правовая форма объекта исследования (общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, крестьянское фермерское хозяйство, сельскохозяйственный производственный кооператив и др.) (влияет на организацию ведения бухгалтерского учета);

— признание субъектом малого предпринимательства и включение в реестр субъектов малого среднего предпринимательства (определяет возможность применения упрощенного или простого способа ведения бухгалтерского учета);

— признание сельскохозяйственным товаропроизводителем (влияет на систему налогообложения);

— отраслевые особенности (растениеводство, животноводство, переработка и др.);

— проведение обязательного контроля (обязательного аудита или ревизии);

— отдельные условия хозяйственной деятельности (зона рискованного земледелия и др.).

В целях проведения исследования документов все источники информации считаем целесообразным разделить на следующие укрупненные группы:

1. Нормативно-справочная информация.

2. Системная учетная информация.

3. Внеучетная информация.

Нормативно-справочная информация — это информация, заимствуемая специалистом-ревизором из нормативных документов и справочников.

Использование законодательных и подзаконных нормативных актов при проведении исследования документов является главным условием достоверности и объективности выводов в справке.

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 280.

Перед началом проведения исследования документов, при ознакомлении с переданными ему материалами специалист-ревизор по каждому вопросу должен определить, какие нормативные правовые акты и справочные материалы по ведению финансово-хозяйственной деятельности, бухгалтерскому учету, налогообложению или расчету финансовых коэффициентов ему потребуются. Их целесообразно представить в виде следующей системы.

Первый уровень — законодательные акты высшей юридической силы, содержит указы Президента, постановления Правительства, федеральные законы и иные законодательные акты, прямо не регулирующие ведение учета и организацию налогообложения экономического субъекта, оценку его финансового состояния, но оказывающие существенное влияние на понимание как деятельности данного субъекта в целом, так и объекта исследования в рамках производства того или документального исследования. К числу таких документов следует, например, отнести: Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ (в ред. от 30.11.2011) «О производственных кооперативах», федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (в ред. от 25.12.2018) «О развитии сельского хозяйства», федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (в ред. от 23.06.2014) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и др.

Второй уровень — федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. от 28.11.2018) «О бухгалтерском учете» и федеральные стандарты по бухгалтерскому учету (ПБУ), устанавливающие общие для всех экономических субъектов, в том числе и для предприятий сферы АПК, правила ведения бухгалтерского учета и составления отчетности, налогообложения и оценки финансового состояния.

Третий уровень — методические рекомендации (указания), инструкции и иные правовые акты Министерства финансов РФ, Федеральной налоговой службы России и других министерств и ведомств, раскрывающие содержание документов первого и второго уровней и распространяющие действие либо на определенный круг сельскохозяйственных организаций, либо регулирующие отдельные вопросы их деятельности.

Четвертый уровень — методические рекомендации (указания), инструкции и иные правовые акты Министерства сельского хозяйства РФ, иных связанных с сельскохозяйственным производством и переработкой министерств и ведомств, позволяющие учесть специфику их хозяйствования, справочные материалы (например, справочники по нормам естественной убыли, агромелиорации, технологии выращивания животных и т. п.).

Пятый уровень — информационные ресурсы и сервисы. Так, на сайте Министерства сельского хозяйства РФ[1] в разделе «Аналитика» представлен перечень информационных систем Минсельхоза России, информация которых может быть полезной при проведении исследования. Это:

— автоматизированная информационная система реестров, регистров и нормативно-справочной информации (АИС НСИ);

[1] Министерство сельского хозяйства России [Электронный ресурс]. URL: https://mcx.ru (дата обращения: 13.042020).

— комплексная информационная система сбора и обработки бухгалтерской и специализированной отчетности сельскохозяйственных товаропроизводителей, формирования сводных отчетов, мониторинга, учета, контроля и анализа субсидий на поддержку агропромышленного комплекса (АИС «Субсидии АПК»);

— функциональная подсистема «Электронный атлас земель сельскохозяйственного назначения» (ФП АЗСН);

— федеральная государственная информационная система учета и регистрации тракторов, самоходных машин и прицепов к ним (ФГИС УСМТ);

— единая автоматизированная система учета бланков ветеринарных сопроводительных документов (АИС «ВЕТБЛАНК»);

— центральная информационно-аналитическая система Системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства (ЦИАС СГИО СХ);

— автоматизированная информационная система «Реестр федеральной собственности АПК» (РФС АПК);

— единая Федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН) и др.

Также ниже представлен перечень информационных ресурсов, которые могут быть полезны для получения информации о деятельности как предприятия сферы АПК, так и его контрагентов:

1. Наличие подставных учредителей и руководителей. Проверка осуществляется с использованием сервисов: service.nalog.ru/svl.do и nalog.ru/disqualified.do. В первом — сведения о тех, кого через суд лишили права участвовать в компании или управлять ею. Тут понадобится ИНН и ОГРН контрагента. По второй ссылке — реестр дисквалифицированных лиц. Чтобы им воспользоваться, нужны также Ф. И. О. и дата рождения руководителя.

2. Признаки несостоятельности. Сведения о ликвидации, реорганизации, уменьшении уставного капитала размещаются в журнале «Вестник государственной регистрации» по ссылке vestnik-gosreg.ru/publ/vgr. ОГРН или ИНН будет достаточно для сервиса. По ссылке kommersant.ru/bankruptcy — размещена база объявлений о банкротстве. Проверка осуществляется с использованием ИНН или ОГРН.

3. Сведения о налоговой задолженности. Проверка осуществляется с использованием сервиса service.nalog.ru/zd.do , где для получения данных необходим ИНН организации. Если поиск дал результат, значит, у компании есть долги по налогам или она не отчитывалась перед налоговыми органами более одного года.

4. Массовые адреса и руководители. Принадлежит ли нескольким юрлицам адрес местонахождения предприятия АПК, можно проверить через сервис service.nalog.ru/addrfind.do. После введения адреса можно получить информацию, сколько компаний зарегистрировано по данному адресу. Аналогично проверяются данные руководителя по Ф. И. О. или ИНН на service.nalog.ru/mru.do.

5. Наличие в списке недобросовестных поставщиков. Через сервис zakupki.gov.ru/epz/dishonestsupplier/quicksearch/search.html проверяется, есть ли организация среди недобросовестных поставщиков по госзакупкам.

6. Бухгалтерская отчетность сельскохозяйственных организаций. Предоставляется большим количеством интернет-ресурсов. Официальным статусом обладает http://www.gks.ru/accounting_report. С помощью сервиса можно получить бухгалтерский баланс и отчеты о финансовых результатах, движении денежных средств, целевом использовании, изменении капитала. Чтобы получить сведения о бухгалтерской отчетности компании, нужно: выбрать год, сведения за который желаете получить; ввести ИНН компании. Можно также ввести ОКПО, если известно; выбрать формат ответа (в электронной форме либо в форматах Word, Excel).

Системная информация — это, прежде всего, учетная информация, отражаемая в документах бухгалтерского и налогового учета, регистрах и бухгалтерской отчетности. Также к данной группе относится и любая другая санкционирующая документация как создаваемая внутри субъекта предпринимательской деятельности в АПК, так и получаемая от третьих лиц, но относящаяся к финансово-хозяйственной деятельности исследуемой сельскохозяйственной организации и предваряющая создание документов бухгалтерского учета [4, с. 110; 5, с. 178].

Системные источники информации для проведения исследований, связанных с мошенническими действиями в АПК, охватывают:

1. *Организационно-распорядительные документы субъекта исследования* (сельскохозяйственной организации, сельскохозяйственного кооператива или крестьянского (фермерского) хозяйства). Прежде всего, это учетная политика для целей бухгалтерского учета и целей налогообложения, приложения к ним. Также ценная информация для проведения исследования может содержаться в приказах, распоряжениях должностных лиц, санкционирующих ту или иную операцию или сделку.

2. *Первичные и сводные учетные документы* (распорядительные, оправдательные и комбинированные) являются основными источниками доказательств при проведении исследований, т. к. подтверждают факт совершения хозяйственной операции и составляются в момент и местах ее совершения.

3. *Документы бухгалтерского оформления* обеспечивают оформление фактов хозяйственной жизни бухгалтерскими записями, выполняя вспомогательные функции по отношению к первичным и сводным документам. Самостоятельного значения при проведении документальных исследований не имеют.

4. *Инвентаризационные документы* обеспечивают количественное и качественное отражение результатов инвентаризации. Используются при проведении документальных исследований, преимущественно для установления факта, суммы, времени образования недостачи дли излишка денежных средств, товарно-материальных и иных ценностей, реальности их движения и круга ответственных лиц.

5. *Учетные регистры* обеспечивают регистрацию и обобщение документов. Используются для подтверждения информации первичных учетных документов.

6. *Бухгалтерская отчетность* (в том числе специализированная сельскохозяйственных организаций) является сводом взаимосвязанных показателей финансово-хозяйственной деятельности.

7. *Налоговые регистры и налоговая отчетность* обобщают информацию в части начисления определенных видов налогов и сборов. Используются для установле-

ния реальности фактов хозяйственной жизни, операций, сделок косвенным путем, преимущественно в целях установления реальности наличия объекта налогообложения.

8. Иные документы и документы, вовлекаемые в систему бухгалтерского учета (приказы, распоряжения трудовые договоры и др.). Используются для проведения исследования совместно с иными документами бухгалтерского учета, формами отчетности.

Системная информация, используемая специалистом-ревизором при проведении документальных исследований, весьма разнообразна, но в основе ее всегда лежат бухгалтерские документы.

Внеучетная информация включает источники, имеющие прямое отношение к разрешению вопросов, поставленных перед специалистом-ревизором, но которые невозможно отнести к предыдущим группам. Это документы чернового учета, «двойной бухгалтерии», которые не входят в систему информационного обеспечения деятельности сельскохозяйственной организации и появляются эпизодически.

Ответственность за относимость указанных документов к деятельности субъекта исследования несут лица, инициировавшие проведение документального исследования [6, с. 24; 8, с. 54].

Самостоятельно специалист-ревизор собирает только нормативно-справочные материалы. Учетная и внеучетная информация для проведения исследования формируется на основании проведения изъятия документов или их истребования [1, с. 276; 7, с. 7].

Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, связанные с изъятием документов и информации, содержащейся на электронных носителях, совершаются в различных правовых режимах и имеют самостоятельные правовые основы — (ч. 1 ст. 144 Уголовно-правового кодекса РФ[1] и п. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[2])

В целях избежания ситуаций, связанных с потенциальной вероятностью возникновения у сельскохозяйственных организаций, крестьянских фермерских хозяйств убытков, из-за невозможности пользоваться и распоряжаться изымаемой бухгалтерской документацией, утраты хозяйственных связей, пропусками сроков представления отчетной документации (не только бухгалтерской (финансовой) отчетности, но и, например, налоговых деклараций) целесообразно рекомендовать должностным лицам хозяйствующего субъекта снять копии с изымаемых документов.

Вместе с тем в силу п. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не должно производиться копирование документов и баз данных бухгалтерских компьютерных программ, любой другой информации, содержащейся

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 13.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

на изымаемых электронных носителях информации, если это может воспрепятствовать осуществлению оперативно-розыскной деятельности[1].

По возбужденным уголовным делам при изъятии документов необходимо руководствоваться требованиями постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики»[2].

Копирование документов осуществляется на основании постановления дознавателя, следователя, в производстве которых находится уголовное дело, вынесенного по результатам рассмотрения письменного ходатайства законного владельца документов.

В п. 7 Положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, прямо указано, что ходатайство о копировании документов не подлежит удовлетворению, если документы, о копировании которых подано ходатайство, содержат ложные сведения или могут быть использованы в противоправной деятельности, а также их копирование осложнит проведение исследования документов.

Выводы специалиста-ревизора в справке по результатам исследования излагаются таким образом, чтобы не допустить различных толкований. Залогом формулирования правильных выводов при проведении исследования является изучение, прежде всего, надлежащих документов, подбор которых осуществляется исходя из приоритета содержания над формой, использование в качестве нормативно-справочной базы проводимого исследования методических указаний, рекомендаций и инструкций Минсельхоза по организации и ведению бухгалтерского учета, выбор оптимальных для каждой конкретной ситуации способа исследования, не допуская формализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богданов А. С., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством / А. С. Богданов, Е. Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 276—279.

2. Данилов А. М. Особенности деятельности подразделений БЭП в сфере бюджетного финансирования // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С. 38—41.

3. Ивличев П. С., Ивличева Н. А. Моделирование экономических информационных систем / П. С. Ивличев, Н. А. Ивличева. Рязань, 2018. 88 с.

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016)…

[2] Об утверждении Положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики: постановление Правительства Рос. Федерации от 22 апр. 2017 г. № 482 // СЗ РФ. 2017. № 18. Ст. 2791.

4. Колесникова Е. Н. Проблемы использования учетной документации при выявлении мошеннических схем в АПК // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: электрон. изд-е. 2019. С. 110—117.

5. Колесникова Е. Н. Ревизия и контроль в сельскохозяйственных производственных кооперативах: теория, методология, практика: моногр. Рязань: Рязанский фил. Московского университета МВД России, 2011. 523 с.

6. Методика проведения документальных исследований по материалам оперативно-розыскной деятельности в разрезе классификационных критериев по преступлениям экономической направленности / И. В. Бандорина, А. Н. Буторов, С. С. Воронов, С. П. Голубятников и др. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 142 с.

7. Типовое положение о подготовке справок исследования документов, полученных в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности: метод. рек. М.: ГУЭБиПК, 2015. 11 с.

8. Организация оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК органов внутренних дел в сфере обеспечения экономической безопасности на объектах агропромышленного комплекса: аналитический обзор / А. В. Рогов, Л. В. Мищенко, Д. С. Говорухин. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 66 с.

9. Репин М. Е. Характеристика преступлений мошеннического характера, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2. С. 177—181.

10. Сведения о преступлениях, связанных с реализацией приоритетного национального проекта «Развитие АПК»: сборник по Российской Федерации за 2012—2017 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2018. 86 с.

11. Чиненов Е. В. Отдельные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Вопросы экспертной практики. 2017. № 1. С. 369—376.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bogdanov A. S., Khazov E. N. Main directions of activity of operational units of internal affairs agencies on detection and prevention of fraud-related crimes / A. S. Bogdanov, Y. N. Khazov // Journal of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 10. P. 276—279.

2. Danilov A. M. Peculiarities of activities of BEP subdivisions in the sphere of budget financing // Journal of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2009. № 2. P. 38—41.

3. Ivlichev P. S., Ivlicheva N. A. Modeling of economic information systems / P. S. Ivlichev, N. A. Ivlicheva. Ryazan, 2018. 88 p.

4. Kolesnikova E. N. Problems of using accounting documentation when detecting fraudulent schemes in the agricultural complex // Socio-economic and legal measures to combat crimes and other offences: electronic edition. 2019. P. 110—117.

5. Kolesnikova E. N. Audit and control in agricultural production cooperatives: theory, methodology, practice: monograph. — Ryazan: the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 523 p.

6. Method of carrying out documentary researches on materials of operational search activity in a section of classification criteria on crimes of economic orientation(s). V. Bandorina, A. N. Butorov, S. S. Voronov, S. P. Golubyatnikov, etc. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Russian Interior Ministry Academy, 2018. 142 p.

7. Methodological Recommendations "Model Regulation on Preparation of References for the Study of Documents Obtained as a Result of Operational and Search Activities." M: GUEBiPC, 2015. 11 p.

8. The organization of operational and service activity of Divisions for Combating Economic Crimes of law-enforcement bodies in the sphere of ensuring economic security on objects of agro-industrial complex: state-of-the-art review / A. V. Rogov, L. V. Mishchenko, D. S. Govorukhin. — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. 66 p.

9. Repin M. E. Description of crimes of a fraudulent nature committed in the sphere of agro-industrial complex//Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015. No. 2. P. 177—181.

10. Information on crimes related to the implementation of the priority national project "Development of agro-industrial complex": collection on the Russian Federation for 2012—2017. M.: GIAC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. 86 p.

11. Chinenov E. V. Separate issues of using special knowledge in the investigation of crimes in the sphere of agro-industrial complex // Questions of expert practice. 2017. No. 1. P. 369—376.

УДК:343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10070

Смолькова Ираида Вячеславовна
профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России,
профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
e-mail: smolkovaiv@mail.ru

Smolkova Iraida Vyacheslavovna
professor, Department of Criminal Proceedings of East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings of Baikal
State University (Irkutsk),
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
e-mail: smolkovaiv@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГИПНОЗА ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: настоящая статья посвящена одной из остродискуссионных проблем криминалистики и уголовного судопроизводства — проблеме использования гипноза в целях раскрытия и расследования преступлений. Несмотря на аргументы сторонников применения гипноза в практике раскрытия и расследования преступлений, автор статьи придерживается позиции, что, в настоящее время при отсутствии нормативной регламентации применения гипноза в следственной практике применять последний преждевременно, необходимо тщательно разработать правила его использования и закрепить их в законодательном акте.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет общий диалектический метод познания. Использованы логический, системный, сравнительно-правовой методы исследования, а также методы анализа, описания и обобщения.

Результаты исследования: на основе анализа нормативных и специальных литературных источников сформулированы аргументы, обосновывающие невозможность использования гипноза в целях раскрытия и расследования преступлений при отсутствии нормативной основы в настоящее время.

Выводы и заключения: делается вывод о том, что в современных условиях применение гипноза в уголовном судопроизводстве при отсутствии законодательного акта, формулирующего правила, на основе которых оно возможно, исключено. Кроме того, автор статьи приходит к заключению, что даже при должном правовом регулировании применение гипноза в целях раскрытия и расследования преступлений в отношении подозреваемых и обвиняемых невозможно.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, раскрытие и расследование преступлений, гипноз, гипнорепродукция, репродукционный гипноз, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель.

PROBLEMS OF USING HYPNOSIS DURING DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

Introduction: This article is devoted to one of the hotly controversial problems of forensic science and criminal justice — the problem of using hypnosis to uncover and investigate crimes. Despite the arguments of the supporters of the use of hypnosis in the practice of detecting and investigating crimes, the author of the article adheres to the position that, at present, in the absence of normative regulation of the use of hypnosis in investigative practice, it is premature to apply the latter, it is necessary to carefully develop the rules for its use and fix them in a legislative act.

Materials and Methods: the methodological basis of the research is the general dialectical method of cognition. Logical, systemic, comparative legal research methods, as well as methods of analysis, description and generalization were used.

Results of the Research: based on the analysis of normative and special literary sources, arguments were formulated that substantiate the impossibility of using hypnosis for the purpose of detecting and investigating crimes in the absence of a regulatory framework at the present time.

Findings and Conclusions: it is concluded that in modern conditions the use of hypnosis in criminal proceedings in the absence of a legislative act formulating the rules based on which it is possible is excluded. In addition, the author of the article comes to the conclusion that even with proper legal regulation, the use of hypnosis in order to uncover and investigate crimes against suspects and accused is impossible.

Keywords: criminal proceedings, crime detection and investigation, hypnosis, hypnoreproduction, reproductive hypnosis, suspect, accused, victim, witness.

В переводе с греческого термин «гипноз» означает «сон» [27, с. 159]. Знаменитый советский психолог Л. Л. Васильев определял гипноз как «внушённый сон» [1, с. 44]. Современные психиатры и психотерапевты определяют гипноз как «временное состояние сознания, характеризующееся сужением его объема и резкой фокусировкой на содержании внушения, что связано с изменением функции индивидуального контроля и самосознания» [20, с. 83].

Само явление гипнотического внушения известно человечеству достаточно давно, его практиковали еще жрецы древнего Шумера. В специальной литературе «отцом» гипноза и первым в мировой истории психотерапевтом принято считать венского доктора Ф. А. Мессмера. В 1780 г. он выступил в Париже с лекцией о собствен-

ной теории «животного магнетизма», согласно которой гипнотизер посредством магнетических пассов может пробуждать некие флюиды, изначально присутствующие в человеке, и в дальнейшем оперировать ими, оказывая либо целительное воздействие, либо внушение [11, с. 7]. Термин же «гипноз» ввел в словооборот английский врач Дж. Брэд в 1843 г. [20, с. 84].

Идея применения гипноза в практике расследования преступлений принадлежит немецкому криминалисту Г. Гроссу. Одним из первых российских криминалистов, применивших гипноз в целях раскрытия преступления, был знаменитый сыщик Н. П. Архаров, возглавлявший полицию Москвы в конце XVIII в. Московская полиция обращалась за консультациями к знаменитому русскому психиатру В. М. Бехтереву, который, используя гипноз, давал заключения о складе характера самых опасных преступников [5, с. 5].

В советское время гипноз некоторыми авторами рассматривался как «искусственное слабоумие» — аналог психической болезни [24, с. 67]. А. М. Ларин в этой связи с грустной иронией писал: «такое впечатление возникает и у неспециалистов, которым доводилось наблюдать публичные сеансы, когда загипнотизированные, лежа на полу, делают плавательные движения, будто находятся в воде, либо по-детски играют с воображаемой куклой и т. п.» [15, с. 62—63].

Представляется, однако, что сравнивать гипноз и слабоумие принципиально неверно, поскольку слабоумие представляет собой расстройство интеллекта, гипноз же к этому никакого отношения не имеет.

В настоящее время в некоторых странах гипноз используется при раскрытии и расследовании преступлений, как правило, он применяется в отношении свидетелей и потерпевших и только на добровольной основе. В последние десятилетия в мире получил развитие криминалистический или следственный гипноз. В российской криминалистической литературе гипноз, направленный на раскрытие и расследование преступлений, предлагается обозначать терминами «репродукционный гипноз» или «гипнорепродукция» [22, с. 38].

Следует отметить, что ни в одном государстве, где проводится допрос под гипнозом (кроме Израиля), нет какого-либо закона или иного нормативного акта, который бы его предусматривал, разрешал, регламентировал, или бы запрещал.

В Израиле действует Закон об использовании гипноза 1984 г. Под гипнозом в нем понимается «любое действие или процесс, который предназначен или потенциально может с помощью внушения вызвать изменения в состоянии сознания другого лица, ощущениях его тела, в эмоциях, мыслях, памяти или поведении» (ст. 1). Среди целей гипноза, кроме медицинских и научных, в данном законе названо «освежение памяти при расследовании, проводящемся полицией или службой безопасности» (п. 5 ст. 3). Лицо может подвергнуться гипнозу только добровольно с письменного согласия и только после того, как ему будет разъяснена природа процесса гипноза и его возможные последствия (п. 1 ст. 5) Арестованный или задержанный может согласиться на допрос под гипнозом только в присутствии своего или назначенного министерством юстиции адвоката (п. 3 ст. 5). Гипноз может применяться только по постановлению специально созданной комиссии. Лицо, подозреваемое в преступлении, поли-

ция не может подвергать следственному гипнозу, кроме случаев, когда оно само письменно просит об этом в присутствии адвоката с целью доказать свою невиновность. Однако все сказанное лицом во время следственного гипноза не может использоваться как доказательство его вины (п.п. a, b и r ст. 8) [9, с. 50, 53—54].

Применяется «следственный гипноз» и в США, который, прежде всего, состоит в активизации памяти опрашиваемых — очевидцев преступления, позволяющий целенаправленно управлять процессом репродукции латентной информации, хранящейся в их памяти. Суды ссылаются в приговорах на опрос под гипнозом, а полученная информация при таких опросах в некоторых случаях даже признаётся доказательственной [9, с. 52].

В связи с рассматриваемой проблемой представляет интерес позиция Верховного суда США, обоснованная им по делу «Рок против Арканзаса» (1978). В этом деле единственным лицом, которому могли быть известны обстоятельства совершённого убийства, была сама подсудимая, но она не могла дать показаний, поскольку ничего не помнила. С учетом данного обстоятельства было высказано предложение вызвать у подсудимой гипнотический транс, который помог бы восстановить в ее памяти обстоятельства преступления. Гипнотический сеанс был проведен, однако суд исключил из судебного разбирательства показания, которые подсудимая дала в этом состоянии. В дальнейшем Верховный суд США поддержал доводы стороны защиты о том, что исключение данного доказательства является нарушением конституционно признаваемого права подсудимой на защиту, поскольку лишило присяжных заседателей показаний единственного свидетеля, который был на месте преступления и непосредственно воспринимал все фактические обстоятельства [3, с. 78].

В США, как правило, гипноз применяется в основном при допросе потерпевших и свидетелей и не используется при допросе подозреваемых и обвиняемых. Для проведения допроса с использованием гипноза необходимы: 1) письменное согласие лица, подвергающегося допросу (такое согласие должно быть получено после проведения подробного инструктажа, в котором объясняются цели и задачи процедуры гипноза, ее безвредность для здоровья допрашиваемого, даются гарантии соблюдения конфиденциальности и использования полученных в ходе допроса сведений исключительно по их прямому назначению); 2) письменное разрешение Главного управления ФБР; 3) письменное разрешение Генеральной прокуратуры.

В США выработаны определенные правила применения гипноза, подкрепляющие достоверность полученных при этом сведений, соблюдение которых является обязательным условием принятия судами показаний, полученных под гипнозом, в качестве доказательств в уголовном процессе, а именно:

1) добровольное согласие опрашиваемых лиц на его проведение;

2) проведение сеансов гипноза высококвалифицированными психиатрами или психологами;

3) независимость специалиста-гипнолога, т. е. он не должен быть связан со следствием;

4) информирование специалиста-гипнолога лишь сведениями, необходимыми ему для проведения сеанса гипноза;

5) запись сеанса гипноза на аудио-, видеопленку;

6) на сеансе гипноза не должны присутствовать представители полиции, обвинения;

7) сеансу гипноза должны предшествовать подробная беседа с гипнотизируемым, тщательное изучение его психофизиологического состояния;

8) рекомендуется составлять специальную инструкцию для присяжных, в которой в ясной и доходчивой форме должно быть разъяснено, что гипноз является лишь средством восстановления памяти, но не гарантией достоверности полученных с его помощью сведений [18, с. 278—279].

Вопросы использования гипноза в интересах раскрытия и расследования преступлений освещались в специальной литературе за рубежом, начиная с XIX в., в России же данная проблема стала предметом исследования лишь с 90-х годов XX столетия. В 1992 г. во ВНИИ МВД России был создан специальный отдел по изучению нетрадиционных приемов раскрытия преступлений, его возглавлял А. И. Скрыпников, который активно пропагандировал гипнорепродукционный опрос как метод повышения эффективности работы органов МВД. Применение гипноза в расследовании уголовных дел обсуждалось и на научно-практическом семинаре, проведенном во ВНИИ МВД России в 1994 г., по результатам которого был издан сборник материалов [17].

В юридической литературе высказаны две диаметрально противоположные точки зрения на проблему использования гипноза в целях раскрытия и расследования преступлений.

Первая точка зрения исходит из того, что применение гипноза необходимо и желательно, поскольку позволит более эффективно раскрывать преступления [2, с. 114]. А. Кавалиерис допускает применение гипноза при раскрытии и расследовании только тяжких или особо тяжких преступлений, при условии добровольного письменного согласия на то опрашиваемого лица [9, с. 47].

По мнению В. А. Образцова и А. А. Топоркова, «пока еще проблема использования гипноза в деле борьбы с преступностью находится в эмбриональном состоянии, но все же имеются основания надеяться на то, что в недалеком будущем в российской криминалистике сложится новое полнокровное направление — криминалистическая гипнология — способное существенно улучшить тактическое оснащение следственной практики». Ратуя за широкое внедрение «криминалистической гипнологии», вопреки «уголовно-процессуальным доктринерам и радетелей мнимого целомудрия отечественной Фемиды», авторы отмечают: «неуклонно, хотя и медленно, крадучись с оглядкой, гипноз приближается к уголовному процессу, завоевывая все больше умов неугомонных ученых-криминалистов, проникая в практическую деятельность творчески активных сотрудников органов дознания и предварительного следствия». Рассуждая далее, они полагают, что в качестве объектов тактико-гипнотического гипноза, кроме потерпевших и свидетелей, в некоторых случаях могут быть подозреваемые и обвиняемые, исходя из того, что тактическая ситуация, связанная с возможностью применения гипноза, возникает, прежде всего, в случае обоснованного подозрения, когда носитель информации о преступлении сообщил на допросе заведомо ложные сведения либо сознательно утаил от следствия известные ему сведения. По их рас-

суждениям, основная задача применения гипноза во время допроса такого лица, состоит в получении достоверной ориентирующей информации, ранее не сообщенной ее носителем, которая выступает в качестве средства, способствующего решению вопроса о совершении данным или иным лицом преступления, о причастности определенного лица к преступлению, иной его виновной осведомленности в содеянном. Кроме того, названные авторы полагают, что полученные с помощью гипноза сведения могут оказаться полезными не только с точки зрения уголовного преследования виновных лиц, но и для снятия подозрений в отношении невиновных лиц, их реабилитации [14, с. 317—318].

С позиции Л. И. Сироткина, информация, полученная под гипнозом, является разновидностью показаний, а в зависимости от того, кто подвергается гипнозу, это могут быть показания потерпевшего, показания свидетеля, показания подозреваемого или показания обвиняемого, а «гипнорепродукция не является каким-то новым видом доказательств в сфере доказательственной деятельности, а является разновидностью допроса, поэтому вполне вписывается в рамки действующего уголовно-процессуального законодательства» [23, с. 40—41]. В. Н. Исаенко также считает, что репродукционный гипноз соответствует всем критериям допустимости, предъявляемым к средствам получения доказательств в уголовном судопроизводстве [8, с. 16]. С данными доводами категорически согласиться нельзя, ибо в УПК РФ нет никаких упоминаний (и даже намеков на них) на применение гипноза при допросе различных участников уголовного судопроизводства.

Следует заметить, что на практике вполне возможна и такая ситуация: сначала «потенциального» подозреваемого допрашивают под гипнозом как свидетеля, а он, находясь в состоянии гипнотического транса, дает против себя сведения, позволяющие затем признать его подозреваемым или предъявить ему обвинение.

Сторонники использования гипноза в уголовном процессе предлагают различные его формы. Так, В. А. Данилов предлагает назвать использование гипноза в раскрытии преступлений «гипноредукционным опросом», рассматривая его как разновидность такого гласного оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ), как опрос граждан, но осуществляемый специалистом-гипнооператором, что, по его мнению, позволит сделать процесс раскрытия преступления более определенным и целенаправленным [6, с. 224].

Аналогичную позицию занимает и В. Д. Хабалев, который, защитив в 1997 г. кандидатскую диссертацию о применении гипноза в деятельности зарубежной полиции, предложил использовать этот опыт в российской практике, уточнив, что гипнорепродукционный опрос граждан необходимо регламентировать специальным нормативным актом (инструкцией) как ОРМ, осуществляемое для активизации памяти опрашиваемых [29, с. 16—17, 19].

С точки зрения О. В. Евстигнеевой и А. Н. Иванова, опрос под гипнозом должен проводиться в рамках ОРМ, однако они не отрицают возможности его легализации и трансформации из оперативной в доказательственную форму путем допроса в качестве свидетелей участников этой процедуры, выемки видеокассеты, содержа-

щей запись этого опроса, ее осмотра и приобщения к делу в качестве вещественного доказательства [7, с. 79].

Следует заметить, что ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] не содержит никаких упоминаний о применении гипноза в оперативно-розыскных целях, тем более о гипнорепродукционном опросе граждан.

Некоторые авторы предлагают рассматривать опрос под гипнозом как «психологическую экспертизу для экспериментального оперативного потенцирования памяти» [22, с. 39], другие — как «гипнорепродукционную экспертизу», а гипнолога считать экспертом [4, с. 8].

Л. П. Гримак исходит из того, что предлагаемая им «гипноредукционная экспертиза» не может иметь доказательственного значения [4, с. 8]. В этой связи возникает вопрос: тогда какой смысл в этой экспертизе? УПК РФ не предусматривает экспертиз, заключения по которым a priori не имеют доказательственного значения.

Думается, что в соответствии с общепринятыми положениями о судебной экспертизе, любая экспертиза должна основываться на специальных знаниях эксперта. Однако на специальных знаниях гипнотизера базируется не столько получение информации, сколько погружение опрашиваемого в гипнотический транс, т. е. создание условий для получения необходимой информации. Совершенно очевидно, что информация, полученная при опросе под гипнозом, не может иметь доказательственного значения, хотя бы потому, что опрос не является следственным действием.

И. А. Смирнов полагает, что гипнолог может быть привлечен к участию в процессуальных действиях в качестве специалиста, как лицо, обладающее специальными познаниями, для разъяснения входящих в его компетенцию вопросов в случаях, когда преступление было совершено с применением гипнотического воздействия, кроме того, с его точки зрения, гипноз применим в рамках оперативно-розыскной деятельности для репродукции события преступления [25, с. 96].

Л. П. Гримак предлагал даже использовать гипноз в целях стимуляции и «рабочей доводки» способностей ясновидцев или биолокации у лиц с парапсихологическими способностями [5, с. 212].

Многие сторонники гипнорепродукции выступают за ее использование только в отношении потерпевших и свидетелей и против его применения к подозреваемому и обвиняемому. Однако есть и другие мнения по данному поводу [14, с. 217—218]. Так, Л. П. Гримак считает, что «гипнотическое воздействие на обвиняемого возможно, но только по его личной просьбе» [5, с. 112]. Основатель Европейского Института следственного гипноза Ф. Мазиере отмечает: «маловероятно, что криминалистический гипноз можно применять к обвиняемым, но исключить это нельзя» [9, с. 48].

Большинство же авторов однозначно высказывается против допроса под гипнозом вообще, относят его к числу антинаучных, безнравственных, незаконных и недопустимых методов, полагая, что негуманно и недопустимо воздействовать на находящегося в бессознательном состоянии человека, что в этом случае нарушаются демократические основы правосудия и следственная этика [12, с. 143; 16, с. 133; 19, с. 6].

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

А. Р. Ратинов относил гипнотическое внушение к наиболее сильным формам психического насилия и на этом основании считал, что «должна быть решительно отвергнута идея о возможности применения гипноза в процессе расследования» [21, с. 164].

В. Е. Коновалова в этой связи справедливо отмечает, что рекомендации, относящиеся к использованию гипноза в расследовании преступлений, носят невежественный характер, используя медицинские и психиатрические посылки, их авторы адаптируют подобные исследования к уголовно-процессуальной деятельности, соотнося их с юридически важными заключениями о правдивости и ложности показаний свидетелей и обвиняемых, эти рекомендации лишены даже минимальной экспериментальной базы и основываются только на сообщениях зарубежной (главным образом, американской) практики [13, с. 14—16].

Анализируя данную проблему, нельзя обойти вниманием положения, содержащиеся в таком международном документе, как «Принципы медицинской этики, относящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»[1], принятом Резолюцией № 37/194 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1982 г., в котором установлено: «работники здравоохранения, в особенности врачи, совершают нарушение медицинской этики, если они вовлечены в любые другие профессиональные отношения с заключенными или задержанными лицами, целью которых не является исключительно обследование, охрана или улучшение их физического или психического здоровья» (Принцип 3), а также если они применяют свои знания и опыт для содействия проведению допроса заключенных и задержанных лиц таким образом, что это может отрицательно повлиять на физическое или психическое здоровье или состояние таких заключенных или задержанных лиц (п. «а» 4 Принципа). Из этого следует, что применение различных гипнотических манипуляций в отношении подозреваемых или обвиняемых совершенно недопустимо.

В ФРГ использование гипноза в процессе расследования преступления запрещено законом. В частности согласно § 136 а УПК ФРГ «свобода решения и волеизъявления обвиняемого не должна ущемляться посредством ... обмана или *гипноза* (выделено нами — И. С.) запрещено использование показаний, которые были даны в результате несоблюдения указанных запретов, даже если обвиняемый выразил свое согласие с их использованием в процессе» [27][2].

А. Г. Филиппов, предостерегая энтузиастов «криминалистической гипнологии», пропагандирующих опыт США, справедливо пишет: «с примерами из зарубежной практики следует быть очень осторожными: в нашей стране действует уголовно-процессуальное законодательство, совершенно непохожее на соответствующие процедуры в США и других странах. Можно рассуждать об излишней заформализованности и архаичности нашего УПК, но никуда не уйти от факта: чтобы наши право-

[1] Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В. А. Карташкин и Е. А. Лукашева. 2-е изд-е доп. М.: Изд-во НОРМА, 2002. С. 185—186.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. — URL: http://pravo.org.ua/files (дата обращения: 13.04.2020).

охранительные органы могли действовать так, как в США, нам надо полностью изменить не только законы, но и менталитет судей, и отношение населения к правоохранительным органам. На это понадобятся десятилетия. А пока надо строжайше соблюдать действующие законы» [28, с. 179].

А. М. Ларин в своих доводах против применения гипноза в практике расследования уголовных дел, справедливо отмечал, что «нет никакой логики в том, чтобы, подчиняясь закону, признавать недопустимым допрос человека, который в силу ненормального, болезненного состояния психики не может участвовать в следственных действиях, и в то же время искусственно приводить в подобное состояние другого человека для получения от него сведений, которые он не дал бы в обычных условиях» [16, с. 133].

Уместно по данному поводу процитировать немецкого криминалиста Г. Шнейкерта, писавшего еще в 1924 г.: «Обвиняемые сами неоднократно изъявляли готовность подвергнуться гипнотизированию и быть допрошенными в состоянии гипноза, желая этим создать доказательство того, что у них на душе нет ничего затаенного. Но и такой прием едва ли мог бы быть признан допустимым с юридической точки зрения, не только потому, что трудно установить, не было ли симуляции гипнотического состояния, но и потому, что лицо, лишенное свободного волеопределения, хотя бы искусственным путем, не может рассматриваться как допустимый свидетель на суде» [30, с. 38].

Согласно ч. 1 ст. 9 УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий, создающих опасность угрозу для жизни и здоровья его участников. Для определенной части граждан гипноз безвреден, а для какой-то может представлять определенную опасность. В гипнотическом состоянии человек беспомощен, не способен контролировать ситуацию, лишен права выбора и отстаивать свои права, а потому не несет ответственности за свои высказывания и поступки.

Сама возможность использования гипноза в процессе расследования преступления в российской практике на данный момент носит лишь теоретический характер, скорее всего, это дело будущего. Ничто не стоит на месте, проводятся научные исследования, появляются новые технологии. Возможно, настанет тот момент, когда возникнет необходимость внесения корректив в уже устоявшиеся и, казалось бы, незыблемые положения, в том числе и в применение гипноза при расследовании преступлений. Однако в любом случае применение гипноза должно быть регламентировано в нормативном документе, и таким документом должен быть закон (УПК РФ, ФЗ «Об ОРД», самостоятельный закон), но не «Инструкция» или «Рекомендации ученых».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васильев Л. Л. Таинственные явления человеческой психики. — 2-е изд. испр. и доп. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. — 187 с.

2. Волкова И. С. Гипноз в уголовном праве // Юридическая наука в новом веке: сб. науч. тр. по итогам науч. конф. — Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2008. — С. 107—114.

3. Гольцов А. Т. Детектор лжи в уголовном судопроизводстве США // Журнал российского права. — 2009. — № 4. — С. 72—85.

4. Гримак Л. П. Возможности применения «следственного гипноза» для раскрытия преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. — Омск: Омский юридический институт МВД России. — 1996. — № 2. — С. 23—26.

5. Гримак Л. П. Гипноз и преступность. — М.: Республика, 1997. — 304 с.

6. Данилов В. А. Предпосылки использования зарубежного опыта применения гипноза для активизации памяти опрашиваемых лиц в отечественной практике // Преступность: стратегия борьбы / под ред. А. И. Долговой. — М.: Криминологическая ассоциация, 1997. — С. 223—226.

7. Евстигнеева О. В., Иванов А. Н. Проблемы использования гипноза в уголовном судопроизводстве // Вестник криминалистики. — 2004. — Вып. 2. — С. 78—80.

8. Исаенко В. Н. Использование композиционных и субъективных рисованных портретов в расследовании особо тяжких преступлений с признаками серийности // Эксперт-криминалист. — 2005. — № 10. — С. 15—17.

9. Кавалиерис А. Использование гипноза при опросе // Вестник криминалистики. — 2009. — Вып. 4. — С. 45—55.

10. Карпенко О. А. Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 1 (84). — С. 125—130.

11. Китаев Н. Н. Гипноз и преступления: лекция. — Иркутск: Изд. Байкал. гос. ун-та экономики и права, 2006. — 60 с.

12. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Применение гипноза при поисках трупа // Закон и право. — 2018. — № 12. — С. 142—143.

13. Коновалова В. Е. Этика судопроизводства: состояние и тенденции // Актуальные проблемы совершенствования законодательства России и стран СНГ: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2007. — С. 11—18.

14. Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. — М.: Юристъ, 1997. — 760 с.

15. Ларин А. М. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений // Государство и право. — 1995. — № 9. — С. 60—66.

16. Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. — М.: БЕК, 1996. — 192 с.

17. Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений: тезисы науч.-практ. семинара ВНИИ МВД России (Москва, 25—26 мая 1994 г.). — М., 1994. — 189 с.

18. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. — 447 с.

19. Протопопов А. Л. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. — 2008. — Вып. 4 (24). — С. 4—11.

20. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002. — 1019 с.

21. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователя. — М.: НИиРИО ВШ МООП СССР, 1967. — 290 с.

22. Селиванов Н. А. Получение информации с помощью гипноза // Расследование преступлений повышенной общественной опасности: пособие для следователей / науч. ред. А. И. Дворкин, Н. А. Селиванов. — М.: ООО Лига Разум, 1998. — С. 27—35.

23. Сироткин Л. И. Нетрадиционные направления криминалистики // Вестник юрид. ин-та., Чебоксары. — 2002. — № 2. — С. 40—45.

24. Слободняк А. П. Психотерапия, внушение, гипноз. — Киев: Здоровье, 1963. — 376 с.

25. Смирнов И. А. Использование результатов применения нетрадиционных методов в доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. — С. 91—96.

26. Современный словарь иностранных слов. — СПб.: Дуэт, 1994. — 752 с.

27. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. — URL: http://pravo.org.ua/files (дата обращения: 13.04.2020).

28. Филиппов А. Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. — М.: Юрлитинформ, 2007. — 352 с.

29. Хабалев В. Д. Применение гипноза для активизации памяти опрашиваемых лиц в деятельности зарубежной полиции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1997. — 22 с.

30. Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути ее раскрытия. — М.: Право и жизнь, 1925. — 68 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Vasiliev L. L. Mysterious phenomena of the human psyche. 2nd ed. rev. and add. M.: State. publishing house polit. lit., 1963.187 p.

2. Volkova I. S. Hypnosis in criminal law // Legal science in the new century: collection of articles. scientific. tr. based on the results of scientific. conf. Orenburg: Publishing house. Center OGAU, 2008. P. 107—114.

3. Goltsov A. T. Lie detector in the US criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2009. No. 4. P. 72—85.

4. Grimak L. P. Possibilities of using “investigative hypnosis” for solving crimes // Psychopedagogy in law enforcement agencies. Omsk: Ohm. Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1996. No. 2. P. 23—26.

5. Grimak L. P. Hypnosis and Crime. Moscow: Republic, 1997. 304 p.

6. Danilov V. A. Prerequisites for the use of foreign experience in the use of hypnosis to activate the memory of respondents in domestic practice // Crime: a strategy of struggle / ed. A. I. Debt. M.: Criminological Association, 1997. P. 223—226.

7. Evstigneeva O. V., Ivanov A. N. Problems of using hypnosis in criminal proceedings // Bulletin of Criminalistics. 2004. Issue. 2. P. 78—80.

8. Isaenko V. N. The use of compositional and subjective hand-drawn portraits in the investigation of especially grave crimes with signs of seriality // Expert Criminalist. 2005. No. 10. P. 15—17.

9. Kavalieris A. The use of hypnosis in interrogation // Bulletin of Criminalistics. 2009. Issue. 4. P. 45—55.

10. Karpenko O. A. The use of non-traditional special knowledge in exposing knowingly false testimony of witnesses and victims // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (84). P. 125—130.

11. Kitaev N. N. Hypnosis and Crime. Lecture. Irkutsk: Ed. Baikal. State University of Economics and Law, 2006. 60 p.

12. Kitaev N. N., Kitaeva V. N. The use of hypnosis in the search for a corpse // Law and Legislation. 2018. No. 12, pp. 142—143.

13. Konovalova V. E. Ethics of legal proceedings: state and trends // Actual problems of improving the legislation of Russia and the CIS countries: materials of international. scientific-practical conf. Ufa: Ed. Bashkir. State University, 2007. S. 11—18.

14. Criminalistics / ed. V.A. Obraztsova. M.: Jurist, 1997. 760 p.

15. Larin A. M. Non-traditional methods of solving crimes // State and Law. 1995. No. 9. P. 60—66.

16. Larin A. M. Forensic science and paracriminalistics. Moscow: BEK, 1996.192 p.

17. Non-traditional methods in solving crimes: theses of scientific-practical. seminar of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, May 25—26, 1994). M., 1994. 189 p.

18. Obraztsov V. A., Bogomolova S. N. Forensic psychology. Moscow: UNITY-DANA, Law and Legislation, 2002. 447 p.

19. Protopopov A. L. Non-traditional methods of disclosing and investigating crimes // Bulletin of Criminalistics. 2008. Issue. 4 (24). P. 4—11.

20. Psychotherapeutic encyclopedia / ed. B. D. Karvasarsky. Ed. 2nd revised and add. SPb.: Peter, 2002. 1019 p.

21. Ratinov A. R. Forensic psychology for the investigator. Moscow: NiRIO VSh MOOP USSR, 1967. 290 p.

22. Selivanov N. A. Obtaining information using hypnosis // Investigation of crimes of increased public danger: a guide for investigators / scientific. ed. A. I. Dvorkin, N. A. Selivanov. Moscow: OOO Liga Razum, 1998. P. 27—35.

23. Sirotkin L. I. Non-traditional areas of forensic science // Bulletin of Legal Institute of Cheboksary. 2002. No. 2. P. 40—45.

24. Slobodnyak A. P. Psychotherapy, suggestion, hypnosis. Kiev: Health, 1963. 376 p.

25. Smirnov I. A. Using the results of the application of non-traditional methods in proving in criminal cases // Actual problems of disclosing and investigating crimes: inter-university. Sat. scientific. tr. Issue 8. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. P. 91—96.

26. Modern Dictionary of Foreign Words. SPb.: Duet, 1994. 752 p.

27. Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany [Electronic resource]. URL: http://pravo.org.ua/files.

28. Filippov A. G. Forensic problems. Selected articles. M.: Yur-litinform, 2007. 352 p.

29. Khabalev V. D. The use of hypnosis to activate the memory of the respondents in the activities of the foreign police: abstract of the thesis of the Candidate of Psychology. M., 1997. 22 p.

30. Schneakert G. Mystery of the criminal and ways of its disclosure. M.: Law and Life. 1925. 68 p.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10071

Степаненко Диана Аркадьевна
профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск),
профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России,
доктор юрид. наук, профессор
e-mail: diana-stepanenko@mail.ru

Stepanenko Diana Arkadevna
professor, Department of Criminalistics, Forensics and Legal Psychology, Institute of State and Law of Baikal State University (Irkutsk)
Doctor of Law, Professor,
e-mail: diana-stepanenko@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Введение: статья посвящена проблематике развития языка криминалистической науки. Проблемы формирования терминологического аппарата криминалистики, определения тенденций конструирования понятий и их определений, соотношения естественного и искусственного языков в контексте цифровизации научной и практической деятельности, соотношения категориальных аппаратов философии и языка науки требуют пристального внимания, ведь основными задачами языка науки всегда были и остаются формирование, трансляция и развитие научного знания.

Материалы и методы: статья основана на классических и современных общефилософских разработках обозначенной проблемы. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: автор рассмотрел проблемы развития языка криминалистической науки, формирования ее терминологического аппарата. На основе анализа характеристик языка науки и тенденций развития криминалистики были выявлены основные способы создания новых криминалистических терминов и пути их вживления в языковую среду науки: перенос термина из другого языка, диффузия терминов из одной области научного знания в другую, дополнение к термину прилагательного (так называемые двухсловные термины) и пр.

Выводы и заключения: в ходе осмысления тенденций развития языка науки криминалистики автор пришел к выводу о том, что слово, найденное субъектом, как наиболее отражающее суть описываемого явления, становится термином тогда, когда оно отвечает требованиям однозначности, слабой зависимости от контекста, система-

тичности, стилистической нейтральности, смысловой унификации; имеется заинтересованная в этом термине группа людей (профессионалов) с коммуникативными контактами; термин получает одобрение и согласие на использование, допускается в понятийно-языковую систему науки.

В заключение отмечается, что вопросы развития языка криминалистической науки, формирования ее терминологического аппарата, способов и путей создания и вживления в языковую среду криминалистики новых терминов нуждаются в дальнейших исследованиях комплексного, монографического уровня, поскольку язык науки является важнейшим средством научного познания, посредством которого ученые организуют и транслируют производимые ими научные знания.

Ключевые слова: язык науки, язык криминалистической науки, терминологический аппарат, научные категории, функции языка, характеристики языка науки, цифровизация.

ON THE ISSUE OF THE LANGUAGE OF THE SCIENCE OF CRIMINALISTICS

Introduction: the article is devoted to the development of the language of forensic science. The problems of forming the terminological apparatus of forensics, determining trends in the construction of concepts and their definitions, the ratio of natural and artificial languages in the context of digitalization of scientific and practical activities, the ratio of categorical apparatuses of philosophy and the language of science require close attention, because the main tasks of the language of science have always been formation, translation and the development of scientific knowledge.

Materials and Methods: the article is based on classical and modern philosophical developments of the indicated problem. The methodological basis of the study was the universal dialectic method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: the author considered the problems of the development of the language of forensic science, the formation of its terminological apparatus. Based on an analysis of the characteristics of the language of science and the trends in the development of forensic science, the main ways to create new forensic terms and ways of their integration into the language environment of science were identified: transferring a term from another language, diffusion of terms from one area of scientific knowledge to another, addition to the term adjective (the so-called two-word terms), etc.

Findings and Conclusions: in the course of comprehending the development trends of the language of the science of forensic science, the author came to the conclusion that the word found by the subject, as the most reflecting essence of the described phenomenon, becomes a term when it meets the requirements of unambiguity, weak dependence on the con-

text, systematicity, stylistic neutrality, semantic unification; there is a group of people (professionals) interested in this term with communicative contacts; the term receives approval and consent to use, is allowed in the conceptual-linguistic system of science.

In conclusion, it is noted that the development of the language of forensic science, the formation of its terminological apparatus, methods and ways of creating and implanting new terms in the forensic science language environment require further studies at a comprehensive, monographic level, since the language of science is the most important means of scientific knowledge through which scientists organize and broadcast the scientific knowledge they produce.

Keywords: language of science, language of forensic science, terminological apparatus, scientific categories, language functions, characteristics of the language of science, digitalization.

Развитию языка криминалистической науки не посвящено отдельных монографических исследований, хотя в общей теории криминалистики методологическими являются два учения, показывающие состоятельность и самодостаточность криминалистической науки: учение о языке и учение о криминалистической систематике.

На сегодняшний день проблемы формирования терминологического аппарата криминалистики, определения тенденций конструирования понятий и их определений, соотношения естественного и искусственного языков (например, языка программирования) в контексте цифровизации научной и практической деятельности, соотношения категориальных аппаратов философии (как универсальных понятий и категорий) и языка науки требуют пристального внимания, ведь основными задачами языка науки всегда были и остаются формирование, трансляция и развитие научного знания.

Общие тенденции развития научного языка проявляются и в языке конкретной науки. Наука как особый тип познания мира находит своё воплощение в генезисе и развитии своего языка. Не случайно содержание языка науки связывают «с указанием на различные способы категориального членения окружающего мира, что фактически отождествляет язык с понятием тип мышления [см.: 9]». Формирование и развитие языка науки связано и с необходимостью разрешения противоречий, которые со временем возникают в устоявшихся, казалось бы, теориях науки. Современный этап развития науки определяется как постнеклассический с характерными для этого этапа чертами: междисциплинарностью, внедрением принципа эволюционизма, синергетическим подходом, ослаблением жесткости научно-языкового канона и др. [см.: 13, 14]. Это не могло не сказаться на пересмотре ряда доктринальных позиций частных криминалистических теорий (как гносеологических систем конкретно-исторического времени), составляющих систему общей теории криминалистики, привело к модернизации, трансформации имеющихся и формированию новых криминалистических учений (теорий), позволяющих устранить наметившиеся в них противоречия. Ученый формулирует суждение, которое по Канту есть не что иное, как подведение объекта под понятие [7, с. 161].

Следует подчеркнуть эвристическое качество языка, которое связано с формулированием и постановкой проблемы и задач по её разрешению.

Сегодня нет однозначного определения номинального понятия «язык науки». Лингвисты, философы определяют язык науки по-разному: и как «особый функциональный стиль» [3, с. 3], и как «самостоятельную функциональную разновидность общелитературного языка» [4, с. 65], и как «знаковую систему произвольной природы, посредством которой осуществляется человеческое общение на различных уровнях коммуникации и трансляции, включая операции мышления, приобретение, хранение, преобразование и передачу сообщений (сигналов, информации, знаний) и связанные процессы [1]».

Мы далеки от фетишизации языка науки (приданию особого значения разработке специального, искусственного языка, общение на котором доступно только ограниченному кругу лиц и т. п.), но резонно полагаем, что существует необходимость разделения науки и ненаучных форм мыслительной деятельности, а значит, и знаковых систем, при помощи которых происходит отражение исследуемой действительности. Язык науки — это модель научного взаимодействия, научной коммуникации, позволяющая фиксировать и передавать информацию, которой оперирует научное сообщество в рамках единого, принятого большинством «языкового каркаса». Очевидно, что не всегда возможно описать или выразить истинную сущность «вещи» естественным, обыденным языком, необходимы научные конструкции — продукты научно-познавательной деятельности. Поэтому сложно отрицать такое лингвистическое явление, как формирование языка той или иной науки, формирование категорий, терминов как знаково-символических средств получения нового знания, точнее, облачения нового знания в приемлемую максимально отражающую его сущность словесную оболочку. Мы и не будем этого делать. Попытаемся разобраться с понятием и содержанием языка криминалистической науки.

Основными функциями языка являются: *коммуникативная* (функция *общения*) — использование языка для передачи информации; *когнитивная* (*гносеологическая*) — накопление и сохранение информации, её передача; *аккумулятивная* (*накопительная* функция) — накопление и сохранение знания; *методологическая* функция — совершенствование (развитие) научного познания. Язык науки имеет ряд отличающих его характеристик [см.: 15]:

1. В науке существует жесткий рефлексивный контроль над употреблением слов. «Поскольку же атрибут научного познания — предъявление строгих требований к методам познания и сознательный контроль за их соблюдением, постольку обеспечение сознательного контроля над передачей информации средствами естественного языка является актуальной проблемой науки» [5, с. 13].

2. В научной деятельности выделяется вид специализированной деятельности по разработке смыслов применяемых терминов. В результате последней возникают «конструкты» языка науки. Наука «оперирует терминами, т. е. такими понятиями, которые получили в обществе абсолютно строгую, ясную, отчетливую и неизменную дефиницию» [10, с. 49]. Стоит отметить, что термин всегда ограничен в определении, а философские категории открыты для «домысливания».

3. Разработка смыслов терминов определяет процесс теоретизации науки, возникновение научных понятий.

4. Язык науки обладает свойством эмпирической интерпретации. Основной вектор — от эмпирики к абстрактным положениям науки.

5. Для отражения действительности используются как знаковые средства обыденного языка, так и семиотика, разрабатываемая в рамках науки. «Ассерторическое качество языка науки допускает фрагменты естественного языка, содержащие утвердительные предположения и дополненные научными терминами» [6, с. 19].

6. Язык науки — выражение научной мысли, логики анализа и обработки информации. Он определяет стиль мышления, понимание реальной действительности, методы и средства познания.

7. Прямая связь языка науки с доминантной парадигмой, определяющей «курс» научного мышления. Каждая научная парадигма характеризуется свойственной ей категориальной композицией, комплексом лидирующих понятий. Например, ситуационный подход — криминалистическая ситуалогия связана с понятиями «следственная ситуация», «ситуационное моделирование»..., системно-структурный подход — «система», «структура», «элемент», программно-целевой — «информация», «обратная связь», «управление».

8. Стремление к интернационализации.

Язык криминалистической науки в первом приближении можно определить как сложную знаковую систему, формирующуюся на основе средств естественного языка и специальных семиотических построений в рамках науки, детерминированную её предметным полем, стилем мышления, доминантными исследовательскими парадигмами, обеспечивающую накопление, сохранение и передачу информации, а также её теоретизацию и эмпирическую интерпретацию.

«Уход с авансцены философской жизни классической теоретико-познавательной парадигмы сопровождается ревизией ряда важнейших ценностных позиций, что закономерным образом влечет необходимость переосмысления и ряда языковых императивов» [2, с. 26].

Язык — явление, обладающее динамикой, постоянно развивающееся и меняющееся. Так, происходящие сегодня в науке интеграционные процессы, сказываются и на её языке. Комплексный (междисциплинарный) характер исследований, так необходимый для получения нового знания в современном мире, требует углубления интеграции общественных, естественных и технических наук. В оборот вводятся специфические термины, например, «информация», «модель», «оптимальность», «программа», «алгоритм» и др. Одни понятия легко встраиваются в языковую среду конкретной науки без существенных изменений семантического смысла и «могут целенаправленно менять „маршруты“ следования по пространству научного знания и укладываться в „матрицу“ посредством промежуточных „блоков“, обнаруживая при этом генетическое, функциональное, методологическое и аксиологическое единство» [там же]. Другие понятия долго пробивают себе дорогу в эту языковую среду, не сразу в неё «погружаются».

Криминалистика как мультиинтеграционная наука всегда объединяла в себе достижения различных областей знания, адаптируя их к целям расследования преступлений, заимствуя понятия и обогащая свой словарный запас.

Преобразование понятий может происходить тремя способами: экспликация старых понятий (уточнение смысла); сужение или расширение сферы применения понятия; пересмотр существующего понятия и замена его новым.

Язык науки создается, как уже было сказано, для фиксации и передачи научной информации: в нем на первый план выходит когнитивная функция. Слова и понятия — это реальности культурного и профессионального сознания ученого, тот уровень, с которого начинается первоначальная фиксация знания, его понимание и интерпретация. Здесь в научном мышлении возникает первый слой противоречий — между «словом» и «вещью», разрешение которого ведет к важному условию точности научного знания — образованию слов-терминов с определенной смысловой структурой (по возможности однозначной), эмпирически выверенной и теоретически глубоко обоснованной. Язык науки «включает в себя специальную терминологию, которой именуются научные понятия, стоящие за пределами обычной, непрофессиональной сферы общения» [см.: 4].

Формализация языковых средств (лексические, морфологические, синтаксические), используемые наукой, диктует необходимость однозначного употребления терминов и четкое определение обозначаемых этими средствами свойств и отношений объектов. «В логически совершенном языке для каждого простого объекта будет не более одного слова, а все, что не является простым, будет выражено комбинацией слов, и эта комбинация, конечно, производна от входящих в нее слов для простых предметов» [11, с. 23]. Языковое оформление знания должно быть объективным и точным. Возможно широкое и узкое толкование понятия, но невозможно заменить термин синонимом.

Принятие языкового средства, единообразное его понимание является условием его жизнеспособности в уже сложившемся языке науки.

В современном терминологическом аппарате криминалистики есть немало понятий, которые изначально воспринимались неоднозначно: поисково-познавательная деятельность, криминалистическое обеспечение, криминалистическое орудиеведение, криминалистическая технология и др.

Любой термин в криминалистике имеет свою историю, свой путь формирования и признания. Для некоторых терминов фильтр жестких требований к научной терминологии путь этот делает долгим.

В эпоху всеобщей цифровизации, бурного развития информационных технологий распространённым путём появления нового термина и его вживление в языковую среду такой мультиинтегративной науки, как криминалистика, является перенос термина из другого языка. Использование варваризмов. Заимствованный термин может заменить не очень широко распространённое обозначение («средства и формы визуализации в криминалистике» — «криминалистический рендеринг», «криминалистическая форензика»), или появится для придания более современного звучания понятия, например, «оцифрование» — «дигитализация». Нередко заимствованный термин претерпевает изменение изначально вложенного в него смысла, т. к. незнание языка, эти-

мологических корней слова и не совсем точное по смысловой нагрузке употребление термина, запущенное в обиход, может привести к серьёзным разночтениям его с оригиналом. Это может быть связан и с общекультурным уровнем тех, кто употребляет термин, имеющимся опытом в той сфере, из которой термин заимствован (не случайно понимание того, о чём говорят судебные эксперты, лица, разбирающихся в информационно-коммуникационных областях, несколько затруднено для юриста), навыком работы с современными техническими устройствами и технологиями.

Развитие науки закономерно связано с потребностями практики, появлением новых потребностей в свете происходящих в мире изменений, а значит, и новых понятий, которые должны «назвать» явления, процессы, становящиеся предметом исследования. Поскольку криминалистика интегрирует достижения естественных, технических, гуманитарных наук, то ещё одним путём «терминотворческой» деятельности является диффузия терминов из одной области в другую (например, «следственная хитрость» — «тактико-психологический приём» — «психологический реагент»).

И эта тенденция усиливается по мере развития науки и техники. Также учеными могут создаваться искусственные термины на основе латинского, греческого и других языков (примером может служить габитология или габитоскопия — идентификация человека по внешним признакам; запаховые следы — одорологические следы).

Интересным представляется ещё один путь появления терминов. Дополнение к термину прилагательного, так называемые двухсловные термины (криминалистическая версия, криминалистическая диагностика, криминалистическая психология, криминалистическое орудиеведение, криминалистическое распознавание, криминалистическое обеспечение). Это уточнение понятия, нет создания новой словоформы. Появление термина не создаёт перегрузку языка, но способствует развитию понятия [см.: 8]. Уточнение понятия открывает новые его черты и в ряде случаев возникает необходимость его дробления на более частные понятия. Развитие частных понятий, в свою очередь, влияет на полноту описания понятия в целом. В силу такого дробления и развития понятия может появиться новый термин. Так случилось, например, с термином «идентификация»: идентификация — криминалистическая идентификация — диагностика — криминалистическая диагностика — ... — криминалистическое распознавание.

Когда слово, найденное субъектом, как наиболее отражающее суть описываемого явления, становится термином? Во-первых, оно должно отвечать следующим требованиям (свойствам) термина: однозначность, слабая зависимость от контекста, систематичность, стилистическая нейтральность, смысловая унификация [12, с. 82]. Во-вторых, должна появиться заинтересованная в этом термине группа людей (профессионалов) с коммуникативными контактами. В-третьих, термин должен получить одобрение и согласие на использование, т. к. он необходимо заполняет языковой пробел, допускается в понятийно-языковую систему науки. Если этого не произойдет, то словоформа останется в латентном состоянии.

В заключение хотелось бы отметить, что вопросы развития языка криминалистической науки, формирования ее терминологического аппарата, способов и путей создания и вживления в языковую среду криминалистики новых терминов нуждаются в дальнейших исследованиях комплексного, монографического уровня, поскольку

язык науки является важнейшим средством научного познания, посредством которого ученые организуют и транслируют производимые ими научные знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Азаренко С. А., Костюк В. Н., Можейко М. А., Голдберг Ф. И. Подготовка электронной публикации и общая редакция: Центр гуманитарных технологий / отв. ред. А. В. Агеев. Информация на этой странице периодически обновляется [Электронный ресурс]. — URL: https://gtmarket.ru/concepts/7076 (дата обращения: 08.02.2020)

2. Бугорская Н. В. К вопросу об эволюции принципов языка науки // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 23. — С. 26—30.

3. Гвишиани Н. Б. Категории и понятия языкознания как предмет методологического исследования: автореф. дис. … д-ра филол. наук. — М., 1984. — 32 с.

4. Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкознания. — 1976. — № 4. — С. 64—71.

5. Жалдак Н. Н. Логико-семантический анализ естественного языка науки линейно-табличными диаграммами существования // Научные ведомости БелГУ. — 2008. — № 14 (54). — С. 12—19.

6. Иванов В. А. Логика и семиотика парадокса в научном познании // Известия ВГПУ. Философия. — 2009. — № 3 (37). — С. 16—21.

7. Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч.: в 6 тт. / пер. с нем. — М.: Мысль. — 1966. — Т. 5. — 564 с.

8. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие / пер. с франц. — М: МИР, 1966. — 351 с.

9. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. — М., 1987. — 143 с.

10. Позднева С. П. Категориальный язык современной науки // Известия Саратовского университета. — 2006. — Т. 6. — Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Вып. S. — С. 48—52.

11. Рассел Б. Философия логического атомизма. — Томск: Водолей, 1999. — 192 с.

12. Романенко В. Н., Никитина Г. В. Динамика развития научно-технических терминов. Возникновение новых терминов // Вестник СПбГУ. Сер. 12. — 2010. — Вып. 3. — С. 80—88.

13. Стёпин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.

14. Черникова И. В. Постнеклассическая наука и философия. — Томск: Изд-во НТЛ, 2007. — 252 с.

15. Швырёв В. С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. — М., 1988. — 176 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Azarenko S. A., Kostyuk V. N., Mozheiko M. A., Goldberg F. I. Preparation of an electronic publication and general edition: Center for Humanitarian Technologies / Ex-

ecutive Editor A. V. Ageev. The information on this page is periodically updated. Access mode: https://gtmarket.ru/concepts/7076 (accessed date: 02/08/2020).

2. Bugorskaya N. V. On the evolution of the principles of the language of science // Bulletin of Chelyabinsk State University. — 2008. — Vol. 23. — P. 26—30.

3. Gvishiani N. B. Categories and concepts of linguistics as a subject of methodological research: abstract of thesis of the Doctor of Philology. — M., 1984. — 32 p.

4. Danilenko V. P. On the place of scientific terminology in the lexical system of language // Problems of Linguistics. — 1976. — Vol. 4. — P. 64—71.

5. Zhaldak N. N. Logical-semantic analysis of the natural language of science by linear tabular diagrams of existence // Scientific Statements of BelSU. — 2008. — Vol. 14 (54). — P. 12—19.

6. Ivanov V. A. Logic and semiotics of the paradox in scientific knowledge // Izvestiya VGPU. Philosophy. — 2009. — Vol. 3 (37). — P. 16—21.

7. Kant I. Criticism of the ability of judgment. Collected Works: in 6 volumes / translated from the German. — M.: Thought, 1966. — Vol. 5. — 564 p.

8. Moth A. Information Theory and Aesthetic Perception / trans. from French. — M: MIR, 1966. — 351 p.

9. Nikitina S. E. Semantic analysis of the language of science. — M., 1987. —143 p.

10. Pozdneva S. P. Categorical language of modern science / Bulletin of the Sara-Tov University. — 2006. — Vol. 6. — Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. — Vol. S. — P. 48—52.

11. Russell B. Philosophy of logical atomism. — Tomsk: Aquarius, 1999. — 192 p.

12. Romanenko V. N., Nikitina G. V. The dynamics of the development of scientific and technical terms. The emergence of new terms // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. — 2010. — Issue. 3. — P. 80—88.

13. Styopin V. S. Theoretical knowledge. — M.: Progress-Tradition, 2000. — 744 p.

14. Chernikova I. V. Post-non-classical science and philosophy. — Tomsk: NTL Publishing House, 2007. — 252 p.

15. Shvyrev V. S. Analysis of scientific knowledge: main directions, forms, problems. — M., 1988. — 176 p.

УДК: 343.3/.7
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10072

Ефремова Марина Александровна
профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
доцент, доктор юридических наук
E-mail: crimlaw16@gmail.com

Efremova Marina Alexandrovna
professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Izhevsk Institute (branch) of the VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Doctor of law, Associate Professor
E-mail: crimlaw16@gmail.com

Шутова Альбина Александровна
старший научный сотрудник отдела научных исследований Ижевского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
кандидат юридических наук
E-mail: iji-nauka@mail.ru

Shutova Albina Alexandrovna
senior researcher of the Research Department Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Candidate of Law
E-mail: iji-nauka@mail.ru

Никифорова Алена Анатольевна
старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: luckyalenka@rambler.ru

Nikiforova Alyona Anatolevna
senior lecturer at the Department of Criminal and Criminal Executive Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law
E-mail: luckyalenka@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

Введение: актуальность избранной темы вызвана изменениями в действующем российском административном и уголовном законодательстве в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Авторами на основе конкретных примеров подтверждается то, что, в различных субъектах Российской Федерации складывается разнообразная практика применения подобных норм, что приводит к отсутствию единообразного применения закона. Цель исследования заключается в анализе законодательных новелл и разработке научно обоснованных положений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики в области противодействия посягательствам в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Материалы и методы: основным методом исследования является диалектико-материалистический метод познания, позволяющий объективно и всесторонне рассмотреть проблемы правовой оценки правонарушений в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Наряду с ним были использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, дедукция, индукция, абстракция; применялись специальные методы исследования: формально-юридический, интервьюирование.

Результаты исследования: позволили выявить то, что введенные на территориях субъектов ограничительные меры фактически нарушают положения Конституции Российской Федерации, нарушая принцип ограничения прав человека только федеральным законом. Кроме этого внесение изменений в уголовное и административное законодательство в условиях пандемии следует признать несколько непоследовательным и поспешным, что привело к конкуренции уголовно-правовых и административно-правовых норм.

Выводы и заключения: установлено, что принятые меры ограничительного характера в связи с критической эпидемиологической ситуацией в стране и мире не оправдывают того, что грубо игнорируются нормативные предписания Конституции Российской Федерации. Авторами проводится подробный критический анализ составов административных правонарушений и преступлений в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, исследуются важнейшие для правоприменения вопросы. Предлагаются меры по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: преступления против здоровья населения, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, коронавирусная инфекция, общественно значимая информация, обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

TRANSFORMATION OF RUSSIAN ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE NOVEL CORONAVIRUS (COVID-19) OUTBREAK

Introduction: The relevance of the chosen topic is caused by the changes in the current Russian administrative and criminal legislation in connection with the spread of a new coronavirus disease. Based on concrete examples, the authors confirm that in various constituent entities of the Russian Federation there is a diverse practice of applying such norms, which leads to the absence of a uniform application of the law. The purpose of the study is to analyse the legislative innovations and develop scientifically grounded regulations to improve the existing legislation and law enforcement practices in countering violations in the area of provision of sanitary and epidemiological well-being of population.

Materials and Methods: the main method of research was the dialectical-materialistic method of knowledge used for objectively and comprehensively considering the

problems of legal assessment of offences in the area of ensuring sanitary and epidemiological well-being of population. Along with it, general scientific research methods were used: analysis, synthesis, deduction, induction, abstraction; and special research methods were used: formal legal, interviewing.

The Results of the Study: they revealed that the restrictive measures introduced in the territories of the subjects actually violate the provisions of the Constitution of the Russian Federation, violating the principle of restricting human rights only by federal law. In addition, the changes in criminal and administrative legislation in a time of the pandemic should be considered a bit inconsistent and hasty, which led to competition between criminal law and administrative rules.

Findings and Conclusions: it was established that the restrictive measures taken in connection with the critical epidemiological situation in the country and the world do not justify the fact that the normative provisions of the Constitution of the Russian Federation are largely ignored. The authors conduct a detailed critical analysis of the administrative offences and crimes in the area of sanitary and epidemiological well-being of population, and investigate the most important issues pertaining to law enforcement. Measures to improve the current legislation and practice of its application are proposed.

Keywords: crimes against public health, violation of sanitary and epidemiological rules, coronavirus disease, socially significant information, circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens.

Не вызывает сомнения тот факт, что жизнь человека и ее неотъемлемая часть — здоровье являются наивысшей ценностью в государстве, и от благополучия отдельного человека зависит благополучие всего общества в целом. Указанный приоритет закреплен как в конституционных нормах, так и в иных законодательных актах различного уровня.

Многие государства в связи с высокими темпами распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) оказались неготовыми к борьбе с ней и своевременному принятию мер по снижению темпов заражения, где на первый план вышли недостатки, связанные с оказанием качественной медицинской помощи.

Обнаружились пробелы в системе правового регулирования в новых условиях, которые обусловили внесение ряда изменений в действующее законодательство в марте-апреле 2020 г. В первую очередь изменения коснулись различных областей жизнедеятельности, а именно финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства и экономической поддержки граждан. Данная ситуация обусловлена резким снижением экономического роста и наблюдаемой стагнации экономики [2, с. 58]. Возросшие расходы государства на здравоохранение могут продолжаться длительный период времени, если не повысить уровень сознательности граждан и остановить распространение коронавируса. В рамках достижения данной цели правительством при-

нимаются нормативные правовые акты, направленные на совершенствование мер в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения[1].

В соответствии с российским законодательством из-за угрозы распространения COVID-19 в субъектах Российской Федерации введен режим повышенной готовности, а также установлен особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств[2].

Органами государственной власти на территориях субъектов Российской Федерации соответствующими нормативными правовыми актами были введены ограничительные мероприятия. В большинстве субъектов на основании этих нормативных правовых актов граждане обязывались (либо им рекомендовалось) не покидать места проживания (пребывания), за исключением случаев обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и случаев иной прямой угрозы жизни и здоровью, а также следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, реализация которых не ограничена, выгула домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 м от места проживания (пребывания), выноса отходов до ближайшего места накопления отходов. Также на территориях субъектов была приостановлена деятельность отдельных предприятий, учреждений. В ряде регионов ограничительные мероприятия обязывали (либо носили рекомендательный характер) граждан в возрасте старше 65 лет, а также лиц, имеющих определенные заболевания, не покидать места проживания (пребывания), за исключением случаев прямой угрозы жизни и здоровью.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию «конфликта прав»: прежде всего, права на здоровье (ст. 41 Конституции Российской Федерации), с одной стороны, и права на свободу передвижения (ст. 27 Конституции Российской Федерации) — с другой. Статья 55 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип, декларирующий о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других

[1] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 99-ФЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 14. — Ст. 2029; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 100-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2030.

[2] Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019: постановление Гл. гос. санитарного врача Рос. Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.04.2020); О дополнительных мерах по недопущению распространения COVID-2019: постановление Гл. гос. санитарного врача Рос. Федерации от 30 марта 2020 г. № 9 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.04.2020); В Сургуте полицейские патрулируют улицы и выписывают штрафы нарушителям самоизоляции [Электронный ресурс]. URL: https://siapress.ru/news_surgut/94722-v-surgute-politseyskie-patruliruyut-ulitsi-i-vipisivayut-shtrafi-narushitelyam-samoizolyatsii (дата обращения: 17.04.2020); Жителя Азовского района оштрафовали за нарушение карантина на 15 тысяч рублей [Электронный ресурс]. URL: http://omsk-news.net/incident/2020/04/04/299924. (дата обращения: 17.04.2020).

лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Основной закон Российской Федерации допускает ограничения права на свободу передвижения в целях защиты здоровья, но оговаривает, что такие ограничения возможны лишь в том случае, если они устанавливаются федеральным законом.

В соответствии с законом право граждан на свободу передвижения может быть ограничено не только на территориях, где введено чрезвычайное положение, но и на отдельных территориях, и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности[1]. В целях, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, федеральный закон может установить и иные ограничения указанного конституционного права и условия его осуществления[2]. Основной закон России конкретизирует это требование с указанием на то, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Соответственно, положение ч. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», согласно которому такие ограничения допускаются только на основании закона, не подлежит расширительному толкованию: в данном случае понятием «закон» охватываются исключительно федеральные законы, но не законы субъектов Российской Федерации, поскольку иначе названной норме придавался бы неконституционный смысл[3].

В современной ситуации с ограничительными мероприятиями в субъектах Российской Федерации следует, что ограничение права на свободу передвижения хотя и основано на законе, но предусмотрено подзаконными актами. Ученые отмечают, что, несмотря на устойчивую практику Конституционного суда Российской Федерации, неоднократно признававшего неконституционность положений законов ряда субъектов и подзаконных актов субъектов, всё же имеет место негативная тенденция по ограничению основных прав и свобод законами субъектов [8, с. 150]. Сегодня же мы имеем дело с ограничением права на свободу передвижения не только не федеральным законом и законом субъекта, а федеральными подзаконными актами и подзаконными актами субъектов России.

[1] О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

[2] Определение Конституционного суда Российской Федерации от 03.02.2000 № 41-О «По жалобе гражданки Медиковой Нины Петровны на нарушение её конституционных прав положением части первой статьи 16 Закона Краснодарского края «Об особом порядке землепользования в Краснодарском крае» // СЗ РФ. 2000. № 18. Ст. 2020.

[3] По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы: постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 4 апр. 1996 г. № 9-П // Рос. газ. 1996. 17 апр.

Подводя итог сказанному, полагаем, что введенные на территориях субъектов ограничительные меры не вписываются в положения Конституции Российской Федерации, нарушая принцип ограничения прав человека только федеральным законом. Никакие отсылки к необходимости и обусловленности этих мер критической эпидемиологической ситуацией в стране и мире не оправдывают того, что грубо игнорируются нормативные предписания Основного закона страны.

Наряду с установлением ограничительных мероприятий попытка минимизировать негативные последствия распространения инфекции была предпринята путем внесения изменений в действующее административное и уголовное законодательство, о чем мы уже упоминали выше. Мы сознательно остановились на столь подробном анализе законодательных предписаний, закрепляющих систему мер, принятых в Российской Федерации для борьбы с вирусом, т. к. диспозиции и ст. 6.3, 20.6.1 КоАП РФ, и ст. 236 УК РФ сконструированы как бланкетные. Как отмечает Н. И. Пикуров, использование законодателем бланкетной диспозиции значительно усложняет правоприменение, поскольку умножает объем правовой информации, подлежащей уяснению и таит в себе и другие опасности, в том числе для прав и свобод граждан [9, с. 26].

Перейдем к последовательному анализу обозначенных выше изменений в российском административном и уголовном законодательстве. Статья 6.3 КоАП РФ была дополнена двумя новыми составами. Так, ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ установлен административно-правовой запрет «нарушению законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившейся в нарушении санитарных и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, в том числе при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих».

Для грамотного и юридически правильного применения данной нормы права следует детальным образом остановиться на исследовании признаков объективной стороны состава правонарушения.

Предписания Главного государственного санитарного врача Российской Федерации направлены специальным органам, а именно: органам исполнительной власти, руководителям территориальных органов Роспотребнадзора, главным врачам, работодателям и в основном они адресованы лицам, прибывшим на территорию нашего государства[1]. Например, незамедлительно сообщать о своем возвращении в Россию, а также сведения о месте, датах пребывания за рубежом, выполнять требования по изоляции в домашних условиях сроком на 14 дней со дня прибытия в Россию и др.

В более позднем постановлении Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30.03.2020 № 9 «О дополнительных мерах по недопущению распространению COVID-2019» содержится единственное предписание для граждан («общих субъектов») по нахождению в общественных местах (соблюдение дистанции не менее 1 м до других граждан).

[1] Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019: постановление Гл. гос. санитарного врача Рос. Федерации от 18 марта 2020 г. № 7...

Соответственно, возвращаясь к исследованию признаков объективной стороны состава правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, и вменению данного состава виновным, необходимо доказать несоблюдение федерального законодательства или норм и гигиенических нормативов, содержащихся в постановлениях главного государственного санитарного врача России.

Практика привлечения к ответственности по данной административно-правовой норме складывается, однако является достаточно противоречивой в связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов не в достаточной мере понимали критерий отличия между новыми составами (ч. 2, 3 ст. 6.3 и ст. 20.6.1 КоАП РФ). Подобное положение дел связно со сложностью конструирования административно-правового запрета, чрезмерной бланкетностью.

В некоторых регионах к мерам ответственности по рассматриваемой нами норме привлекаются граждане, нарушающие правила поведения при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации, введенные распоряжениям высших должностных лиц субъектов России.

Например, в г. Сургуте в апреле 2020 г. двое граждан в состоянии опьянения находились вдали от дома без необходимости. По решению судьи они привлечены к ответственности по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, назначено наказание в виде административного штрафа в размере 15 тыс. руб. каждому[1].

В других случаях к мерам административной ответственности привлекаются граждане, которые не выполняют требования по изоляции в домашних условиях сроком на 14 дней со дня прибытия в Российской Федерацию.

Справедливым видится факт привлечения к ответственности жителя Азовского района Омской области, который нарушил правила карантина, необходимые к соблюдению им с 1 апреля 2020 г. по распоряжению Роспотребнадзора в связи с возвращением его из-за рубежа, покинув место проживания без уважительной причины[2].

В данном случае возникает необходимость в раскрытии понятия «нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» применительно к данной статье. Для этого обратимся к положениям, закрепленным в Федеральном законе от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Согласно закону, его требования в основном распространяются на лиц, которые заболели инфекционными заболеваниями, а также лиц, являющихся носителями возбудителей инфекционных заболеваний.

Из этого следует, что субъект административного правонарушения по ст. 6.3 КоАП РФ является специальным, т. е. это только лицо, которое либо болеет инфекционным заболеванием, либо является носителем возбудителей такового, с подозрением на наличие такового, находившееся в контакте с источником заболевания, уклоняющееся от лечения. Но вместе с этим санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия являются обязательными также для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые могут выступить субъектами правонаруше-

[1] В Сургуте полицейские патрулируют улицы и выписывают штрафы нарушителям самоизоляции...

[2] См.: Жителя Азовского района оштрафовали за нарушение карантина на 15 тысяч рублей…

ний при их несоблюдении. Например, Петроградский районный суд сообщил о том, что цветочный магазин, расположенный на Большом проспекте в Петербурге, работал 30 марта 2020 г., когда в России официально были объявлены выходные дни. Суд вынес постановление о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 6.3 КоАП РФ[1].

Исходя из результатов исследования примеров следственно-судебной практики, становится понятно, что у правоприменительных органов возникают значительные проблемы в процессе квалификации деяний, посягающих на нормальное санитарно-эпидемиологическое состояние граждан, общества и государства. Видится, что одной из проблем, этому способствующих, является тот факт, что протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 6.3 КоАП РФ, составляют должностные лица органов внутренних дел (полиции) и Роспотребнадзора. В связи с необходимостью наличия у должностных лиц в полном объеме специальных знаний в области санитарных правил и гигиенических нормативов протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 6.3 КоАП РФ, на наш взгляд, должны составлять только должностные лица Роспотребнадзора.

Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершённого правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений [10].

Наряду с вышеназванными изменениями КоАП РФ был дополнен новой ст. 20.6.1 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе её возникновения». В норме содержится указание на критерий разграничения данного состава с ранее проанализированными нами: «за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 6.3 КоАП РФ». Однако непосредственных признаков, позволяющих провести разграничение между смежными составами правонарушений, не выработано ни в законодательстве, ни в судебной практике, что обусловливает появление множества вопросов по их применению.

Также единой позиции по квалификации содеянного не было до определенного времени и у представителей судебной ветви власти. Например, в г. Санкт-Петербурге гражданка В. прогулялась по закрытому для посещения в связи с решением местных властей Приморскому парку Победы. Изначально полиция квалифицировала действия гражданки по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ. Суд решил, что в её действиях содержатся признаки состава правонарушения, предусмотренного ст. 20.6.1 КоАП РФ[2].

Представляется, что на территории нашего государства складывалась ситуация некорректного применения норм административной ответственности, а также «стихийное» применение закона, нарушающее его основополагающие принципы (в первую очередь — законности и справедливости), когда гражданину может быть наз-

[1] Цветочный магазин работал во время карантина в Санкт-Петербурге // Аргументы и факты: официальный сайт газеты [Электронный ресурс]. — URL: https://spb.aif.ru/society/-cvetochnyy_magazin_rabotal_vo_vremya_karantina (дата обращения: 17.04.2020).

[2] См.: Первый суд вернул в полицию материал о прогулке во время карантина // Коммерсантъ: газ. — № 66. — 2020. — 11 апр. — С. 4.

начен административный штраф от 15 до 40 тыс. руб. (по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ) или в размере от 1 до 30 тыс. руб. (по ст. 20.6.1 КоАП РФ), что, по нашему мнению, является недопустимым в правовом государстве. С положительной стороны следует оценить то, что Верховный суд Российской Федерации 30 апреля 2020 г. принял Обзор, в котором некоторые вопросы квалификации, в том числе отграничения со смежными составами, рассмотрены[1].

Чаще всего в материалах по привлечению лиц к административной ответственности по ст. 6.3 КоАП РФ указывается, что были нарушены предписания главного государственного санитарного врача России. Но стоит отметить, что данные предписания распространяются, прежде всего, на органы исполнительной власти, руководителей территориальных органов Роспотребнадзора, главных врачей, работодателей и лиц, прибывших на территорию нашего государства из других стран. Предписаний в отношении физических лиц в документе не содержится, за исключением упоминания о том, что в общественных местах гражданам следует соблюдать дистанцию не менее 1 м друг от друга[2]. В связи с этим мы глубоко убеждены, что к гражданам, нарушающим режим добровольной самоизоляции, применение ст. 6.3 КоАП РФ недопустимо, следовательно, необходима квалификация их действий по ст. 20.6.1 КоАП РФ.

Сложности в разграничении составов административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.3 и ст. 20.6.1 КоАП РФ, возникают в определении объективных признаков. С субъективной стороны совершение правонарушений возможно как умышленно, так и по неосторожности. Субъектами данных правонарушений являются граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридические лица.

Как отмечалось ранее, нормы УК РФ также подверглись изменениям в условиях борьбы с распространением коронавируса. В новой редакции теперь представлена ст. 236 УК РФ. В новых условиях борьбы с вирусом до момента внесения в УК РФ изменений в правоприменительной практике в связи с нарушением режима самоизоляции стали возникать прецеденты. *Так, в марте 2020 г. женщина и мужчина контактировали с лицами, зараженными коронавирусом, не соблюдали режим самоизоляции, за что были возбуждены уголовные дела по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 236 УК РФ*[3]. Аналогичным образом в апреле 2020 г. в отношении гражданки возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 30 УК РФ и ч. 1 ст. 236 УК РФ, которая работала в Москве, там она сдала анализы на наличие у неё COVID-19, не стала дожидаться результатов обследования, а выехала

[1] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // СПС «Консультант плюс».

[2] О дополнительных мерах по недопущению распространения COVID-19: постановление Гл. гос. сан. врача Рос. Федерации от 30 марта 2020 г. № 9...

[3] См.: СК на транспорте в СЗФО возбудил два дела из-за нарушения режима самоизоляции [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/8127891?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 17.04.2020).

из Москвы на рейсовом автобусе в г. Чебоксары. О том, что у нее заражение коронавирусом, её известили по телефону. В Чебоксары она приехала 2 апреля, вызвала бригаду скорой помощи, её поместили в больницу скорой медицинской помощи[1].

Согласно ч. 1 ст. 236 УК РФ уголовная ответственность предусматривается за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий. Исходя из законодательных установлений, следует, что деяние совершается с неосторожной формой вины. Вместе с этим согласно ст. 30 УК РФ приготовление и покушение на преступление возможны лишь в умышленных общественно опасных деяниях, тогда как к преступлениям по неосторожности в соответствии с законодательными установками приготовиться или совершить в отношении их покушение невозможно.

Несомненно, исследование приведенных выше составов преступлений позволяет утверждать, что они совершаются исключительно с неосторожной формой вины, что исключает любую форму умысла. При наличии умышленной формы вины следует говорить о содержащихся в действиях лица признаков иных составов преступлений, а именно: ст. 205, 213 или 281 УК РФ.

Возникают проблемы и в понимании того, что же следует относить к санитарно-эпидемиологическим правилам. Как мы отмечали ранее, при анализе объективной стороны состава правонарушения, предусмотренного ст. 6.3 КоАП, административная ответственность наступает за «нарушение действующих санитарных правил и гигиенических нормативов», которые отнесены законодателем исходя из названия нормы к санитарно-эпидемиологическому законодательству, здесь же речь идет о нарушении санитарно-эпидемиологических правил. По нашему мнению, подобная терминологическая разобщенность приводит к неверному истолкованию норм закона правоприменителями. В обоих случаях диспозиции норм предполагают обращение к Федеральному закону «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[2], который в ст. 3 закрепляет положение о том, что законодательство в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из данного Федерального закона, других федеральных законов, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Таким образом, налицо двойная бланкетность как диспозиций ст. 6.3 КоАП и ст. 236 УК РФ. По мнению Н. И. Пикурова, двойная бланкетность очень опасна, т. к. цепь отсылок настолько удаляет адресата нормы от содержания, что может привести к утрате возможности осознать пределы уголовно-правового запрета [9, с. 59].

[1] См.: В Чувашии возбуждено уголовное дело против заболевшей коронавирусом [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4314362 (дата обращения: 17.04.2020).

[2] О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Рос. газ. 1999. 6 апр.

Кроме этого, отдельного внимания заслуживает вопрос установления количественных и качественных характеристик применительно к понятию «массовое заболевание или отравление людей». Являясь обязательным признаком объективной стороны состава преступления, установление данного обстоятельства является обязательным в процессе расследования по уголовному делу. Естественно, необходимо определить количественный критерий заболевших, наличие причинной связи между нарушением санитарно-эпидемиологических правил и массовыми заболеваниями или отравлениями людей. Стоит согласиться с мнением А. Г. Кибальника, который полагает, что определение признака «массовость» остается дискуссионным [5, с. 43] по той причине, что в уголовно-правовой доктрине существует множество подходов к его определению.

Первой точки зрения придерживаются авторы, полагающие, что применительно к массовым заболеваниям эпидемия считается начавшейся, если количество заболевших превышает установленный эпидемический порог [7, с. 50].

Вторая группа специалистов указывает на необходимость учета региональных особенностей. Так, по мнению В. Ю. Горовых, массовым следует считать заболевание (экзогенной и эндогенной природы) людей в количестве, превышающим средний уровень заболеваемости в данном регионе за аналогичный промежуток времени с учетом региональных особенностей [3, с. 89].

Более расширительного толкования придерживается третья группа правоведов, указывающих на то, что массовым считается любое заболевание (инфекционное или неинфекционное) или отравление (бактериальной или химической природы) значительного количества людей, находящихся на конкретной территории, распространенность которого значительно превышает среднестатистический (т. е. низкий, обычный) уровень заболеваемости данной болезнью за сопоставимый период времени [4, с. 95].

Четвертая группа ученых указывает на необходимость установления количественного уровня заболевших, при этом число обратившихся в лечебные учреждения должно быть значительным и под массовым отравлением следует понимать интоксикацию организма у группы людей в результате воздействия токсичных (вредных) веществ различного происхождения путем абсорбции через дыхательные пути, контактного попадания на кожу и слизистую, поглощения их с пищей или водой, а равно иными способами [6].

В судебно-следственной практике данный вопрос также однозначно не решен. Например, по уголовному делу, связанному с тем, что заведующая столовой не обеспечила соблюдение требований санитарных правил в пищеблоке, что привело к обсеменению возбудителем заболевания сальмонеллеза — бактерией Salmonella enteritidis — напольных весов для пищевой продукции, окна раздачи продуктов и повлекло массовое заболевание сальмонеллезом сорока учеников[1]. В аналогичном решении суда также указывается, что в результате торжественного мероприятия «Дой» 33 гражданина обратились в больницу, что было признано массовым отравлением в результа-

[1] Дело № 1-128/2019 приговор с. Ильинка 23 августа 2019 года [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jQaIB1OWZsod/ (дата обращения: 17.04.2020).

те допущенных нарушений санитарно-эпидемиологических требований[1]. Исходя из представленных примеров, можно заметить, что установлению подлежит количественный критерий пострадавших граждан, оценивается характер причиненного им вреда.

Исходя из сложившейся практики, следует, что признак «массовости» устанавливается при нахождении инфицированного лица в транспортном средстве либо в ином общественном месте (в офисе на работе, в больнице и т. д.). Полагаем, что для установления характера массового заболевания необходимо учитывать совокупность факторов: территориальный, количественный, качественный (тяжесть заболевания), а также заключение экспертов-представителей федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять государственный санитарно-эпидемиологический надзор или надзор в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека о массовом характере заболевания или отравления. Данный вывод подтверждается позицией Президиума Верховного суда Российской Федерации, который в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации COVID-19, раскрыл вопросы применения состава преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ[2]. Верховный суд Российской Федерации также определяет исследуемый признак как оценочный, что не позволяет выделить конкретные признаки, помогающие однозначно оценить заболевание как массовое.

В качестве еще одного примера возбуждения уголовного дела в условиях распространения инфекции следует привести ситуацию, произошедшую в Ставропольском крае. Было возбуждено уголовное дело по ст. 237 и 293 УК РФ в отношении инфекциониста Минздрава Ставропольского края, которая находилась на отдыхе в Испании, на территории которой были зафиксированы случаи заражения коронавирусной инфекцией, в период с 6 по 9 марта 2020 г. Руководство не было уведомлено и проинформировано об этой поездке, и женщина не предприняла мер к 14-дневной изоляции с целью профилактики распространении инфекции[3].

Важным фактом является и установление её как специального субъекта, т. к., исходя из диспозиции объективной стороны состава, на специалиста накладывается обязанность обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности. Однако стоит обратить внимание на то, что на момент приезда С. 9 марта 2020 г. еще не было принято нормативного правового акта, который бы обязывал граждан Российской Федерации изолироваться на 14 календарных

[1] Постановление № 1-724/2019 от 22 августа 2019 г. по делу № 1-724/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DAY6vYuHXKQR/__(дата обращения: 20.05.2020).

[2] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // СПС «Консультант плюс».

[3] См.: В Ставропольском крае возбудили уголовное дело [Электронный ресурс]. URL: https://coronavirusx.ru/news/v-stavropolskom-krae-vozbudili-ugolovnoe-delo-za-narushenie-karantina/ (дата обращения: 20.04.2020).

дней после возвращения из-за рубежа. Только 18 марта 2020 г. Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации было принято постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18.03.2020 № 7, в котором в п. 1.1 указывается обязанность граждан изолироваться на 14 дней после их прибытия. Несмотря на то, что указанный документ был принят уже после госпитализации врача-инфекциониста, это не помешало сотрудникам правоохранительных органов расценить подобные действия как «неисполнение ею своих должностных обязанностей». В связи с этим стоит утверждать то, что врач-инфекционист не была обязана соблюдать накладываемые на неё ограничения в виде изоляции на 14 дней после прибытия. Поэтому и привлечение её к уголовной ответственности по ст. 237 УК РФ является недопустимым в силу нарушения принципов уголовного закона.

С 1 апреля 2020 г. также криминализирован состав преступления, устанавливающий ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (ст. 207[1] УК РФ).

Стоит согласиться с мнением Andreu Casero-Ripollйs, который полагает, что значение информации в жизни человека велико: она является как инструментом, который может помочь уменьшить неуверенность и беспокойство, так и, наоборот, может усилить панику и хаос среди населения [1].

К сожалению, воздействие на людей через средства массовой информации или информационно-телекоммуникационные сети велико. Всевозможные формы негативного воздействия на население создают хаос и панику, т. к. люди принимают ложную информацию за достоверную, что дезориентирует их, наносит им прямой психологический ущерб и препятствует принимаемым в стране мерам по удержанию стабильности. Стоит поддержать позицию Д. И. Садыкова и Н. А. Ахметьяновой, согласно которой опубликование ложных сведений сравнимо с пандемией [10, с. 78].

Практика привлечения к мерам уголовно-правового воздействия по данной норме уже начала складываться. Так, М. опубликовал сведения в «ВКонтакте» о заражении коронавирусом гражданина в поликлинике, указав, что его направили в специальный бокс и отпустили из поликлиники добираться на общественном транспорте без мер безопасности. Указано, что с больным в контакт вступали медицинские работники и пациенты, а заведующего отделением заставили написать заявление на увольнение по собственному желанию. Данная информация оказалась заведомо ложной. Было возбуждено уголовное дело по ст. 207[1] УК РФ[1].

Также следует привести следующую ситуацию: «2 апреля 2020 г. «ВКонтакте» пользователь В. В. разместил «под видом анонимного автора» заведомо ложную информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граж-

[1] См.: В России возбудили первое уголовное дело из-за фейка о коронавирусе [Электронный ресурс]. URL: https://mpravda.com/v-rossii-vozbudili-pervoe-ugolovnoe-delo-iz-za-feyka-o-koronaviruse/ (дата обращения: 17.04.2020).

дан, о том, что заразившихся COVID-19 курсантов военного вуза заставляют делать зарядку. В действительности заболевших в училище не было»[1].

Объективная сторона выражается в распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Законодатель выделил особый способ его совершения — публичность. Полагаем, что в данном случае допущены некоторые излишки в использовании дублирующей терминологии.

В некоторых составах конкретизирован способ совершения преступления в виде распространения сведений в публичном выступлении или средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных сетях (ч. 2 ст. 128^1, ст. 137, 185^3 УК РФ), в других случаях (ст. 163, 179 УК РФ) использована формулировка «распространение сведений», предполагающая всевозможные способы реализации умысла виновного.

В нормах уголовного закона стоит разграничивать между собой понятия «распространение сведений» и действия, совершаемые «публично». Возникают проблемы теоретико-прикладного характера, связанные с пониманием осуществления действий публично. Учитывая семантику термина, считаем, что в норме закона достаточно использовать термин «распространение информации» и понимать под ним выражение в любой форме (устно, письменно, с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей) предоставления сведений вне зависимости от субъекта и его отношения к двум или более лицам.

Что же касается субъекта данного преступления, то им может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. При этом не стоит забывать, что к мерам уголовно-правового воздействия может быть привлечено не только лицо, которое является автором данной информации и от которого она непосредственно и исходила, но также лицо, которое занимается её последующим распространением, в том числе занимается «репостами» записей в социальных сетях. Особую озабоченность вызывает и тот факт, что подобные деструктивные по своей природе сведения оглашают сами медицинские работники, уровень доверия к которым на данный момент у представителей общественности более высокий.

Субъективная сторона преступления характеризуется только виной в форме прямого умысла, соответственно правоприменительным органам необходимо доказать, что субъект преступления, прежде всего, осознавал общественную опасность: во-первых, публичного распространения информации; во-вторых, распространения именно заведомо ложной информации; в-третьих, распространения информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств; а также желал эти действия со-

[1] См.: Следствие пришло к «Обмудсмену полиции» Владимиру Воронцову инкриминируют распространение фейков о коронавирусе [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4321646 (дата обращения: 17.04.2020).

вершить. Однако представляется, что в условиях максимальной информатизации общества, а также активного функционирования информационно-телекоммуникационных сетей достаточно проблематичным будет доказать осознание виновным лицом заведомой ложности информации, которая может в реальности оказаться лишь добросовестным заблуждением.

Следует также отметить, что впервые в уголовном законе криминализировано публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207^2 УК РФ). Стоит указать на содержание в норме оценочной категории «общественно значимая информация», разъяснение которой в действующем законодательстве и в разъяснениях Пленума Верховного суда Российской Федерации отсутствует. Исходя из этого следует, что фактически под такую информацию могут подойти абсолютно любые сведения, которые, по мнению правоприменителей, посчитаются общественно значимыми. Необходимо ли при решении этого вопроса учитывать определенную сферу деятельности, которая может быть затронута, или субъект Российской Федерации, на территории которого произошло деяние, или социальный статус потерпевшего и т. д.? Видится, что подобная формулировка предмета преступления ограничивает реальное применение ст. 207^2 УК РФ, т. к. выступает максимально оценочной.

Кроме того, представляется излишним использование формулировки «под видом достоверных сообщений», поскольку «заведомо ложная информация» уже подразумевает под собой данный факт. Подобная логика подтверждается законодателем при конструировании иных норм, например, в ст. 128^1 УК РФ предмет преступления определен как «заведомо ложные сведения».

По законодательной конструкции состав является материальным, и оконченным преступление будет считаться лишь в случае, если наступят общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. Вновь возникает проблема с пониманием в процессе правоприменения оценочного понятия «тяжкие последствия». Видим необходимость в конкретизации того, какой именно вред здоровью охватывается ст. 207^2 УК РФ, т. к. само по себе причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности не является ни уголовно наказуемым деянием, ни административным правонарушением. Полагаем, что только причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, наступившее в результате совершения деяния, позволяет усматривать в действиях лиц признаки составов преступлений. Потому предлагаем признавать состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 207^2 УК РФ, оконченным, если в результате по неосторожности был причинен тяжкий вред здоровью человека.

Отметим также, что отдельные изменения, внесенные в административное и уголовное законодательство, носят поспешный, непоследовательный и несогласованный характер. В силу этого неготовым к своевременному реагированию в условиях появления новых норм оказался и правоприменитель, что повлекло: массовое привлечение лиц к административной ответственности в отсутствие состава правонарушения; привлечение лиц к ответственности не по соответствующей правонарушению норме из-за проблем в определении признаков объективной стороны деяния или не-

корректного установлении субъекта правонарушения. Также достаточно разрозненной стала уголовно-правовая практика: возбуждение уголовных дел о приготовлении и покушении на неосторожные составы преступления; излишняя квалификация деяния за свершение одного деяния при отсутствии признаков идеальной совокупности; попытки привлечения лиц к уголовной ответственности при отсутствии признаков наличия прямого умысла на совершение уголовно наказуемого деяния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Casero-Ripollйs, Andreu (2020). “Impact of Covid-19 on the media system. Communicative and democratic consequences of news consumption during the outbreak”. El profesional de la informaciyn, v. 29, n. 2, e290223. URL: https://doi.org/10.3145/-epi.2020.mar.23

2. Восканян Р. О. Анализ российского рынка слияний и поглощений // Российское конкурентное право и экономика. — 2020. — № 2 (22). — С. 58—63.

3. Горовых В. Ю. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил как средство предупреждения социально значимых заболеваний // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 6. — С. 86—89.

4. Иванов А. Н., Козина С. Н. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступных нарушений санитарно-эпидемиологических правил // Известия Саратовского университета. — 2010. — № 1. — С. 94—96.

5. Кибальник А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. — 2020. — № 5. — С. 41—44.

6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2002. — 760 с.

7. Малеина М. Н. Ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 50—58.

8. Никулин М. И., Никитина А. В. Ограничение конституционных (основных) прав и свобод законами субъектов РФ: проблемы допустимости и критерии правомерности // Власть и управление на Востоке России. — 2013. — № 4. — С. 150—156.

9. Пикуров Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: моногр. — М.: Российская академия правосудия, 2009. — 288 с.

10. Садыков Д. И., Ахметьянова Н. А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. — № 8. — 2020. — С. 78—79.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Casero-Ripollйs, Andreu (2020). “Impact of Covid-19 on the media system. Communicative and democratic consequences of news consumption during the outbreak”. El profesional de la informaciyn, v. 29, n. 2, e290223 https://doi.org/10.3145/epi.-2020.mar.23

2. Voskanyan R. O. Analysis of the Russian market of mergers and acquisitions//Russian Competition Law and Economy. 2020. № 2 (22). P. 58-63.

3. Gorovs V. Yu. Criminal liability for violation of sanitary and epidemiological rules as a means of preventing socially significant diseases//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 6. P. 86-89.

4. Ivanov A. N., Kozina S. N. Circumstances to be established during the investigation of criminal violations of sanitary and epidemiological rules//Izvestia, Saratov University. 2010. № 1. P. 94—96.

5. Kibalnik A. G. Criminal legal response to the coronavirus pandemic//Legality. 2020. № 5. P. 41-44.

6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation ed. V. M. Lebedev. M.: Yurite, 2002. 760 p.

7. Maleina M. N. Responsibility for violation of sanitary and epidemiological rules //Russian Justice. 2000. № 7. P. 50—58.

8. Nikulin M. I., Nikitina A. V. Restriction of constitutional (fundamental) rights and freedoms by the laws of the constituent entities of the Russian Federation: problems of admissibility and eligibility criteria//Power and Management in the East of Russia. 2013. № 4. P. 150—156.

9. Pikurov N. I. Qualification of crimes with blanket signs of composition: monograph. M.: Russian Academy of Justice, 2009. 288 p.

10. Sadykov D. I., Akhmetyanova N. A. Distribution of fake news during the pandemic COVID-19// Colloquium-journal. No. 8. 2020. P. 78—79.

УДК: 342.09
ББК: 10.24411/2312-3184-2020-10073

Коврова Вера Геннадьевна
редактор редакционно-издательского отдела Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России
E-mail: 5vozdux5@gmail.com

Kovrova Vera Gennadievna
editor of the Editorial and Publishing Department of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Interior of Russian Federation
E-mail: 5vozdux5@gmail.com

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Введение: в настоящей статье, на базе научной литературы было рассмотрено дисциплинарное принуждение в системе административно-правовых средств противодействия коррупции. Отмечено, что коррупционные проявления в изучаемой области имеют самые разнообразные формы. Учитывая это, возможно говорить о том, что тематика статьи обладает несомненной актуальностью. Особое внимание уделено отношению руководителя органа государственной власти к проявлениям коррупции со стороны должностных лиц. Указано, что не всегда со стороны руководителя неизбежно наказание, учитываются личные факторы, отношение к работнику, что в отдельных случаях прямо противоречит закону. В связи с чем значимость надлежащей реализации механизмов по противодействию коррупции находится в зоне пристального внимания как высшего политического руководства страны, так и хозяйствующих субъектов, граждан Российской Федерации.

Материалы и методы: нормативная основа статьи включает в себя Конституцию Российской Федерации, законодательство об административных правонарушениях, локальные нормативные акты, регламентирующие осуществление деятельности по противодействию коррупционных проявлений. Методологическая основа представлена общим диалектическим методом научного познания, методами сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили более детально проанализировать существующие меры юридической ответственности, в итоге предложено их дополнить.

Выводы и заключения: очень важно установить реально действующие меры юридической ответственности за совершение правонарушений антикоррупционного законодательства Российской Федерации. Обеспечение эффективного выполнения соответствующих обязанностей, ограничений и запретов, установленных в органах государственной власти, можно добиться с помощью такой меры дисциплинарного принуждения, как дисциплинарная дисквалификация.

Ключевые слова: дисциплинарное принуждение, дисквалификация, кодекс, правонарушение, ответственность, должностное лицо, государственная служба, власть, право, механизм.

DISCIPLINARY COERCION IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS OF COMBATING CORRUPTION

Introduction: in this article, based on the opinions of scientists and scientific literature, disciplinary coercion in the system of administrative and legal means of combating corruption was considered. It is noted that corruption manifestations in the studied area have a variety of forms. Given this, it is possible to say that the subject of the article is undoubtedly relevant. Special attention is paid to the attitude of the head of the public authority for corruption by officials. Stated that it is not always from the head of inevitable punishment, takes into account factors relevant to the employee, in some cases, directly contrary to the law. In this regard, the importance of proper implementation of anti-corruption mechanisms is in the area of close attention of both the country's top political leadership and business entities, citizens.

Materials and Methods: article includes the Constitution of the Russian Federation, legislation on administrative offences, and local regulations governing the implementation of activities to counteract corruption. The methodological basis is represented by the general dialectical method of scientific knowledge, methods of comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the Study: allowed us to analyze in more detail the existing measures of legal responsibility, as a result, it was proposed to supplement them.

Findings and Conclusions: it is concluded that it is now very important to establish actual legal liability measures for violations of the anti-corruption legislation of the Russian Federation. Ensuring the effective implementation of the relevant duties, restrictions and prohibitions established in public authorities can be achieved, including through a measure of disciplinary coercion, such as disciplinary disqualification.

Keywords: disciplinary coercion, disqualification, code, offense, responsibility, official, public service, power, law, mechanism.

Коррупция приобрела в нашей стране характер наиболее опасной социальной «болезни», причины которой кроются в несовершенствах законодательства и практики применения, а также в укладе жизни. Вследствие этого и ряда других причин борьба с коррупцией приобрела в Российской Федерации системный характер, в том числе в системе государственной службы. Несмотря на то, что правовой базис борьбы с коррупцией уже сформирован [1. с. 1], российское антикоррупционное законодательство

необходимо продолжать совершенствовать, поскольку противодействие коррупции представляет собой постоянно совершенствующуюся систему мер, формируемых на основании общей оценки эффективности уже накопленного опыта [2. с. 13].

Коррупционное поведение государственных служащих обусловлено не только общими (правовой нигилизм и пр.), но и специфичными детерминантами:

— необходимостью в своей служебной деятельности стабильно контактировать с криминальной средой;

— неудовлетворенностью социальным ролевым статусом;

— недовольствою деятельностью средств массовой информации по негативному освещению их службы и др.

Проблематика реализации механизмов по противодействию коррупции всё также находится в зоне пристального внимания как высшего политического руководства страны, так и хозяйствующих субъектов, граждан Российской Федерации. Исходя из чего, в настоящее время на повестке дня все также стоит насущный вопрос совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции. Особенно это важно для системы государственной службы.

Коррупционные проявления в данной области имеют самые разнообразные формы, не позволяя государственно-правовым институтам в полной мере реализовать свои функции. В связи с этим мы полагаем, что весь комплекс административно-правовых и организационных средств, направленных на противодействие коррупции, должен с особой тщательностью и вниманием применяться и в системе государственной службы, и в системе государственного управления.

Это объясняется тем, что автономное от других публично-правовых реалий существование государственной службы невозможно, как и невозможно её обособленное существование от общества, в котором происходило её непосредственное формирование. В связи с этим решение коррупционных проявлений в системе государственной службы должно осуществляться комплексно, максимально широко, следует и учитывать проблемы, имеющиеся в структуре российского общества. По нашему мнению, только такой подход может оказать позитивное воздействие и повысить эффективность уже существующих административно-правовых средств противодействия коррупции именно в системе государственной службы Российской Федерации.

С недавних пор исследование административных-правовых и организационных средств борьбы с коррупцией привлекло внимание к себе ученых и практиков. Связано это с тем, что в системе органов власти и государственного управления происходят различные структурные изменения, а также развитием правовой базы для борьбы с коррупцией. С середины 2000-х годов вектор противодействия коррупции сместился в административно-правовую плоскость, отсюда и интерес к соответствующим средствам. Административно-правовым средствам в системе государственной службы противодействия коррупции посвящены труды А. В. Куракина [3], А. Ю. Вателя [4], Р. С. Сорокина [5], А. Л. Юсупова [6] и др. Все работы перечисленных ученых связывает один посыл — административно-правовые средства являются наиболее действенными средствами в деле противодействия коррупции.

Отметим, что в конечном итоге на эффективность деятельности по противодействию коррупции в системе государственной службы Российской Федерации оказывает влияние качественность правовых средств, которые задействованы в работе, поскольку имеет место прямая корреляция между применяемым правовым средством и конечным результатом его действия.

Безусловно, в системе государственной службы в целях противодействия коррупции применяют очень разнообразные правовые средства. Административно-правовые средства следует определить как часть всей совокупности используемых в борьбе с коррупцией правовых средств. Рассматривая своеобразие данных правовых средств (качественное и количественное), считаем необходимым отметить их ключевые позиции. В частности, административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы представлены целым комплексом различных служебных процедур, имеющимися формами контроля над служебной деятельностью должностных лиц, различными обязанностями.

В настоящее время существуют самые разнообразные меры воздействия, например, такие как: лишение виновного лица права в будущем занимать определенную должность, осуществлять определенный вид деятельности. Как обосновывается А. А. Гришковцом, весь комплекс существующих правовых мер может рассматриваться в контексте расширения применения дисквалификации в качестве меры административной ответственности. Кроме того, по его мнению, это может стать предпосылкой введения дисциплинарной дисквалификации [7, с. 1130]. Также отметим мнение В. А. Зюзина, который считает необходимостью перевод дисквалификации в дисциплинарную плоскость [8, с. 27]. Некоторые ученые касались отдельных проблем, связанных непосредственно с дисквалификацией, тем не менее глубокий и всесторонний анализ никем проведен не был. Этот вопрос — введение дисциплинарной дисквалификации как меры дисциплинарного принуждения — является предметом обсуждения и достаточно новым направлением для исследования.

Полагаем, что данный вид принуждения может применяться, например, за неисполнение должностным лицом обязанности, которая закреплялась у него в должностной инструкции, за нарушение ограничений и запретов, распространяющих на него свое действие в связи с необходимостью минимизации проявлений коррупции в конкретном органе государственной власти и т. д. Уточним, что в настоящее время уровень социальной защиты сотрудников государственной службы давно уже не отвечает сложившемуся в стране социально-экономическому положению, заработные платы сотрудников не соответствуют объему и сложности выполняемой работы, наличествует ненормированный рабочий день. В складывающейся обстановке отметим, что установленные законом ограничения и запреты, которые обусловлены режимом государственной службы, выполняют различные функции, в частности, они нужны для ориентации госслужащего на дисциплинированное и добросовестное, а также честное выполнение возложенных на него обязанностей. В то же время они не должны слишком ущемлять его правоспособность, сдерживать его положительную служебную активность. Справедливо подметил А. М. Цирин, «запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на должностных лиц, не должны препятствовать их про-

фессиональной деятельности, кроме того, они не должны наносить материальный и моральный вред публичному служащему» [9, с. 47].

Вместе с тем многими авторами достаточно обоснованно отмечается, что правонарушения, которые совершаются государственными служащими, не нашли своего должного раскрытия в Особенной части КоАП РФ [10]. В частности, на это в своих работах указывает Л. А. Ревякина [11, с. 113].

В научной литературе приводятся очень разные, порой диаметрально противоположные взгляды о формах и существующих наказаниях рассматриваемой категории правонарушений. Вместе с тем в результате проведенного анализа нами выявлено единство мнений в нижеследующих позициях:

1) санкции должны дифференцироваться по конкретным основаниям;

2) санкция, являясь мерой ответственности, должна обеспечивать то обстоятельство, что нарушитель лишится возможности заниматься определенной деятельностью (или же: занимать определенные должности, выполнять определенные трудовые функции);

3) обязательно соблюдение судебного порядка;

4) значимым является также усиление ответственности представителей нанимателя [11, с. 114].

Как нам видится, предупреждение и пресечение с помощью мер дисциплинарного принуждения является необходимым условием предупреждения коррупции, поскольку постепенное увеличение количества проступков прямо пропорционально росту общественной опасности деяний, которые только будут совершены виновными лицами в будущем. В связи с чем, если отсутствует соразмерное наказание, то происходит постепенное перерастание некриминальной деликтности в уголовную.

Кроме того, остановимся на выделении сложностей дисциплинарной дисквалификации как меры дисциплинарного принуждения. Исходя из правоприменительной практики, можно наблюдать следующую тенденцию. Руководители при формировании аппарата должностных лиц обращают внимание на их личную преданность. В связи с чем применение к виновным каких-либо мер дисциплинарного воздействия является очень редким явлением, поскольку в подобной ситуации руководителем анализируется, прежде всего, «человеческий фактор», следствием чего может быть даже нежелание проведения проверки конкретного факта коррупции, очевидного всем, в том числе и самому руководителю должностного лица. Применительно к чему С. А. Денисовым отмечается, что в сложившейся ситуации даже сама ответственность за проступок может являться предметом коррупционной сделки [12, с. 9].

Считаем важным также отметить, что в действующем законодательстве можно встретить ситуацию, при которой на лицо, только имеющее намерение занять соответствующую должность, уже распространяют свое действие антикоррупционные нормы (кандидаты на должность государственной службы). В частности, если кандидатом не представлены сведения о доходах, то он может получить отказ в зачислении на службу.

Вследствие сказанного можно сделать вывод, что в вышеописанном случае лица, хотя и допустили нарушение антикоррупционного законодательства, тем не менее

не являются субъектами дисциплинарной ответственности. Причина этому: совершение нарушений до периода действия трудового договора или служебного контракта.

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы:

1. В настоящее время очень важно установить реально действующие меры юридической ответственности как для физических, так и для юридических лиц за совершение правонарушений антикоррупционного законодательства РФ.

2. Обеспечения эффективного выполнения соответствующих обязанностей, ограничений и запретов, установленных в органах государственной власти, можно добиться, в том числе с помощью такой меры дисциплинарного принуждения, как дисциплинарная дисквалификация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. акад. РАН Т. Я. Хабриева. — М.: ИД «Юриспруденция», 2015. — 668 с.

2. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: науч.-практ. пособ. / Л. В. Андриченко, О. А. Беляева, В. И. Васильев и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014. — 236 с.

3. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М, 2008. — 49 с.

4. Ватель А. Ю. Административно-правовое регулирование антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных гражданских служащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М, 2013. — 25 с.

5. Сорокин Р. С. Увольнение с государственной службы как мера противодействия коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2014. — 26 с.

6. Юсупов А. Л. Дисциплинарная ответственность за нарушение законодательства о противодействии коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2014. — 27 с.

7. Гришковец А. А. Дисквалификация государственных гражданских служащих // Административное и муниципальное право. — 2013. — № 12. — С. 1130.

8. Зюзин В. А. Вопросы совершенствования административных наказаний. Дисквалификация // Российское правосудие. — 2017. — № 7(135). — С. 27.

9. Цирин А. М. Противодействие коррупции в Российской Федерации: пробелы правового регулирования // Журнал российского права. — 2012. — № 12. — С. 47.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

11. Ревякина Л. А. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. — 2015. — № 2(14). — С. 113.

12. Денисов С. А. Административная ответственность: вопросы теории и практики (Восьмые «Лазаревские Чтения» // Государство и право. — 2005. — № 1. — С. 9.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Corruption: nature, manifestations, counteraction: monograph / resp. ed. acad. RAS T. Ya. Khabrieva. M.: Publishing House "Jurisprudence", 2015. 668 p.

2. Anti-corruption in the constituent entities of the Russian Federation: scientific-practical. / L. V. Andrichenko, O. A. Belyaeva, V. I. Vasiliev and others; ed. T. Ya. Khabrievoy. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2014. 236 p.

3. Kurakin A. V. Administrative and legal means of preventing and suppressing corruption in the system of public service of the Russian Federation: abstract of the thesis of the Doctor of Law. M, 2008. 49 p.

4. Vatel A. Yu. Administrative and legal regulation of anti-corruption standards of service behavior of public civil servants: abstract of the thesis of the Candidate of Law. M., 2013. 25 p.

5. Sorokin R. S. Dismissal from public service as a measure of anti-corruption measures: abstract of the thesis of the Candidate of Law. Saratov, 2014. 26 p.

6. Yusupov A. L. Disciplinary responsibility for violation of anti-corruption legislation: abstract of the thesis of the Candidate of Law. Saratov, 2014. 27 p.

7. Grishkovets A. A. Disqualification of state civil servants // Administrative and municipal law. 2013. No. 12. P. 1130.

8. Zyuzin V. A. Questions of improving administrative punishments. Disqualification // Russian Justice. 2017. No. 7 (135). P. 27.

9. Tsirin A. M. Counteracting corruption in the Russian Federation: gaps in legal regulation // Journal of Russian Law. 2012. No. 12. P. 47.

10. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal law of 30 December 2001 No. 195-FZ (as amended on 18.02.2020) // SZ RF. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

11. Revyakina L. A. Administrative responsibility for corruption offenses // Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute. 2015. No. 2 (14). P. 113.

12. Denisov S. A. Administrative responsibility: questions of theory and practice (Eighth "Lazarev Readings" // State and Law. 2005. No. 1. P. 9.

УДК: 342.9
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10074

Лянной Глеб Геннадьевич
заместитель начальника кафедры
административного права
и административной деятельности
ОВД, Восточно-Сибирский институт
МВД России, г. Иркутск
E-mail: alwolfy@mail.ru

Lyannoy Gleb Gennadievich
deputy Head of the Department
of AP and AD of the Department
of Internal Affairs, East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Irkutsk
e.mail: alwolfy@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫЕЗДНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Введение: в статье рассматривается вопрос о необходимости расширения полномочий органов административной юрисдикции при осуществлении разбирательства по делу об административном правонарушении. Предлагается дополнить действующий кодекс специальной мерой разбирательства по делу, такой как выездное заседание.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные нормативные акты. Методологической основой исследования послужили общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы сравнения анализа, обобщения и описания

Результаты исследования позволили аргументировать актуальность введения указанной меры, подчеркнули её значимость и своевременность для реализации принципа законности, объективности и всесторонности при осуществлении разбирательства по делу.

Выводы и заключения: безусловно, введение предложенной меры будет способствовать достижению принципа всесторонности рассмотрения каждого дела, позволит органу административной юрисдикции, находясь на месте совершения правонарушения, убедиться в объективности фактов, изложенных в представленных процессуальных документах и доказательствах, сформировать внутреннее убеждение в виновности или невиновности лица, привлекаемого к административной ответственности.

Ключевые слова: рассмотрение дела об административном правонарушении, орган административной юрисдикции, выездное судебное заседание.

ON THE NEED FOR A RETREAT IN THE PROCEEDINGS ON AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

Introduction: the article deals with the need to expand the powers of administrative jurisdiction bodies when conducting proceedings on an administrative offense. It is proposed to supplement the current code with a special measure of proceedings in the case, such as a visiting session. Appearance

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, federal laws, and bylaws. The methodological basis of the research is the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of comparison, analysis, generalization and description

The Results of the Study: allowed us to argue the relevance of the introduction of this measure, emphasized its significance and timeliness for the implementation of the principle of legality, objectivity and comprehensiveness in the implementation of the proceedings.

Findings and Conclusions: of course, the introduction of the proposed measure will contribute to achieving the principle of comprehensive consideration of each case. It will allow the administrative jurisdiction body, being at the place of Commission of the offense, to verify the objectivity of the facts stated in the submitted procedural documents and evidence, to form an internal belief in the guilt or innocence of the person being brought to administrative responsibility.

Keywords: consideration of a case on an administrative offense, body of administrative jurisdiction, offsite court session.

В соответствии со статьей 26.11 КоАП РФ судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу. Это отправная точка нашего исследования.

Рассмотрение дела об административном правонарушении — центральная часть всего разбирательства по нему. На ней исследуются все доказательства, полученные при возбуждении дела об административном правонарушении или при проведении административного расследования. Законодатель, с одной стороны, наделяет орган, уполномоченный выявлять правонарушения широкими полномочиями по их фиксации, документированию. Однако обстоятельства, подлежащие доказыванию, определяется частью 1 статьи 26.2 КоАП РФ. Так, доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, ви-

новность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. С одной стороны, формулировка достаточно широкая, и предоставляет правоприменителям возможность в максимальной степени использовать любые имеющиеся относимые и допустимые доказательства, с другой стороны, оставляет некоторые неясности в определении, что именно следует доказывать при производстве по делу. А добавив к этим неточностям законодательства еще и человеческий фактор, который то же влияет на результаты производства по делу, то складывается не простая ситуация ставящая под угрозу выполнение принципов всесторонности и объективности рассмотрения каждого дела. Под человеческим фактором мы понимаем: 1) компетенционные проблемы (возникают при отсутствии у правоприменителя надлежащей компетенции при решении правого вопроса — неверное применение норм материального и процессуального права); 2) организационные проблемы (большой поток материалов, проходящий через сотрудника (внешние), недисциплинированность и (или) неорганизованность самого сотрудника (внутренние)), и, как следствие, невозможность качественно осуществить разбирательство по каждому делу; 3) противодействие лица, привлекаемого к административно ответственности, а также третьих лиц, сочувствующих правонарушителю (попытки затянуть разбирательство по делу до момента истечения сроков давности, (например, путем помещения лица в лечебное учреждение), утеря значимых доказательств по делу (уничтожена видеозапись, подтверждающая факт совершения правонарушения и т. д.)); 4) еще одно обстоятельство, которые следует учитывать, — «оперативность» работы почты. Все эти факторы создают условия, при которых судья, орган, в производстве которого находится дело об административно правонарушении, лишается возможности установить истину по делу. Препятствует или затрудняет формирования внутреннего убеждения о виновности или невиновности лица, а следовательно, не позволяет вынести объективное, законное постановление по делу об административном правонарушении. Не привлечение лица к ответственности подрывает у граждан уверенность в системе правосудия, что не способствуют укреплению законности в обществе. Эти факторы побудили критически посмотреть на систему сбора и оценки доказательств по делам об административных правонарушениях, а также меры обеспечения производства по делу, являющиеся частностью по отношению к «обстоятельствам, подлежащим доказыванию».

Настоящая статья не ставит перед собой цель возложить на орган, рассматривающий дело об административном правонарушении, собирание доказательств по делу. Основная задача настоящей статьи — предоставить такому органу больше полномочий по разбирательству фактических обстоятельств дела, которые были выявлены на предыдущей стадии производства и при наличии неточностей, противоречий и сомнений, требующих разрешения, в целях достижения объективной истины. Кроме того, ни для кого не секрет, что вынесенные постановления в большинстве своем, будут обжаловаться в административном порядке. И каждая из инстанций будет проверять законность постановления.

Итак, после обнаружения в действиях лица признаков состава правонарушений происходит его фиксация и осуществляется сбор дополнительных доказательств,

изобличающих виновного [1]. Как мы знаем, доказательства бывают устные и материальные; устные облекаются в объяснения лица в виде протокола, материальные изымаются, все доказательства приобщаются к материалам дела. Доказательства получаются с помощью инструментов, которые именуются мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Они закреплены в статье 27.1. КоАП РФ. Наличие этих мер обусловлено пресекательной особенностью производства по делу, более того — вторжением государства в частную жизнь гражданина, распоряжением его имуществом. Поэтому данные меры выделены в отдельную главу и детально регламентированы. Но что следует отметить, так это то, что перечень мер обеспечения производства по делу включает в себя всего 14 мер. Говоря иными словами, у правоприменителей есть 14 способов получения доказательств по делу. И не всегда все меры обеспечения производства по делу возможно использовать по одному делу. Иногда просто это сделать не представляется возможным, а иногда, исходя из фактических обстоятельств дела, нет необходимости задействовать такое количество мер. Таким образом, правоприменитель, исходя из фактических обстоятельств дела, самостоятельно решает вопрос о применении меры обеспечения по делу. В некоторых случаях установленных законом мер недостаточно для осуществления правосудия. Еще раз хотим обратить внимание, на то, что меры обеспечения применяются в основном при возбуждении дела и в усеченном варианте при его рассмотрении. Беседа с различными сотрудниками органов административной юрисдикции, в том числе с судьями выявила потребность появлении нового вида способа (проверки подтверждения) доказательств, только уже на второй стадии производства по делу — проведения выездного заседания в процессе разбирательства по делу об административном правонарушении.

В советской и российской правовых системах выездные судебные заседания существовали достаточно давно. Так, пунктом 23 постановления Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1983 г. № 10 «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции» [2] выездным судебным заседаниям придавалось большое значение для решения воспитательных задач правосудия. Судом рекомендовалось чаще рассматривать гражданские дела, имеющие общественное значение, в выездных заседаниях по месту жительства или работы той или другой стороны. В настоящий момент это правовое явление существует в следующий кодексах: гражданско-процессуальном, административного судопроизводства, арбитражно-процессуальном. Но анализ этого правового явления позволяет сделать вывод о другой стороне самого процесса. Так, заседание проводится по решению судьи, принимаемому на стадии подготовки дела (п. 5 ч. 1 ст. 135 АПК). Главное отличие этой формы заседания от проводимой в классической форме заключается в том, что заседание проводится вне здания суда. Цели проведения судебных заседаний вне здания суда: приближение правосудия к участникам спора (например, по делу о банкротстве градообразующей организации должник и большинство кредиторов находятся в одном городе, процесс имеет существенное социальное значение для жителей города) и профилактика правонарушений [3].

Суд вправе проводить судебные заседания вне здания суда. Такие заседания называют выездными [4].

В настоящее время значение выездных судебных заседаний изменилось. Они проводятся судом, как правило, тогда, когда это требуется для получения и исследования доказательств по делу: при выезде суда к месту нахождения большинства доказательств, при невозможности явки участников процесса по уважительным причинам в помещение суда.

Например, свидетель может быть допрошен судом в месте своего пребывания, если он, вследствие болезни, старости, инвалидности или других уважительных причин, не в состоянии явиться по вызову суда (ч. 1 ст. 70 ГПК РФ). В этом случае свидетель может быть допрошен судом в больнице, в жилом помещении или в другом месте нахождения свидетеля [5].

В случае возбуждения производства по административному делу о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке на основании административного искового заявления прокурора, главного государственного санитарного врача или его заместителя медицинская противотуберкулезная организация, в которой больной туберкулезом находится под диспансерным наблюдением и (или) в которую он подлежит госпитализации, привлекается к участию в административном деле в качестве заинтересованного лица (статья 47, часть 4 статьи 283 КАС РФ)[1].

При этом, как следует из части 5 статьи 54 КАС РФ, медицинская организация может вести дело в суде, в том числе участвовать в судебном заседании, как через представителей, имеющих высшее юридическое образование, так и через работников организации, уполномоченных на ведение её дел в суде нормативными правовыми актами или учредительными документами организации.

9. В целях охраны жизни и здоровья граждан, присутствующих в здании суда, судей и работников аппарата суда судебное заседание по административному делу о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке при наличии технической возможности может проводиться путем использования систем видео-конференц-связи суда и медицинской противотуберкулезной организации либо судом может быть назначено выездное судебное заседание в соответствующей медицинской противотуберкулезной организации, в которой обеспечены условия безопасного нахождения судьи, секретаря судебного заседания и участников судебного разбирательства.

Появление данного метода необходимо в тех случаях, когда судье, должностному лицу, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, в целях установления истины по делу целесообразно выехать на место совершения правонарушения или к месту нахождения соответствующего доказательства по делу. Основания для применения указанных мер определяется в каждом случае ин-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» // Рос. газ. № 276 (8034). 2019. 6 дек.

дивидуально с учетом конкретных обстоятельств дела на усмотрение органа, рассматривающего данное дело. Но такая мера должна иметь место, поскольку кроме фактической возможности проверить доказательства по делу, может привести к появлению новых обстоятельств подлежащих доказыванию, а также являться определенным средством предупредительного плана.

Кроме того, положения, содержащиеся в статье 29.5 КоАП РФ, указывают на то, что дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения. Таким образом, действующее административное законодательство позволяет использовать предложенную новеллу в практической деятельности органов административной юрисдикции при осуществлении разбирательства по делу.

Можно предположить, в каких случаях правоприменителю разумно воспользоваться предложенной мерой. Данную меру можно реализовать, например, при осуществлении разбирательства в отношении правонарушений в области безопасности дорожного движения (глава 12 КоАП РФ), предположим, при наличии расхождений в объяснениях данных свидетелем, лицом, привлекаемым к административной ответственности и сотрудниками ГИБДД об обстоятельствах происшествия (при отсутствии видеозаписи правонарушения), причастности лица, в отношение которого ведется производство по делу, к совершенному деянию. В такой ситуации можно установить, присутствовал ли свидетель на месте, где было совершено правонарушение, что делал правонарушитель, что делали сотрудники полиции, кто находился за рулем и т. д. Нахождение на месте совершения правонарушения, поведение сторон производства, различные уточнения, которыми можно дополнить объяснения — всё это будет способствовать максимально достоверному установлению истину по делу.

В целях достижения целей и задач производства по делу, а также для объективного всестороннего рассмотрения дела предложено статью 29.7 КоАП РФ дополнить пунктами 2.1., 2.2, 2.3. Пункт 2.1. изложить в следующей редакции: «В случае, если в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении требуется получить и (или) исследовать доказательства, проверить или уточнить объяснения сторона, а также когда у органа в ходе рассмотрения дела появляются сомнения в обстоятельствах правонарушения, до момента вынесения постановления, орган, должностное лицо, суд вправе провести выездное заседание.

Пункт 2.2: «О проведении выездного заседания выносится мотивированное определение».

Пункт 2.3: «При проведении выездного заседания ведется видеозапись».

Теперь обратимся к случаям, когда местом рассмотрения дела является иное место, определенное в статье 29.5 КоАП РФ. Например:

— по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по месту жительства данного лица;

— дела об административных правонарушениях несовершеннолетних, а также об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.35, 6.10, 20.22 настоящего Кодекса, рассматриваются по месту жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

В этом случае, по нашему мнению, следует использовать механизм судебных поручений. В настоящий момент этого механизма в рамках КоАП РФ не существует. Вместо него суды пытаются проводить судебные заседания в формате видео-конференц-связи. Но если использование видео-конференц-связи в рамках уголовного дела есть эффективный способ судебного разбирательства, поскольку предполагает выполнение процессуальных действий в отношении лиц, которые уже находятся под стражей или к ним уже применены меры пресечения, а следовательно, они будут присутствовать в зале заседания в любом случае, то в рамках производства по делам об административных правонарушений подобный способ может не быть эффективным. Поскольку участники производства, не видя серьезных последствий в неявке для участия в видео-конференц-связи, не являются туда, тем самым срывая процесс. Таким образом, нами выявленная еще одна проблема действующего законодательства, требующая решения. Но этот вопрос будет исследован нами в дальнейшем.

Таким образом, предложенные нами изменения, как нам представляется, повысят качество рассмотрения дела об административном правонарушении, позволят реализовать предупредительные задачи производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Смоляков А. И. Прядок действий сотрудников полиции по документированию административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена частью 1 статьи 20.1 КоАП РФ: учеб.-практ. пособ. для образоват. орг-ций системы МВД России, сотрудников ОВД Рос. Федерации / А. И. Смоляков, М. В. Барышников; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Департамент гос. службы и кадров. — М.: ДГСК МВД России, 2019. — 127 с.

2. Осуществление производства по делам об административных правонарушениях сотрудниками полиции: учеб.-метод. пособ. / А. В. Шевцов [и др.]; под ред. А. В. Шевцова; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Акад. упр. — М.: Академия управления МВД России, 2018. — 91 с.

3. Арбитражный процесс: учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В. В. Ярков. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 752 с.

4. Никулинская Н. Ф. Комментарий к главе 15 «Судебное разбирательство» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (постатейный) // СПС «Консультант плюс». 2017.

5. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова и др.; под ред. М. А. Фокиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019. — 656 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Smolyakov A. I. A series of actions by police officers to document an administrative offense, the responsibility for the commission of which is provided for in part 1 of article

20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation: textbook-practical manual for educ. org. systems of the Ministry of Internal Affairs of Russia, employees of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation / A. I. Smolyakov, M. V. Baryshnikov; the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of State Service and Personnel. M.: DGSK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 127 p.

2. Implementation of proceedings on cases of administrative offenses by police officers: textbook/ A. V. Shevtsov [and others]; ed. A. V. Shevtsova the Ministry of Internal Affairs of Russia. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 91 p.

3. Arbitration process: Textbook / A. V. Absalyamov, D. B. Abushenko, K. L. Branovitsky and others; resp. ed. V. V. Yarkov. 7th ed., Rev. and add. Moscow: Statut, 2017. 752 p.

4. Nikulinskaya N. F. Commentary to Chapter 15 "Litigation" of the Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N 138-FZ (itemized) // ATP ConsultantPlus. 2017.

5. Course of Evidence: Civil Procedure. Arbitration process. Administrative legal proceedings / S. F. Afanasyev, O. V. Baulin, I. N. Lukyanov and others; ed. M. A. Fokina. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Statut, 2019. 656 p.

УДК: 342.9
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10075

Такмакова Юлия Вячеславовна
адъюнкт Орловского института МВД России им. В. В. Лукъянова
E-mail: super.lida1956@ya.ru

TakmakovaYuliaVyacheslavovna
adjunct of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named of V. V. Lukyanov
E-mail: super.lida1956@ya.ru

КОМПЛЕКСНАЯ СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

Введение: комплексная схема организации дорожного движения (КСОДД) в настоящее время рассматривается в качестве ведущего способа формирования благоприятных условий для пространственного перемещения физических лиц и материальных объектов по наземным путям сообщения и минимизации возможных рисков, возникающих при этом.

Материалы и методы: материалами исследования являлись действующие нормативные правовые акты, регламентирующие разработку КСОДД, а также научные исследования представителей отечественной административно-правовой науки, посвященные анализу практической реализации КСОДД. При подготовке исследования использовались методы системно-структурного и функционального анализа.

Результаты исследования позволили проанализировать характеристики Интеллектуальной транспортной системы (ИТС), в качестве ключевой предпосылки обеспечения безопасности дорожного движения. В ходе исследования были определены основные методы организации дорожного движения, а также проанализированы требования нормативных документов, регламентирующие разработку КСОДД. Выявлены определяющие принципы, ключевые основания функционирования КСОДД, а также требования, необходимые для обеспечения её дальнейшего перспективного развития.

Выводы и заключения: автором обосновывается вывод о том, организацию дорожного движения следует рассматривать в качестве важной государственной задачи, решение которой является одним из факторов обеспечения государственной безопасности и реализации установленного конституционно-правового режима гражданских прав и свобод. При этом КСОДД целесообразно рассматривать в качестве ведущего метода решения данной задачи. В этой связи её последовательное совершенствование должно рассматриваться в качестве важного направления уполномоченных осуществлять организацию и регулирование дорожного движения органов власти.

Ключевые слова: безопасность, автодорога, организация, транспорт, система, схема, движение.

INTEGRATED ROAD ORGANIZATION DIAGRAM AS A PROSPECTIVE METHOD OF PROVIDING ITS SAFETY

Introduction: a comprehensive traffic management scheme (KSODD) is currently considered as the leading method of creating favorable conditions for the spatial movement of individuals and material objects along land routes and minimizing the possible risks arising from this.

Materials and Methods: the research materials were the current regulatory legal acts governing the development of the KSODD, as well as scientific research by representatives of the domestic administrative and legal science, devoted to the analysis of the practical implementation of the KSODD. When preparing the study, the methods of system-structural and functional analysis were used.

Results of the Study: allowed to analyze, the characteristics of the Intelligent Transport System (ITS), as a key prerequisite for ensuring road safety. In the course of the study, the main methods of organizing traffic were identified, and the requirements of regulatory documents governing the development of KSODD were analyzed. The defining principles, key foundations of the KSODD functioning, as well as the requirements necessary to ensure its further prospective development are revealed.

Findings and Conclusions: the author substantiates the conclusion that the organization of road traffic should be considered as an important state task, the solution of which is one of the factors in ensuring state security and the implementation of the established constitutional and legal regime of civil rights and freedoms. At the same time, it is advisable to consider KSODD as the leading method for solving this problem. In this regard, its consistent improvement should be considered as an important direction of the authorities authorized to organize and regulate traffic.

Keywords: safety, road, organization, transport, system, scheme, movement.

Обеспечение безопасности дорожного движения, несомненно, следует рассматривать в качестве ключевого приоритета организации дорожного движения в качестве административно-правовой деятельности. К настоящему времени в науке разработано множество различных методических решений, технических средств и организационных мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения. Они составляют содержание Интеллектуальной транспортной системы (далее — ИТС).

ИТС включает в себя множество подсистем, обслуживающих различные процессы. Для оптимальной организации ИТС все подсистемы должны быть совместимы в целях организации такой архитектуры, которая способна обеспечить участие любой подсистемы в одновременном обслуживании различных процессов.

Так, например, подсистема видеонаблюдения должна обслужить процессы:

— управления транспортными потоками — в части поддержки оперативного контроля;

— информационного обеспечения участников движения — в части визуализации режимов движения для облегчения выбора маршрутов: заблаговременного, при трансляции в сети Интернет, или текущего, по ходу движения;

— обслуживания ремонтов на улично-дорожной сети — в части визуализации режимов движения для проверки адекватности моделирования и т. п. [7].

Организация дорожного движения должна обеспечивать положительный социально-экономический эффект, в связи с чем важной задачей данной деятельности является достижение необходимой интенсивности транспортных потоков, перемещающихся по наземным путям сообщения.

Представляется, что практическое решение указанной задачи может быть реализовано следующими основными методами, представленными на следующей схеме:

Схема 1

В настоящее время совокупность вышеуказанных методов образует фундаментальную основу для разработки КСОДД. Эта разработка является совокупностью экономически, технически и экологически обоснованных мероприятий организационно-правового и инженерно-технического характера, которые сопряжены с утвержденными на федеральном уровне нормативными актами, определяющими особенности стратегического планирования развития отдельных территорий и совершенствование организации и безопасности дорожного движения [1].

С нашей точки зрения, очевидным является тот факт, что внедрение КСОДД будет способствовать не только улучшению организации дорожного движения, но и позволит обеспечить влияние на данный процесс интересов населения отдельных муниципальных образований. В свою очередь, это обстоятельство позволит совершенствовать нормативную регламентацию дорожного движения на муниципальном уровне, обеспечит ликвидацию рассогласования между нормативными актами федерального, местного и муниципального уровней. Учитывая указанный потенциал КСОДД, неудивительно, что в настоящее время различные аспекты, связанные с её разработкой, являются предметом многочисленных научных исследований [2; 3; 4; 5].

Приказ Минтранса России от 26.12.2018 № 480 «Об утверждении Правил подготовки документации по организации дорожного движения» [8] определяет требования к порядку подготовке, содержанию и практической реализации КСОДД.

Задачи, решаемые в рамках разработки КСОДД — это:

— упорядочивание и улучшение условий дорожного движения транспортных средств, пешеходов и других участников движения на улично-дорожной сети (УДС);

— повышение пропускной способности УДС и эффективности её использования;

— устранение очагов аварийности;

— снижение экономических потерь при осуществлении дорожного движения;

— снижение негативного воздействия от автомобильного транспорта на окружающую среду;

— организация парковочного пространства;

— оптимизация движения наземного городского пассажирского транспорта средствами объединенных диспетчерских служб.

Работа над КСОДД включает сбор информации о существующей транспортной ситуации, анализ перспектив развития городской среды и разработку предложений по развитию УДС, таких как введение одностороннего движения, обустройство выделенных полос для общественного транспорта, развитие велоинфраструктуры и пешеходного движения, упорядочивание парковочного пространства и других мероприятий, способствующих созданию удобной и производительной транспортной системы.

Объектом исследования всегда является улично-дорожная сеть, для которой проводится ранжирование. Анализируется работа городского пассажирского транспорта, интенсивность движения на магистральной УДС, состав и плотность транспортного потока. Главный инструмент, используемый в КСОДД — это математическое моделирование; для его осуществления применяются программные продукты, такие как PTV Visum, Aimsun, MATSim и другие. Промежуточным результатом макромоделирования является разработка матрицы корреспонденций — распределения перемещений на территории муниципального образования (МО) по направлениям. Точность полученных результатов определяется полнотой предоставленных данных по социально-экономическому положению муниципальных образований и проведённым социологическим исследованием.

На основании данных о пространственном размещении и объемах транспортных потоков делается прогноз интенсивности движения — модели транспортного спроса и транспортного предложения. В имитационной модели просчитываются различные сценарии и выявляются оптимальные решения по развитию транспортной инфраструктуры [1].

По большинству населённых пунктов также выполняется микромоделирование основных транспортных узлов, их число может достигать нескольких десятков. Моделирование транспортных и пешеходных потоков на уровне отдельных объектов позволяет определить влияние обустройства исследуемого участка сети на транспортные потоки, оценить условия движения конкретного узла. Программное обеспечение для имитационного микромоделирования — AnyLogic, PTV Vissim, Aimsun.

Для планирования бюджета и оценки срока выполнения КСОДД необходимо определить цель работы и основные решаемые задачи, рассчитать требуемый объём сбора полевых данных и принципы камеральной обработки. Чтобы выполнить оценку до составления технического задания, специалистам многих муниципальных образований требуются консультации для определения состояния конкурентной среды на рынке данных услуг. Техническое задание для КСОДД должно быть максимально индивидуализировано, т. к. объём и состав работ значительно меняются в зависимости от территории проектирования и нужд заказчика.

Итак, разработка КСОДД по-прежнему является приоритетным направлением деятельности уполномоченных органов государственной власти с целью повышения экономического потенциала наземных путей сообщения. Представляется, что в основе её дальнейшей разработки должны находиться следующие основные принципы:

1. Совокупный учет разнообразных факторов, связанных с организацией дорожного движения, функционированием дорожно-транспортной инфраструктуры, а также с архитектурно-инженерным планированием развития отдельных территорий. Это позволит обеспечить рациональное прогнозирование транспортных потоков.

2. Осуществление постоянного транспортного зонирования отдельных густонаселенных территорий с целью выявления проблемных мест с точки зрения организации транспортных потоков и принятия административных решений, направленных на введение ограничений для использования личных автотранспортных средств.

3. Реализация дифференцируемого подхода к регулированию функционирования уличной дорожно-транспортной сети с учетом её особенностей на трех уровнях в зависимости от значимости транспортной магистрали (городские, районные, внутриквартальные).

4. Постоянное совершенствование организационной структуры парковочной политики и доступа в центральные части населенного пункта с целью увеличения пропускной способности наиболее важных автотранспортных магистралей.

5. Анализ и научное обоснование возможностей развития общественного скоростного транспорта в качестве альтернативы количественному росту личного автотранспорта.

6. Последовательное совершенствование системы городской логистики с целью снижения нагрузки на городские магистрали большегрузного автотранспорта.

7. Совершенствование правовой базы, обеспечивающей реализацию транспортной политики крупнейших городов с учетом их специфических особенностей.

8. Обеспечение экологической безопасности. Необходимо отметить, что значение данного принципа в настоящее время существенно возрастает. Это объясняется стремительным развитием технических средств передвижения, которые неблагоприятным образом влияют на окружающую среду, создавая угрозу жизнедеятельности граждан. Проблема заключается во влиянии продуктов двигателя внутреннего сгорания на окружающую среду.

В частности, результаты многочисленных научных исследований свидетельствуют о наличии в структуре отработочных выхлопных газов автотранспортных средств многочисленных канцерогенных компонентов, оказывающих значительное

отрицательное воздействие на все компоненты экосистемы, включая человека. В этой связи эксплуатация автотранспортных средств неизбежно связана с формированием существенных экологических угроз.

В связи с вышесказанным задачей организации дорожного движения является снижение токсичного воздействия автотранспортных средств на окружающую среду. Представляется, что решение данной задачи представляется возможным посредством осуществления мероприятий, направленных на совершенствование характеристик автомобильных двигателей и топливной инфраструктуры.

В целом борьбу с загрязнением окружающей среды автомобилями можно представить как снижение токсичности существующих двигателей, разработку малотоксичных энергоустановок для транспортных средств, совершенствование дорожных условий, улучшение организации дорожного движения.

Итак, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что организацию дорожного движения следует рассматривать в качестве важной государственной задачи, решение которой является одним из факторов обеспечения государственной безопасности и реализации установленного конституционно-правового режима гражданских прав и свобод. При этом КСОДД целесообразно рассматривать в качестве ведущего метода решения данной задачи. В этой связи её последовательное совершенствование должно рассматриваться в качестве важного направления уполномоченных осуществлять организацию и регулирование дорожного движения органов власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Атаев П. Пора делать КСОДД [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rostransport.com/article/18512/ (дата обращения: 23.05.2020).

2. Ветохин А. С. Автотранспортная эргономика. — Пенза: Изд-во ПГУАС, 2007. — 249 с.

3. Ганзин С. В. Транспортная инфраструктура: учеб. пособ. — Волгоград: ВолгГТУ, 2018. — 78 с.

4. Сушков А. С. Моделирование и диагностика автомобильных дорог: учеб. пособ. — Воронеж: ВГЛТУ, 2017. — 91 с.

5. Шабуров С. С. Экологическая безопасность автомобильных дорог. — Иркутск: Изд-во Ирк. гос. техн. ун-та, 2006. — 383 с.

6. Круглый стол по обмену опытом в сфере развития городских транспортных систем. Москва 2 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://ppt-online.org/194866 (дата обращения: 23.05.2020).

7. Организация дорожного движения в городах [Электронный ресурс]. — URL: http://www.arterylite.ru/organizatsiya-dorozhnogo-dvizheniya-v-gorodah/ (дата обращения: 23.05.2020).

8. Приказ Минтранса России от 26.12.2018 № 480 «Об утверждении Правил подготовки документации по организации дорожного движения» [Электронный ресурс] // Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант плюс».

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ataev P. It's time to do KSODD. URL: http://www.rostransport.com/article/18512/ (date accessed: 05/23/2020).

2. Vetokhin A. S. Motor transport ergonomics. Penza: PGUAS Publishing House, 2007. 249 p.

3. Ganzin S. V. Transport infrastructure: textbook. Volgograd: VolgGTU, 2018. 78 p.

4. Sushkov A. S. Modeling and diagnostics of highways: textbook. Voronezh: VGLTU, 2017. 91 p.

5. Shaburov S. S. Environmental safety of highways. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State Technical University, 2006. 383 p.

6. Round table on the exchange of experience in the development of urban transport systems. Moscow June 2, 2015 URL: https://ppt-online.org/194866 (Date of access: 23.05.2020).

7. Organization of traffic in cities. URL: http://www.arterylite.ru/organizatsiya-dorozhnogo-dvizheniya-v-gorodah/ (date of access: 23.05.2020).

8. Order of the Ministry of Transport of Russia of December 26, 2018 № 480 "On approval of the Rules for the preparation of documentation on the organization of road traffic" [Electronic resource] // Access from the Consultant Plus Legal Reference System.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционной коллеги осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати и справку автора о том, что рукопись ранее не публиковалась и не направлялась для опубликования в другие издания, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключи-

тельных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Cyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор *(например, [2, с. 46])*.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять–семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом

данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени».

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, и справка автора о том, что рукопись не публиковалась и не направлялась для опубликования, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 3 (94) 2020

Редактор: А. В. Андреев
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: С. С. Голубева
Дизайн обложки: М. А. Полянская

Восточно-Сибирский институт МВД России,
ул. Лермонтова, 110